

Михаил
Антонов

Провиденц Энгельгардт

Михаил Антонов

Провидец Энгельгардт

«Алгоритм»

2019

УДК 82-84
ББК 84.3

Антонов М. Ф.

Провидец Энгельгардт / М. Ф. Антонов — «Алгоритм», 2019

ISBN 978-5-907149-38-0

В книге описаны жизненный путь и деятельность выдающегося русского учёного, хозяйственника, мыслителя и публициста Александра Николаевича Энгельгардта. В отличие от других трудов на эту тему, обычно посвящённых деталям биографии и разбору его книги «Из деревни», в данной работе в центре внимания оказались размышления А.Н. Энгельгардта о путях развития и исторической миссии России и о фундаментальных ценностях человеческой жизни, его идеи о рациональном размещении производительных сил по территории страны, космическом характере и оптимальных методах хозяйствования с государственной и общенародной точек зрения, типе экономики, которая неизбежно придёт на смену рыночной, о роли интеллигенции в обществе и типе народного интеллигента. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 82-84
ББК 84.3

ISBN 978-5-907149-38-0

© Антонов М. Ф., 2019
© Алгоритм, 2019

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Часть первая: письма Энгельгардта «из деревни» и их значение для России	10
Глава 1. Колумб русского села	10
Глава 2. Предварительная подготовка	19
Глава 3. О русском человеке (и немного – о человеке западном)	21
Глава 4. Чем Энгельгардт огорошил российских читателей	30
Глава 5. Паразитизм и гнилость «благородного сословия»	35
Глава 6. Лакеи и паразиты возле бар	44
Глава 7. Паразитизм и хищничество кулаков-мироедов	49
Глава 8. Хозяин и хозяйство	54
Глава 9. Хозяйства прочные, непрочные и химерические	63
Глава 10. О роли личности в истории в местном масштабе	67
Глава 11. Гимн русскому крестьянину	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Михаил Антонов

Провидец Энгельгардт

Предисловие

Это книга о неизвестном русском гении Александре Николаевиче Энгельгардте, хотя о нём, как успешном хозяйственнике и глубоком знатоке предреволюционной русской деревни, в последнее время говорят и пишут довольно много. Но за этим многословием часто теряются личность этого выдающегося сына России, его размышления о фундаментальных ценностях человеческой жизни и поразительные прозрения путей будущего развития нашей Родины.

В 1960 году приобрёл я экземпляр только что вышедшей новым, шестым (а в советское время – третьим) изданием знаменитой книги А.Н. Энгельгардта «Из деревни. 12 писем», залпом прочитал её и был ею очарован, хотя понимание всего её значения для российской науки и практики, для русской культуры приходило ко мне постепенно. И до сих пор считаю её одним из основополагающих трудов о России. С того времени я кропотливо собирал всё, что было связано с Энгельгардтом, его семьей и ближайшим окружением, его открытиями в разных областях деятельности. Естественно, появилось и желание поделиться узанным с другими, с читателями. Я опубликовал несколько небольших статей об Энгельгардте в газетах, журналах и в Интернете. Но лишь в 1996 году мне удалось опубликовать довольно большим тиражом очерк об Энгельгардте «Провидец» в «Роман-газете» (№ 2). Этот номер представлял собой сборник под названием «Русские хозяева». В нём, кроме моего очерка, были напечатаны ещё два произведения: историческое повествование: Валерия Ганичева «Тульский энциклопедист» (об Андрее Тимофеевиче Болотове) и повесть Михаила Петрова «Жизнеописание Дмитрия Шелехова».

По просьбе одного немецкого издательства я переработал свой очерк об Энгельгардте с учётом изменений, происшедших в России за 20 лет, и в 2014 году эта небольшая книжечка вышла в ФРГ под тем же названием «Провидец» (в обоих случаях с подзаголовком «Перечитывая А.Н. Энгельгардта»). Это было кратким изложением моего понимания книги «Из деревни».

Я был не вполне удовлетворён этими публикациями, потому что они, по желанию заказчиков, были посвящены хозяйственной деятельности Энгельгардта, в основном разбору одной лишь его знаменитой книги. А её автор и сам представлял собой яркую личность с самыми разными интересами, и проявил себя во многих областях науки и общественной жизни. Его труды оказали существенное влияние на развитие общественной мысли России конца XIX века и даже вызвали к жизни заметное, хотя и краткосрочное движение среди интеллигенции, отчасти совпадавшее, но в принципе противоположное движению последователей Л.Н. Толстого. Особенно жалко мне того, что за рамками повествования оставалась мало известная сторона личности Энгельгардта, его семья и ближайшее окружение, по-своему замечательные люди, также оставившие след в истории нашего Отечества.

Предлагаемая книга – это попытка осознать с современных позиций значение деяний великого патриота России Александра Николаевича Энгельгардта, восполнив вынужденные раньше пробелы в освещении его жизненного пути. Хотелось бы надеяться, что она поможет нашей общественности узнать и оценить значение этого деятеля для правильного понимания не только прошлого, но и современного состояния и будущего России.

Выражаю сердечную благодарность за всестороннюю помощь в написании и оформлении данной книги М.М. Антонову.

Примечание: *Все цитаты в данной публикации набраны курсивом.*

Введение

История донесла до нас множество имён гениев, великих деятелей, замечательных людей (есть даже знаменитая книжная серия «ЖЗЛ») – мудрецов, мыслителей, полководцев, писателей, художников, композиторов, музыкантов, артистов, спортсменов, политиков, красавцев и красавиц... В каждой сфере человеческой деятельности были, есть и будут свои властители дум и кумиры. Были, конечно, и великие злодеи, знаменитые преступники, неотразимые ловеласы, о них тоже писали книги, но этих героев я оставляю за рамками своего повествования.

Разумеется, всякое величие относительно. Даже величайший из людей – всего лишь человек, а не Бог. А человек, по словам Христа, как бы ни старался, не может прибавить себе росту хоть на один локоть. Враг величия – всепожирающее время. Историки знают, сколько осталось наскальных надписей типа «Я, царь царей, повелите...», но даже имени этого всесветного повелителя не сохранилось. Кроме того, одно дело – величие земное, и совсем другое – с точки зрения вечности. И наши представления о величии могут оказаться несостоятельными, когда *«первые станут последними, и последние станут первыми»*. Наконец, ещё великий мудрец, царь Соломон знал, что всех людей ждёт одинаковая участь в земной жизни: *«...мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увя! мудрый умирает наравне с глупым»*. Но в нашем «человечнике» (выражение советского и российского философа и писателя Александра Зиновьева) думать о таких вещах не принято, поэтому и я оставляю этот момент в стороне.

Так вот, о гениях и великих.

Одни гении жили так давно, века и даже тысячелетия назад, что подчас даже среди учёных возникают споры, а существовали ли они вообще. Например, существовал ли Гомер? Да что там Гомер, если сомнению подвергается существование такого гораздо более близкого нам (по времени) гения, как Шекспир! А он – современник королевы Англии Елизаветы I и первого русского царя Ивана Грозного, состоявшего с нею в переписке. Впрочем, нашлись уже в наши дни исследователи, которые полагают, что под именем Ивана Грозного, правившего более полувека, объединены четыре разных властителя Руси. Но «гении всех времён и народов» словно взирают свысока на треволнения разных эпох, как бы повторяя, что говорится в псалтири: *«О чём мнутятся народы, и племена замышляют тщетное?»* И эти «вечные» гении по сей день считаются авторитетами, на них ссылаются, их цитируют, о них спорят, одни их обожают, другие ненавидят, но они как бы живут среди нас, и их славу называют «немеркнувшей» (как поётся в известной песне: «этих дней не смолкнет слава, не померкнет никогда»).

Другие деятели скажут или сотворят нечто такое, что взорвёт сложившиеся представления, и они окажутся в центре общественного внимания, становятся «звёздами», «властителями дум», «кумирами». Было, например, время, когда Бенедиктова считали более значительным поэтом, чем Пушкин. На рубеже XIX–XX столетий едва ли не вся грамотная, интеллигентная Россия зачитывалась стихами Надсона. Но прошло не столь уж много времени, и кто теперь вспоминает этих кумиров?

Наконец, истории известны великие люди, которые в своё время осуществили своими деяниями подлинный переворот в мировоззрении наиболее значимой интеллектуальной прослойки общества и десятка два лет оставались авторитетами в своей области знания, обретали множество учеников и последователей, становились образцами для подражания, – словом, к ним можно было отнести все признаки величия. Но проходило время, наступала новая эпоха, людей стали волновать совсем иные идеи и заботы, и наш недавний герой оказывался забытым прочно, казалось бы, навечно. Однако затем происходили новые революционные события, жизнь общества после бурных событий, напоминающих весеннее половодье, словно река, пробившая новое русло, снова входила в берега. И тут вдруг выяснялось, что этот забытый

гений неожиданно оказался нужным, его идеи не просто понадобились снова, но заблистали новым светом, наполнились самым актуальным смыслом, и остаётся лишь удивляться тому, как они могли остаться непонятыми при его жизни. И он вновь стал нашим современником, с его положениями «сверяют часы», они вызывают дискуссии и, критически переосмысленные, ложатся в основу нового жизнеустройства общества. Такие деятели – не просто «звёзды», тем более не погасшие звёзды, а звёзды с переменным свечением. К их числу относится и мой герой – Александр Николаевич Энгельгардт.

Чем же был знаменит Энгельгардт и почему его звезда то ярко светит, то исчезает с горизонта?

Знаменит он, прежде всего, своей книгой «Из деревни». В ней собраны его письма, посылавшиеся из глухой смоленской деревеньки в столичные журналы. Первое из этих писем появилось в 1872 году в журнале «Отечественные записки», редактором которых был в то время Н.А. Некрасов. И оно сразу же произвело столь оглушительное впечатление на читающую Россию, что в одной из рецензий на него было сказано: *«Из деревни» должна сделаться настольной книгой каждого образованного человека... Её обязательно должны прочитать все – от студента до министра*. И с каждым новым письмом (а всего их было написано 12) это впечатление усиливалось. Читал и тщательно изучал эту книгу Маркс в далёком Лондоне. Позднее читал её Ленин, сделавший полемику с Энгельгардтом одним из коньков своей политической программой (впрочем, скоро сам от неё отказавшийся). Так Энгельгардт стал «звездой» и «властителем дум» значительной части целого поколения образованных жителей России и непререкаемым авторитетом для возникшего общественного движения своих сторонников.

Но прошло чуть больше 20 лет, и Энгельгардт был забыт, как и его научные труды и некогда знаменитая книга. Когда в 1893 году он умер, его провожали в последний путь лишь близкие родственники. Казалось, уж теперь-то этой «погасшей звезде» уготовано вечное забвение.

Но ещё примерно через четверть века в России произошли события, перевернувшие весь мир. Царская Россия пала, эфемерная буржуазная Российская республика быстро сдулась, будто никогда и не существовала, и на целых 74 года на шестой части земной суши утвердилась Советская Россия, принявшая через пять лет название СССР. Об Энгельгардте снова вспомнили, сначала как о противнике марксизма, а затем – как о глубоком знатоке русской сельской жизни. И его книга «Из деревни» снова потребовалась, и она была четыре раза издана и нашла немало таких, как я, благодарных читателей.

Но распался и СССР, его место на карте мира заняли 15 «независимых» (неизвестно, от кого) государств. При этом собственно Россия стала буржуазной Российской Федерацией. Надо было бы ожидать, что книга Энгельгардта, нашедшая было, наконец, признание в социалистическом СССР, в буржуазной России будет не просто забыта, но и изъята из библиотек, если же о ней и вспомнят, то непременно с единственной целью – очернить и ошельмовать. Ничуть не бывало. Книгу читали, о ней вели дискуссии, причём по мере углубления либеральных реформ, проводившихся «демократами» (точнее, социал-дарвинистами) и, соответственно, усиления разрухи в стране актуальность книги Энгельгардта возрастала. В 1999 году в Санкт-Петербурге вышло и любовно составленное, прекрасно оформленное и снабжённое содержательными комментариями академическое её издание в серии «Литературные памятники, которое А. В. Тихонова готовила к печати и поместила там свою интересную статью об А.Н. Энгельгардте. Выходит книга и в странах Запада. Много материалов о книге и её авторе есть и в зарубежном интернете. Вот приводимые А.В. Тихоновой доказательства того, что интерес к «Письмам» не утихает до сих пор. В Смоленском государственном педагогическом институте в 2000 году С.Ю. Дзюба защитила кандидатскую диссертацию, посвященную «Письмам» (научный руководитель В.В. Ильин).

В 1993 году в Нью-Йорке американская исследовательница Frierson Cathy A. опубликовала свой перевод «Писем» на английский язык, снабдив перевод научными комментариями.

Хотя в целом известные мне зарубежные источники, особенно американские и (что удивительно) немецкие, повторяют давно известное и ничего сколько-нибудь нового и оригинального не содержат.

С приходом к власти в РФ Владимира Путина книга «Из деревни» пережила второе рождение. Если раньше количество изданий её можно было пересчитать по пальцам, то теперь можно говорить о подлинном издательском буме. Одно издательство за другим предлагают книгу, стремясь перещеголять друг друга в изяществе оформления и привлекая наиболее известных авторитетов в качестве авторов предисловий. Есть она и в Интернете. Что касается автора книги Александра Энгельгардта, то о нём всё чаще говорят и пишут, как о великом сыне России. Меньше рассуждают о значении книги «Из деревни» для понимания проблем современности, и уж совсем мимоходом кто-нибудь обмолвится об Энгельгардте как о провидце, предсказавшем многое о будущем нашей страны.

Она состоит из трёх частей. В первой части анализируется книга Энгельгардта «Из деревни». Во второй части рассказывается, кто такой Александр Энгельгардт, о его происхождении, разных сферах деятельности, семье (жене, детях, внуках и правнуках), трудах и открытиях, о его окружении – деятелях русской науки и культуры, о том, почему такой незаурядный человек оказался на 20 с лишним лет оказался запертым в глухой смоленской деревеньке, наконец, о трагической судьбе этой отрасли рода российских Энгельгардтов. Наконец, из третьей части станет ясным, почему я дал моей книге название «Провидец Александр Энгельгардт».

Часть первая: письма Энгельгардта «из деревни» и их значение для России

Глава 1. Колумб русского села

Почти полтора столетия назад вся просвещённая Россия – от студента до министра – зачитывалась письмами «Из деревни», печатавшимися в журнале «Отечественные записки» (последнее, двенадцатое письмо увидело свет на страницах журнала «Вестник Европы»). Дворянин, офицер-артиллерист, затем крупный ученый, профессор Петербургского земледельческого института и, видимо, член подпольной партии «Земля и воля», Александр Николаевич Энгельгардт был в 1871 году арестован в связи с причастностью к студенческим беспорядкам и общим противоправительственным направлением его деятельности. Ему было запрещено жить в столицах, университетских городах и выезжать за границу. И он вынужден был силою обстоятельств поселиться в своем имении – в деревне Батищеве Дорогобужского уезда Смоленской губернии, стать помещиком и вплотную заняться сельским хозяйством. Эта его деятельность оказалась весьма успешной. В то время, как большинство «помещиков от молодых ногтей» разорялись и покидали свои доведённые до ручки имения, профессор, на которого они посматривали свысока как на оторванного от жизни книжника, сумел в короткий срок буквально из руин создать образцовое и прибыльное хозяйство. Мало того, он свежим взглядом посмотрел на сельское хозяйство царской России и, обладая даром блестящего публициста, написал серию писем-очерков, произведших переворот в общественном сознании, в представлениях не только о перспективах российской деревни, но и о путях развития страны в целом. Это сделало его кумиром значительной части молодого поколения просвещённой России. Сейчас даже трудно представить, какие картины, то идеализирующие, то шельмующие русского крестьянина, но равно далёкие от действительности картины жизни русского села преподносились читателям как в художественной литературе, так и в публицистике. Можно утверждать, что Энгельгардт открыл русской интеллигенции подлинную российскую деревню, как Колумб открыл Америку.

– Ну, что ж, – может сказать мне сегодняшний наш, хорошо информированный читатель, – мало ли хороших книг появилось в прошлом! За прошедшие сто с лишним лет страна неузнаваемо изменилась, ничего не осталось не только от дореволюционной деревни, но и от сельской жизни даже, скажем, тридцатилетней давности. Так что пусть и эту интересную книгу читают себе на здоровье историки да публицисты.

Но образованный читатель будет в данном случае неправ. В том-то и дело, – и это представляется каким-то чудом, – что письма Энгельгардта «Из деревни» не только не утратили ни злободневности, ни значения, но в некоторых отношениях сегодня, пожалуй, стали еще более актуальными, чем были в момент выхода в свет. Ведь Энгельгардт не только показал, например, достоинства и недостатки помещичьих, коллективных и личных (семейных) крестьянских хозяйств, но и предсказал появление нового типа хозяйства, сущность которого мы до сих пор ещё не осмыслили, хотя его ростки уже пробиваются сквозь асфальт общественного равнодушия.

Вспомним, как еще недавно «демократические» публицисты и учёные-аграрники писали о кризисе сельского хозяйства страны, начавшемся сразу же после коллективизации и продолжавшемся шестьдесят лет, и как возражали им ревнители колхозно-совхозного строя. Ведь если собрать воедино все постановления директивных органов о необходимости и путях преодоления отставания сельского хозяйства, составит не один солидный том. Какие только

меры по развитию деревни и росту сельскохозяйственного производства не принимались, а существенно поправить дело так и не удалось. И страна, перед революцией 1917 года (и даже ещё перед Великой Отечественной войной) вывозившая в больших количествах хлеб и масло, лён и шерсть на мировой рынок (правда, часто в ущерб собственному пропитанию), вот уже пятьдесят с лишним лет закупает ежегодно и во всё возрастающих объёмах продовольствие за рубежом. «Критикам» казалось, что корень всех бед – в колхозно-совхозном «агроГУЛаге», в отсутствии частной собственности на землю. Но вот приняли закон о частной собственности на землю, уже порушили, по существу, все колхозы и совхозы, издали указ о купле-продаже земли, на его основании ограбили миллионы крестьян, выдав им вместо земельных паёв пустые бумажки, понастроили на крестьянских наделах виллы, дачи и коттеджи, учредили даже новые помещичьи усадьбы, а обещанного «изобилия продуктов питания» нет как нет. Не говорит ли это о том, что в своих попытках поднять сельское хозяйство мы прошли мимо чего-то важного, вернее даже – мимо самого главного? «Да, прошли мимо!» – скажет читатель, внимательно изучивший книгу Энгельгардта. И письма учёного-помещика помогают найти именно это главное.

В чём же оно заключается, это «главное», то, что нашёл Энгельгардт, не посылая делегаций за рубеж (самому ему выезд туда, напомним, был запрещён), в страны с хорошо развитым сельским хозяйством? Оно оказалось совсем рядом и заключалось *в человеке, хозяине и работнике*.

– Эка невидаль, – снова может возразить мне читатель, – да ведь нам все уши прожужжали, вещая о человеке, человеческом факторе, хлебоборбе, призывая возродить крестьянина – хозяина земли и плодов своего труда.

Так-то оно так, но только Энгельгардт понимал человека совсем не так, как его представляют сегодняшние учёные – экономисты и аграрники, а также государственные мужи и публицисты.

Но начнём всё же по порядку. Вот впечатления Энгельгардта от того, что он увидел, приехав на Смоленщину:

«...Проезжая по уезду и видя всюду запустение и разрушение, можно было подумать, что тут была война, нашествие неприятеля, если бы не было видно, что это разрушение не насильственное, но постепенное, что всё это рушится само собой, пропадает измором».

Это сказано не сегодня, а в 1871 году, в правление благоверного царя-освободителя Александра II, то есть почти за сто лет до кампании по ликвидации «неперспективных» деревень и за 120 лет до «демократических» (а точнее – неолиберальных или социал-дарвинистских) преобразований в аграрной сфере постсоветской России. Тогда Энгельгардт, может быть, ещё не понял, но уже почувствовал, что запустение края – не стихийное бедствие, а результат планомерного разрушения основ жизнеустройства деревни, происходящего в чьих-то корыстных интересах. И понимание этих интересов, сил, сознательно разрушавших сельскую Россию, придёт к нему очень скоро.

Чтобы не возвращаться далее к этой теме, хочу сразу отметить удивительное совпадение наблюдений Энгельгардта с заметками его современника Фёдора Достоевского. Вот один лишь такой эпизод:

Состояние экономики пореформенной России удручало Достоевского. В самом начале статьи из «Дневника писателя» он писал:

«Рухнуло крепостное право, мешавшее всему, даже правильному развитию земледелия, – и вот тут-то бы, кажется, и зацвести мужику, тут-то бы, кажется, и разбогатеть ему. Ничуть не бывало: в земледелии мужик съехал прямо на минимум того, что может ему дать земля. И, главное, в том беда, что ещё неизвестно: найдется ли даже и впредь такая сила (и в чём именно она заключается), чтоб мужик решился возвыситься над минимумом, который даёт ему теперь земля, и попросить у ней максимума...»

Всё прежнее барское землевладение упало и понизилось до жалкого уровня, а вместе с тем видимо началось перерождение всего бывшего владельческого сословия в нечто иное, чем прежде...»

Неудовлетворительное положение выявляется и в других областях жизни страны: «...бедность нарастает всеобщая. Вон купцы повсеместно жалуются, что никто ничего не покупает. Фабрики сокращают производство до минимума...». Энгельгардт далее скажет то же и о фабрикантах, и о купцах.

Что сказал бы Энгельгардт, совершив путешествие по тем же краям в начале 1990-х годов, ровно через 120 лет после своего приезда в Батищево, увидев разорение Нечерноземья, да и вообще села по всей России! Ведь тут разрушители не скрывали, что ликвидация колхозов и совхозов была политической задачей, она осуществлялась с целью покончить с Советской властью так, чтобы ни при каких условиях не допустить её возвращения, расчистить почву для установления капиталистических порядков в сельской России, как и по всей стране. И в этом деле разрушители, предатели национальных интересов России находили понимание, помощь и всестороннюю поддержку правящей элиты стран Запада. Да часто эти круги на Западе и были инициаторами и активными участниками разорения и ограбления России. У них три задачи – устранение глобального конкурента – СССР, всемерное ослабление потенциального конкурента – России и нажива за счёт её бедствий – отлично сочетались.

Помню, в предвоенные годы в СССР была очень популярна песня, начинавшаяся словами: «Так будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дому, до хаты». Если не ошибаюсь, она была приурочена к прощанию с Москвой делегации Белоруссии, показывавшей достижения республики во время декады белорусской культуры (тогда такие смотры успехов каждой союзной республики проводились регулярно, и они реально помогали крепить дружбу народов Союза). Таков уж наш народный характер: едва появляется новая популярная песня, как тут же кем-то (или самим народом?) сочиняются пародии на неё. Обычно тон пародий бывал смешной, порой иронический, чаще как проявление беззлобного зубоскальства, но, случалось, и язвительный. Вот и пародия на прощальную белорусскую (хотя и на русском языке) песню была шутливой. Но мог ли бы тогда кто-нибудь предположить, что она окажется в 90-е годы «самосбывающимся пророчеством»? Вот когда можно было бы спеть её вполне серьёзно, но только большинству народа стало тогда не до песен: Напомню всего один куплет этой песни-пародии:

*Так будьте здоровы, живите богато,
Коль жить позволяет вам ваша зарплата.
А если зарплата вам жить не позволит —
Ну, что ж, не живите, никто не неволит!*

И была бы эта песня, что называется, не в бровь, а в глаз. Тогда, в 1990-е годы, власть открыто демонстрировала, что ей на народ наплевать, и один из её идеологов прямо так и заявлял: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут». Обычно к этому добавляли изречение одного знаменитого советского маршала: «Русские бабы ещё нарожают». (Тут оба авторитета ошиблись: в 90-е годы русские бабы массово отказывались рожать, отсюда и демографическая яма, последствия которой будут сказываться ещё долго.)

Как при Александре II, так и при Ельцине с его поделщиками, либеральные реформы послужили поводом для туземного и иностранного жулья крушить экономику, культуру и духовные основы России, грабить её достояние, шельмовать и унижать наш народ, надевая на его шею новое, «демократическое» ярмо. А большинству народа зарплата не позволяла не только жить, но и выживать, да и её, мизерную в условиях скачкообразного роста цен, подчас

не выдавали по несколько месяцев. Энгельгардт в 1990-е годы увидел бы не только разорённые фермы и заброшенные поля в деревне, но и вполне работоспособных, однако лишившихся работы горожан, копающихся в мусорных ящиках в поисках остатков пищи, выброшенных более состоятельными людьми.

Если бы Энгельгардт повторил своё путешествие ещё четверть века спустя, в 2015 году, он застал бы не столь надрывающую душу, но отнюдь не всегда радующую картину. В сельской местности он увидел бы островки интенсивного хозяйствования агрохолдингов, напоминающие кулацкие хозяйства, только более крупные и основанные на новой технике, первые плоды усилий по импортозамещению – свиноводческие комплексы, фермы крупного рогатого скота, новые фруктовые сады и виноградники, и одновременно – громадные массивы заброшенной пашни, оставшихся без работы жителей деревень, на которых, вдобавок ко всему, обрушилась новая волна «оптимизации» систем образования и здравоохранения на селе. Сейчас уже не так бросались бы в глаза разрушенные фермы колхозов и совхозов, потому что всё, что там подлежало утилизации, было уже растащено, а сами развалины поросли травой или даже лесом, кучи брошенного металла поржавели и даже приобрели какой-то экзотический вид и подобие мест для агротуризма. В некоторых городах он заметил бы признаки оживления, в других – продолжающееся запустение, отсутствие работы и надежды на лучшее будущее. Но порадовало бы его то, что «Крым наш!». А если бы довелось ему побывать на Параде в честь 70-летия Великой Победы в Москве, он преисполнился бы гордости за возвращающую себе статус великой мировой державы Россию. Кстати сказать, он имел бы полное право принять участие и в шествии «Бессмертного полка», неся портреты своего сына и остальных членов своего семейства, погибших от голода в блокадном Ленинграде в 1942 году.

Ну, а тогда, когда он только переехал на жительство в Батищево, видя запустение родного края, во многом отражавшее картину всей российской деревни, учёный-помещик посчитал постановку своего хозяйства, доведение его до процветания не только способом обретения средств к жизни, но и своим патриотическим долгом. Сыграло свою роль и желание показать: учёный не сломлен царской немилостью. *«Я оставлял Петербург, – напишет он позднее, – весёлый, полный надежд, с жаждой новой деятельности».* Присутствовало тут и стремление к самоутверждению: *«и я на что-нибудь годен, и я чего-нибудь да стою».*

И через несколько лет упорного труда он добился своего, создав образцовое хозяйство в обыкновенной деревне с малоплодородными подзолистыми почвами. Более того, его имение превратилось в своего рода школу передового опыта, куда съезжалось много жаждавших построить жизнь на новых началах, прежде всего молодежи (правда, подлинного успеха из них добивались немногие). И это дало ему основание с уверенностью заявлять:

«Теперь Смоленская губерния нуждается в привозном хлебе, но если распахать пустоши, то мы не только не нуждались бы в хлебе, но завалили бы им рынок». И это относилось не только к хлебу, а и к другим продуктам питания, и не только к Смоленщине, но и ко всей сельской России. Ну, а кто же не даёт распахать эти пустоши? Помещики, которым они принадлежат. Они либо живут по принципу «собаки на сене»: «сама не ем, и другим не даю». Либо же использовали для закабаления крестьян «отрезки», о чём подробнее будет сказано ниже. Энгельгардт думает именно о судьбах всей России, которая могла бы быть необыкновенно богатой, если бы производителя сельскохозяйственной и иной продукции не связывали по рукам и ногам бюрократические узы и устаревшие отношения собственности, о которых тоже будет сказано ниже. Вспоминая разговоры крестьян о некоей сказочно богатой стране «Китай», учёный восклицает:

«Но где же этот «Китай»? Где этот таинственный, могучий, богатый «Китай»? Он тут, под ногами у нас лежит скованный, запертый замками немецкой работы, запечатанный двенадцатью печатями. Только снимите печати, только отпирите замки!.. Не мешайте нам, не водите на помочах – и мы будем платить хороший откуп. Денег будет пропасть, только

дайте возможность жить, как нам лучше. Сгорит деревня – мы построим новую. Подохнет скот – новый вырастим. А сверх того и деньги будем платить, деньги, стало быть, будут».

Как мы видим, стон, который мы слышим и сегодня (*«не просим помощи – только не мешайте!»*), раздавался и сто с лишним лет назад. Но чтобы иметь право высказать это тогда, Энгельгардту пришлось создать целую новую систему хозяйствования, а для этого и нужно было найти то «решающее звено», ухватившись за которое, можно вытащить всю цепь. И Энгельгардт нашел его не просто в человеке, крестьянине и работнике, а именно в русском человеке, живущим своим особым, национальным строем жизни. Русский человек, конечно, по анатомии и физиологии такой же, как и люди других национальностей, но у него свой, особый (при всём разнообразии индивидуальностей) склад психики, а отсюда – и отношение к труду, чередование работы и праздников, весь строй быта. Хотя, судя по фамилии, Энгельгардт имел в числе своих предков немца, он хорошо знал русского человека, ибо родился в 1832 году в смоленском селе Климове (имении отца), провел там детство и получил первоначальное образование. Сын довольно крупного землевладельца, он всё же хорошо знал положение крестьян. И впоследствии в городе его окружали замечательные русские люди, он был в курсе всех новинок отечественной литературы, особенно «деревенской прозы» позапрошлого века. И всё же, вернувшись в деревню, он сразу же почувствовал, как скудны его познания в жизненно важных вопросах российского бытия, почерпнутые «из авторитетных источников».

«Когда-то в Петербурге я, интересуясь внутренней народной жизнью, читал известные корреспонденции, внутренние обозрения, земские отчёты, статьи разных земцев и пр. Каюсь, я тогда верил всему, я имел то фальшивое представление о внутреннем нашем положении, которое создано людьми, доподлинного положения не знающими. Когда я попал в деревню – а дело было зимой, и зима была лютая, с 25-градусными морозами, – когда я увидел эти занесённые снегом избышки, узнал действительную жизнь с её «кусочками» (нищенстве, но об этом – ниже. – М. А.), «приговорами», я был поражён. Скоро, очень скоро я увидел, что, живя совершенно другою жизнью, не зная вовсе народной жизни, народного положения, мы составили себе какое-то, если можно так выразиться, висячее в воздухе представление об этой жизни... Только крестьяне знают действительную жизнь».

Это положение, кажущееся невероятным, тем не менее, сопутствует людям на всём протяжении человеческой истории. «Верхи» обычно имеют превратное представление о жизни «низов». И «верхи» практически всегда имеют о действительности, особенно о жизни «низов», ложное представление. Маркс выразил это положение афористичной формулой: верхи полагаются на низы в знании частных дел, низы полагаются на верхи в знании общего положения дел, и тем самым вводят друг друга в заблуждение.

И Энгельгардт не просто изучает, наблюдает русского человека в разных проявлениях его бытия, но и действительно «живёт в народе»:

«Меня всё интересовало. Мне хотелось всё знать. Мне хотелось знать и отношение мужика к его жене и детям, и отношение одного двора к другому, и экономическое положение мужика, его религиозные и нравственные воззрения, словом – всё. Я не уходил далеко, не разбрасывался, ограничился маленьким районом своей волости, даже менее – своего прихода. Звал меня мужик крестить, я шел крестить; звали меня на никольщину, на свадьбу, на молебны, я шел на никольщину, на свадьбу, сохраняя, однако, свое положение барина настолько, что приглашавший меня на никольщину мужик, зная, что я не держу постов (это среди интеллигентных дворян было уже делом обыкновенным. – М. А.), готовил для меня скоромное кушанье. Я ходил всюду, гулял на свадьбе у мужика, высиживал бесконечный обед у дьячка на поминках, прощался на масленой с кумой-солдаткой, пил шампанское на именинном обеде у богатого помещика, распиивал полштоф с волостным писарем, видел, как составляются протоколы, как выбираются гласные в земство».

Думается, далеко не каждый руководитель рангом от председателя колхоза и выше, не говоря уж о высшем менеджменте агрохолдинга в наши дни, даже если и вышел из крестьянской семьи, мог бы поставить себя в такие отношения к рядовым труженикам села.

Природный ум, обширные познания, богатый жизненный опыт, научный подход к хозяйству, строгий учёт и тщательный анализ всех сторон хозяйственной деятельности в сочетании с великолепным знанием людей и, соответственно, умением подбирать себе помощников и послужили залогом успеха Энгельгардта в экономическом смысле. А блестящий дар публициста позволил ему написать книгу, которая остаётся сегодня (и, надо думать, останется и впредь ещё надолго) интересной широкому кругу читателей, и притом не только сельских жителей.

История часто движется от утопии к утопии (это не исключает достижения при этом каких-то побочных положительных результатов), а общество живет мифами. Меняется общественный строй, меняется власть – меняются и мифы, нередко просто сменив знак на противоположный. Миф о всесторонне отсталой, «лапотной», царской России может смениться мифом о России процветающей (о «России, которую мы потеряли»), миф о нищей стране – мифом о стране, «кормившей хлебом половину Европы». Книга Энгельгардта помогает избавиться от многих мифов и обрести достоверное знание о России второй половины XIX века.

Трудно перечислить все те вопросы народной жизни, настоящего и будущего России, какие подняты Энгельгардтом в его письмах-очерках. Здесь и размышление о хозяине и хозяйстве, и исследование русского человека как работника, члена семьи, участника общинного дела, гражданина государства, личности – носителя определённого национального психического склада, и сравнение различных систем землепользования, и объективное описание уровня жизни, и трезвый взгляд на политику правительства. И всё это остаётся в большей или меньшей степени злободневным, всё чему-нибудь научает. В особенности же, пожалуй, учит судить о жизни народа не по газетным, радио- и телерепортажам, не по трактатам ученых, не по статистическим отчетам. К сожалению, за сто с лишним лет положение в этом отношении мало изменилось, и те высокие инстанции, которые принимают решения по коренным вопросам развития сельского хозяйства, так же мало знают действительную жизнь народа, как мало знали её и тогдашние начальства. Плохо знают эту жизнь и журналисты (не в обиду им будь сказано), кавалерийские наскоки которых в хозяйства часто представляют собой проявления своеобразного нового «народничества». Польза от таких наездов более чем сомнительная, ибо начальство рангом пониже давно выработало до тонкостей механику «втирания очков» сановитым гостям, а тех подобный способ общения с народом, кажется, вполне устраивает, и не удивительно. Ведь деревня пока интересовала горожан, прежде всего, как источник продовольствия для них, может быть, еще как место летнего отдыха, а отнюдь не как та сфера народной жизни, где закладывается фундамент физического, нравственного и духовного здоровья нации. И налаживать сельское хозяйство, учить крестьян пахать и сеять мы долго посылали городских активистов вроде шолоховского Давыдова или теперешних коммерсантов – руководителей агрохолдингов.

В самом начале своего первого письма Энгельгардт предупреждает редакцию и читателей журнала, *«что решительно ни о чём другом ни думать, ни говорить, ни писать не могу, как о хозяйстве. Все мои интересы, все интересы лиц, с которыми я ежедневно встречаюсь, сосредоточены на дровах, хлебе, скоте, навозе... Нам ни до чего другого дела нет... Вот описание моего зимнего дня.*

...Поужинав, я ложусь спать, и, засыпая, мечтаю о том, что через три года у меня будет тринадцать десятин клеверу наместо облог (заброшенных земель), которые я теперь подымаю под лён. Во сне я вижу стадо пасущихся на клеверной отаве холмогорок (порода коров), которые народятся от бычка, обещанного мне одним известным петербургским скотоводом. Просытаюсь с мыслью о том, как бы прикупить сенца подешевле.

Проснувшись, зажигаю свечку и стучу в стену – барин, значит, проснулся, чаю хочет. «Слышу!» – отвечает Авдотья и начинает возиться с самоваром».

И так подробно описан весь день. Но, конечно, Энгельгардт здесь немного хитрит. С одной стороны, такая сосредоточенность исключительно на хозяйстве и позволила ему добиться невиданных на данном поприще результатов, а с другой – и мысли о российском селе, о судьбе России никогда не покидали его, вклиниваясь и в сознание, и в подсознание, и в процесс хозяйственных забот. Он жил не так: сейчас я занимаюсь хозяйством, а потом буду думать о России. Нет, каждое его повседневное хозяйственное дело, каждое наблюдение за крестьянской жизнью добавляло свой штрих в складывающуюся в его голове картину жизни страны.

Описание Энгельгардтом жизни смоленской деревни должно было шокировать петербургскую публику, потому что из него было ясно, что столица и сельская Россия – это два совершенно разных и не соприкасающихся один с другим мира: *«Вам в Петербурге... всё равно, что ноябрь, что январь, что апрель. Самые тяжёлые для нас месяцы – октябрь, ноябрь, декабрь, январь – для вас, петербуржцев, суть месяцы самой кипучей деятельности, самых усиленных удовольствий и развлечений. Вы встаёте в одиннадцатом часу, пьёте чай, одеваетесь, к двум часам отправляетесь в какой-нибудь департамент, комиссию, комитет, работаете часов до пяти, обедаете в шесть, а там – театр, вечер, вечернее заседание в какой-нибудь комиссии – время летит незаметно. А здесь, что вы будете делать целый вечер, если вы помещик, сидящий одиночкой в вашем хуторе, – крестьяне другое дело, они живут общес-твами».*

Да что там Петербург. Вот Энгельгардт едет из столицы в свою глухомань в мягком вагоне поезда:

«Удивительный контраст! Мягкий диван в вагоне, зеркальные стёкла, тонкая столярная отделка, изящные сеточки на чугунных красивых ручках, элегантные станции с красивыми буфетами и сервированными столами, прислуга во фраках, а отойди полверсты от станции – серые избы, серые жупаны, серые ши, серый народ...»

То есть не только столица, а вся цивилизованная Россия отделена от основной массы народа невидимой, но непроницаемой стеной.

Да, крестьяне живут обществами, но это не означает спокойного развесёлого житья без нужды и без забот:

«В нашей губернии и в урожайные годы у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови: почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что...», остаётся нищенствовать. Ну, сам-то крестьянин пойдёт по миру, а его лошадь, корову и прочий скот кто будет кормить, если в этом году не только голод, но и бескормица? Самому-то подадут кусочек хлеба, а сена и клочка никто не подаст. А если останешься и без лошади, и без коровы, одно остаётся: ложись и помирай. Одинокий человек может податься в город и как-то там устроиться, а если с женой и детьми, которых часто бывало по много в крестьянских семьях? Тут даже самая богатая фантазия отказывается рисовать картину будущего такого бедолаги.

Вот скотник Пётр. У него с женой семеро детей в возрасте от года до 14 лет. И всё семейство работает безустанно с утра до ночи, чтобы только прокормиться. При этом *«в скотной избе, кроме скотника и скотницы (его жены) и их семерых детей помещаются ещё новорождённые телята и ягнята».* Казалось бы, за ту мизерную плату, какую получает Пётр, которому приходится трудиться на барина зимой и летом, в будни и в праздники, в дождь и в снег, невозможно согласиться работать ни одному здравомыслящему человеку. Но Пётр руками и зубами держится за своё место: уйди он с него, тут же найдутся пятьдесят желающих заменить его. Потому что хлеба нет, работы нет.

Но порой и мужик, работающий на своём наделе, оказывается в худшем положении, чем Пётр.

Вот мужик Дёма. К весне в доме ни крошки хлеба, а кормить семью надо. Идёт к одному помещику, просит хлеба в долг, с обязательством отработать долг весной. Дали хлеба, но мало. Кончился он – надо снова занимать хлеб уже у другого помещика, тоже с отработкой. Потом – к третьему, на тех же условиях.

Наступила весна, пора пахать свою ниву. *«Дёма встал до свету... запрягает на дворе лошадь в соху, думает в свою ниву ехать – у людей всё вспахано, а его нива ещё лежит»*, а уже староста из Бардина, прискакавший верхом выгонять обязавшихся работой, затем из другой, тут как тут: Один посылает в Бардино бороновать, другой в Федино – лён сеять. Никакие мольбы освободить его от повинности (*«своя нива не пахана»*) не помогают. Хлеб в долг брал с отработкой, *«так ступай, а не то знаешь Сидорыча (волостной), – тот сейчас портки спустит»*. (Для столичной публики было внове, что, оказывается, по указанию волостного старшины взрослого крестьянина могут выпороть.)

Дёма один день сеет лён на поле одного помещика, следующий – боронит у другого. И думает о своей непаханой ниве.

«Нет, уж это последнее дело, когда мужик должен набирать работы не под силу, – тут во всём хозяйстве упущение, и смотришь – через несколько лет мужик совершенно провалился. Ведь взяв вашу работу, он должен упустить своё хозяйство, расстроить свой двор, каков бы он ни был; понятно, мужик держится за него и руками и зубами. Но что же делать? зато «душу спас», зимою с голоду не умер».

А опоздать с пахотой – значит опоздать и с севом. Опоздать с посевом – может морозом захватить овёс во время налива, и тогда всё пропало. И вообще тёплое время года у нас короткое, опоздал на ранних стадиях цикла полевых работ – можешь остаться без урожая, а это уже почти гибель крестьянину и его семье. И многие крестьянские семьи живут на грани такого несчастья. Энгельгардт, уже познавший, что такое хозяйство, всей душой сочувствует Дёме, которому, возможно, так же придётся убирать рожь или сено на барском поле, когда и его собственный урожай или покос требует именно сейчас приложения его труда:

«Представьте же себе нравственное состояние мужика-хозяина, когда он должен бросить под дождь свое разбитое на лугу сено, которое вот-вот сейчас до дождя он успел бы сгрести в копны, бросить для того, чтобы уехать убирать чужое сено. Представьте себе положение хозяина, который должен оставить под дождем свой хлеб, чтобы ехать возить чужие снопы...»

Нужно видеть, что делается внутри, в душе хозяина, как он клянет судьбу, как он закаивается брать в другой раз страдную работу... Работа летом, в страду, в помещичьем хозяйстве разоряет мужика, и потому на такую работу он идет лишь из крайности, отбиваясь от этой работы елико возможно».

Тяжела жизнь крестьянская. Но не следует думать, что крестьяне обозлены и только о том и думают, как бы устроить бунт или совершить революцию. Нет, они знают, что такой порядок установлен не ими, так жили их деды и отцы, и живут напряжённой трудовой жизнью. Но они играют свадьбы, веселятся, поют песни, пляшут (хотя подчас дело без драки не обходится), у них есть свои светлые дни, свои праздники, свои представления о мироустройстве, о справедливости и о несправедливости, мало понятные господам.

И ещё одно существенное различие между способами существования петербургского чиновника и сельского барина:

«Там, в Петербурге, – худо ли, хорошо – отслужил месяц и ступай к казначею, получай что следует. Откуда эти деньги, как они попали к казначею – вы этого не знаете и спокойно кладёте их в карман, тем более, что вы думаете, что их заслужили, заработали. Тут же не то: извольте получить оброк с человека, который ест пушиной хлеб (то есть хлеб из неотвеянной муки, вместе с мякиной), который кусок чистого ржаного хлеба несёт в гостинец

детям... Прибавьте ещё к этому, что вы не можете обольщать себя тем, что заслужили, заработали эти деньги».

А мужики платить оброк не торопятся.

«Конечно, получить оброк можно – стоит только настоятельно требовать; но ведь каждый человек – человек, и, как вы себя ни настраивайте, однако, не выдержите хладнокровно, когда увидите, как рыдает баба, прощаясь с своею коровой, которую ведут на аукцион... Махните рукой и скажете: подожду».

Но ведь одному простишь, другому, тогда крестьяне и вообще платить оброк перестанут. А чем тогда помещик, владелец большей части земли, жить будет?

«Раз, другой, а потом и убежите куда-нибудь на службу; издали требовать оброк легче: напишете посреднику, скот продадут, раздираательных сцен вы не увидите...»

Энгельгардт, начиная с первого же письма, и чем дальше, тем в большей степени, рисует картину народной жизни, коренным образом отличающуюся как от официального её портрета, так и от представлений интеллигента, почерпнутых из газет и повестей из сельской жизни. Продолжая повествование о скотнике Петре, он добавляет:

«Недорого оплачивается такой тяжёлый труд, как труд скотника со всем его семейством... будь какая-нибудь возможность Петру жить на своём наделе, он, разумеется, не попал бы за такую плату в должность скотника, где ему нет покоя ни днем, ни ночью». Но «положение скотоводства у помещиков незавидное, и... нельзя дать большую плату скотнику, так как и при такой ничтожной плате за труд скот в убыток. То же самое можно сказать и относительно других отраслей хозяйства».

При этом Энгельгардт показывает тщетность попыток изменить положение дел к лучшему, совершенствуя отдельные законы или перестраивая административный аппарат.

А сейчас? С большим трудом осознается нами та простая мысль, что просто поднять сельское хозяйство в наших условиях принципиально невозможно, а нужно налаживать вконец расстроенную народную жизнь. Как это сделать и чем в этом может помочь книга писем Энгельгардта, – об этом пойдет речь в следующих главах о ней. А пока я должен сделать два отступления от последовательного её разбора.

Глава 2. Предварительная подготовка

Энгельгардт пишет, что приехал в Батищево, ничего не зная о положении в российской деревне в тот момент. На деле всё обстояло не так.

«Лето 1863 г. А.Н. провел у родных в Вельском уезде. Деревенские впечатления вылились в «Письма» в редакцию «С.-Петербургских Ведомостей» под общим заглавием: «Из деревни», подписанных псевдонимом Буглима». Вот суть этих ранних писем «Из деревни»:

Энгельгардт не ожидал, чтобы так быстро, в какие-нибудь два года (после Положения 19-го февраля 1861 года) всё так радикально изменилось к лучшему...

В деревнях у крестьян всюду идёт постройка – точно после пожара. Оказались вдруг богачи-мужики. Теперь они не боятся выказывать деньги, а прежде прятали и притворялись бедняками, ходили в лаптях, ели пушной хлеб. На крестьянских наделах кипит работа: мелко-лесье, кусты, болота, всё разрабатывается – точно пришли новые «переселенцы». Совершенно иной вид имеют помещичьи земли. *«Всё запускается, брошено без присмотра, без ремонта, сады почти повсеместно вымерзли... Экипажи, хорошие лошади – всё распродается.*

У ямщиков в тарантасах появились железные оси и хорошие колеса, всё от господских колясок и карет. Не видно по дорогам колясок и карет шестериками, незаметно псарен, охот с доезжачими, гончими, борзыми... Помещичьи поля почти везде запускаются наполовину или более».

Энгельгардту бросился в глаза процесс помещичьего разорения. По-прежнему хозяйничать невозможно, убеждается он. А между тем помещик не хочет, не может и не умеет хозяйничать по-новому. Его поразило отсутствие в помещиках даже самых элементарных познаний в сельском хозяйстве. Большинство помещиков даже хуже понимает хозяйство, чем крестьяне.

Однако Энгельгардт ещё не теряет веры в помещичье хозяйство. Радуюсь признакам возрастающего благосостояния крестьянина, он прибавляет: *«Конечно, ещё более будешь радоваться, когда вместо запущенных полей увидишь богатые фермы, управляемые людьми, сведущими в науке хозяйства... Для самих крестьян будет выгодно, чтобы явились предприимчивые и честные люди с деньгами и, главное, научными сведениями, люди, которые разработали бы запущенные теперь земли и на опыте показали крестьянам, какими средствами можно увеличить производительность земли и облегчить труд разработки её. И такие люди непременно явятся; откуда – не знаю».*

Итак, Энгельгардт не просто был знаком с сельским хозяйством пореформенной России, но даже и написал об этом серию писем под тем же названием, какое он дал впоследствии своей знаменитой книге. Основную тенденцию развития сельского хозяйства он уже тогда уловил: крестьянские хозяйства поправляются, помещичьи разоряются. Но по прошествии ещё восьми лет, оказавшись в Батищеве, он понял, что его прежние представления о судьбе российской деревни нуждаются в серьёзных уточнениях.

Крестьяне в деревнях Смоленской губернии в основной своей массе впали в нищету и часто в голодное время вынуждены ходить и просить милостыню. Единственное заметное улучшение их положения заключалось в том, что, нанимаясь убирать урожай ржи или косить сено в помещичьих усадьбах, например, исполу (то есть половину собранного идёт барину, другая мужику), они, увозя свою долю на свой надел, увозили с ним и почвенные частицы, определяющие плодородие почвы. Поэтому плодородие крестьянской земли повышалось, а помещичьей снижалось. Во всём остальном положение большинства крестьянских хозяйств стало совсем плачевным, и никакого строительного бума Энгельгардт не замечал, если не считать немногих дворов зажиточных крестьян и нескольких кулацких хозяйств. Именно к кулакам и относится замечание Энгельгардта о богатых мужиках, ранее боявшихся показывать, что у них есть различные по деревенским меркам деньги, а с объявлением «воли» почувствовавших, что теперь

у них будет полная свобода развернуться на ниве кровопийства. Читатели постарше, наверное, сразу вспомнят не столь уж отдалённые времена, когда в РФ вдруг объявились неведомо откуда взявшиеся миллиардеры.

Помещичьи же имения разорялись: у большинства помещиков в силу их неумения и нежелания хозяйствовать, у меньшинства – «по науке», то есть вследствие попыток создать хозяйства с применением заграничных машин, покупкой заграничного же породистого скота, с приглашением иностранных управляющих и агрономов и пр., что было обречено на неудачу из-за несоответствия этих начинаний условиям российской деревни, о чём у нас будет ещё не раз разговор. Ожидания Энгельгардта увидеть приход в деревню грамотных помещиков не оправдались, кроме его самого, да ещё десятка таких же, как он, теоретически и практически подготовленных хозяев имений на всю Россию – это было, можно сказать, ничто, меньше, чем капля в море. Энгельгардт же выделился среди этой кучки успешных хозяев не столько именно хозяйственной стороной дела, сколько своим публицистическим даром и его пламенной мечтой о привлечении в деревню, на мужицкую работу молодых интеллигентов, которая, пусть и ненадолго, и тоже с весьма скромными результатами, нашла отклик в молодёжной среде. А в 1863 году мечта о «деревне интеллигентов-крестьян», видимо, ещё только у него зарождалась, пока приняв форму идеи появления прослойки бескорыстных, предприимчивых и честных помещиков, у которых были не только умение хозяйствовать, научные знания и деньги, но и желание помочь крестьянам. Первое же знакомство с реальными помещиками показало тщетность надежд подобного рода. Среди них не было и не могло быть господ, сгоравших желанием стать благодетелями крестьянства, недавних своих крепостных. Да и крестьяне не поняли бы таких филантропов и не поверили бы им, это противоречило всему жизненному опыту многих поколений эксплуатируемых господами земледельцев. Мне кажется, Энгельгардту было бы несколько неловко в письмах поздних вспоминать мечты своих писем ранних.

И получается так, что, с одной стороны, Энгельгардт как бы прошёл предварительную подготовку к своей роли хозяйственника и публициста, а с другой – убедился, что прежние его опыты на этой ниве были недостаточно серьёзными. Поэтому письма 1863 года не могли стать основой для писем 1871 и последующих годов, и её придётся выработать заново. Тем не менее, они были важным этапом в выработке мировоззрения Энгельгардта.

Глава 3. О русском человеке (и немного – о человеке западном)

В первой главе я указал, что секрет успеха Энгельгардта заключался в том, что он сделал ставку не просто на работника и даже не просто на человека, а конкретно на русского работника, на русского человека. По прочтении его книги любой непредубеждённый читатель убедится, что хозяйство Энгельгардта не могло бы развиваться успешно, если бы он имел дело с немецким, французским или английским работником. Поскольку за годы рыночных реформ в нашей стране, в РФ, проповедовались различные космополитические концепции, то иному читателю, особенно молодому, может быть непонятно, почему я утверждаю это. Поэтому я счёл необходимым сказать ещё несколько слов об особенностях русского человека, которые прекрасно понимал Энгельгардт, но которых никак не поймут европейцы и российские неолбералы. Но вместо философских рассуждений приведу несколько переработанное введение к небольшой моей книжечке «Провидец» (тоже об Энгельгардте), вышедшей в ФРГ (на русском языке) в 2014 году.

Сколько копий поломано в бесконечных спорах о тайнах «загадочной» славянской, особенно русской, души! По странному стечению обстоятельств (а, возможно, и вполне закономерно), русских людей эта тема волновала мало. Главное – душа у нас есть, и она такая, какою нам дал её Бог, и вроде бы ничего таинственного в ней нет. Это уж классики русской литературы, каждый по-своему, пытались заглянуть в глубины духовного строя русского человека и часто поражались его широте, противоречивости, даже парадоксальности. А после Достоевского эти поиски стали магистральной линией развития и русской прозы, и русской поэзии. К поискам литераторов присоединились и философы, особенно самые известные представители русской религиозно-философской мысли. А вот на Западе о русской душе размышляли и интеллектуалы, и политические деятели, и даже многие обыватели. Одни – из бескорыстного стремления к познанию истины, другие – из трезвого прагматического интереса. При этом в большинстве своём они всё же опирались на выводы русских писателей, что часто приводило их к ложному пониманию России и русского человека. Помнится, Ромэн Роллан на обвинения в том, что он благожелательно отзывался о советском строе, отвечал: *«А как иначе можно управлять героями Достоевского!»* Но русские – вовсе не герои истеричного Достоевского, а преимущественно люди здравого смысла и трезвого взгляда на жизнь, хотя подчас и склонные к неожиданным и непредсказуемым поступкам. (То ли он по святым местам отправится, то ли деревню спалит; «широк русский человек» и т. п.) На Западе тоже много людей трезвых и здравомыслящих, только их трезвый взгляд и здравомыслие совсем не похожи на русские, что будет видно из дальнейшего изложения. Ведь и те деятели Запада, которые судили о русских людях, русском народе не по книгам русских же классиков, а по личным впечатлениям, даже когда хотели быть объективными, часто несли такую ерунду, что хоть святых выноси.

Не хотелось бы приводить в качестве примера пресловутую книгу маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», но я всё же слегка коснусь её, поскольку, на мой взгляд, её российские критики тоже не поняли французского путешественника. Да и значение этой книги выходит далеко за рамки оценки состояния России на тот момент.

Приведу несколько цитат из неё.

Вот Кюстин ещё не въехал в Россию, он на пароходе, везущем его в Петербург. А уже спешит поведать «городу и миру»:

«Я стою перед входом в империю страха...»

Что же его страшит и «перед входом», и во всё время путешествия по России, и даже по возвращении домой, в прекрасную Францию?

«Эта колоссальная империя... кажется мне посланницей далёкого прошлого. Мне кажется, будто на моих глазах воскресает ветхозаветное племя, и я застываю у ног допотопного гиганта, объятый страхом и любопытством».

В этих словах маркиза просматриваются не только страх и любопытство, но, пожалуй, и тайная зависть. Россия – победительница Наполеона выглядела в глазах европейцев гегемоном континентальной Европы, инициатором Священного союза почти всех европейских государей. Петербургский двор был, по общему признанию, самым блестящим в Европе. Претенденты на трон в том или ином европейском государстве приезжали в Петербург, как в далёком прошлом русские князья приезжали в Орду за ярлыком на княжение. В то время как европейские страны сотрясали революции, Россия оставалась несокрушимой каменной глыбой, готовой «навести порядок» в любой части континента, что она и доказала менее чем через десять лет, подавив в Венгрии восстание против австрийского ига. Да и сама «прекрасная Франция» знала, что стоит за гневом российского императора. Когда в одном из парижских театров поставили спектакль об амурных похождениях Екатерины II, бабки Николая I, он возмутился и пообещал прислать в столицу Франции *«миллион зрителей в серых шинелях»*. Спектакль был немедленно снят.

Как не позавидовать такой мощи? (То, что она оказалась «гнилой», выяснилось не во время путешествия Кюстина, а в Крымскую войну, не отменяет сказанного выше.)

Но вот Кюстин в Петербурге, всюду принят, для него устраивают экскурсии, ему с гордостью показывают город, построенный великим самодержцем. Но для маркиза – это всего лишь центр империи, которую населяют *«шестьдесят миллионов людей или полулюдей»*.

Вот так, ещё не выезжая из Петербурга, маркиз уже посчитал, сколько в России населения и сколько среди них отнести к людям, а сколько к полулюдям.

Не понравились Кюстину пешеходы на улицах столицы, и он, не опрашивая их и не проверяя документов, уже делает из своего наблюдения обобщающее заключение, и силлогизмы для этого используются простейшие:

«Движения людей на улицах показались мне скованными и принуждёнными; в каждом жесте сквозит чуждая воля; все, кто мне встретился, были гонцы, посланные своими хозяевами с поручениями. Утро – время деловое. Никто не шёл вперёд по своей воле... Эти люди-автоматы напоминают шахматные фигуры,двигающиеся по воле одного-единственного игрока, невидимым соперником которого является всё человечество».

Всё логично, и здесь не до раздумий-размышлений: Петербург – город придворных, военных и чиновников. Все они – на службе, и с утра получают указания начальства. А начальство не любит, когда кто-то медлит с выполнением приказа. Дело службиста – сказать «есть!» и тут же бегом или, во всяком случае – без промедления приступить к выполнению приказа. Вот почему у прохожих на улицах деловой вид, и они не ходят вразвалочку, а спешат. Ну, а Россия живёт по закону осаждённой крепости.

В свете такого понимания человека Кюстину стало понятно, почему русские не так веселы и не так развязны, как его милые соотечественники:

«Здесь действуют и дышат лишь с разрешения императора или по его приказу, поэтому все здесь мрачны и скованны; представьте, наконец, почти полную победу воли человека над волей Господа – и вы поймёте, что такое Россия».

Маркизу, видимо, даже не приходило в голову, насколько смешны его наблюдения русскому читателю. Десятки миллионов русских людей, подданных царя, влюбляются и ссорятся, женятся, рожают и воспитывают детей, с трудом добывают хлеб свой насущный, и при этом даже не думают о своём повелителе, разве что придя в праздник в церковь, услышат молитву священника о здравии императора и всех членов августейшего семейства. Да и сам царь, если бы того и пожелал, физически не мог заниматься тем, чтобы давать разрешение этим десяткам миллионов жить и дышать. Я понимаю разные аллегории и другие стилистические украшения

литературного произведения, но всё же не следует доводить «красоты стиля» до полнейшего абсурда.

От характеристики царя и подчинённых ему людей-автоматов маркиз переходит к определению сути России как государства:

«Российская империя – это лагерная дисциплина вместо государственного устройства, это осадное положение, возведённое в ранг нормального состояния общества... В России вам не позволят прожить, не жертвуя всем ради любви к земному отечеству, освященной верой в отечество небесное».

Не только российский император, но и Россия, как государство, – это угроза Европе:

«Пусть даже Россия не пойдёт дальше дипломатических притязаний и не отважится на военные действия, всё равно её владычество представляется мне одной из опаснейших вещей в мире».

И на протяжении всей книги Кюстин высказывает страх перед нашествием на Европу этих северных орд, русских рабов, находящих счастье и в самом своём рабстве. Чего ещё ждать от людей или полулюдей, превращённых в автоматы, послушных воле одного человека – врага всего остального человечества?

Кюстин поражён тем, что, в отличие от Европы, где человек свободен, в России личность, *«я – составная часть огромной государственной машины. Эта составная часть, действующая не по своей воле, подобна винтику часового механизма – и вот что в России именуют человеком!».*

Достаётся от маркиза и русским людям, всему русскому народу:

«Обо всех русских, какое бы положение они ни занимали, можно сказать, что они упиваются своим рабством».

Русские простолюдины тоже пришлись Кюстину не по душе:

«Выражение глаз у русских простолюдинов особенное: это – плутовской взгляд азиатов, при встрече с которыми начинаешь думать, что ты не в России, а в Персии».

Это типичное для европейца выражение: азиат – это недочеловек, хотя в Азии проживает около половины человечества, и иные азиатские народы – наследники многотысячелетней культуры. Как сказал в своё время китайский премьер Чжоу Эньлай одному кичливому европейцу: *«когда ваши предки ещё кутались в звериные шкуры, наши предки ходили в шёлковых халатах».*

Ну, и в целом, после ряда комплиментов русскому крестьянину, Кюстин выносит русскому народу суровый приговор: *«...русский народ лукав, словно раб, что утешается, посмеиваясь про себя над своим ярмом; он суеверен, хвастлив, отважен и ленив, словно солдат; он поэтичен, музыкален и рассудителен, словно пастух, – ибо обычаи кочевых рас ещё долго будут господствовать меж славян... Ум этого народа-подражателя питается чужими открытиями... стремление блистать – главная страсть русских».*

Естественно, у набравшегося подобных впечатлений Кюстина возникло однозначно отрицательное отношение к России и столь же безальтернативный исход из неё:

«...я проникаюсь ненавистью к этой стране, её правительству и всему населению; меня охватывает неизъяснимая тоска и желание бежать отсюда».

Вот вам и коренная причина ненависти европейцев (и Запада в целом) к России, которую воспитанный, соблюдающий все нормы придворной этики и блюдущий свою честь европейский аристократ не смог скрывать. Этой ненавистью проникнут весь двухтомник Кюстина о России. **А каким может быть выход этой испепеляющей ненависти к этой угрозе для Европы, к нашей стране, её правительству и всему населению? Только один: окончательное решение русского вопроса – уничтожить русских или, по крайней мере, загнать их за Урал, желательно к берегу Северного Ледовитого океана, чтобы они никогда не смогли бы вновь подняться. Гитлер попытался осуществить**

то решение, которое органически вытекало из чувств Кюстина. Астольф выступил как предшественник и вдохновитель Адольфа.

Наконец, буквально в наши дни ведущие деятели США и НАТО в военной области заявили, что Запад будет давить на Россию до конца её существования. На что секретарь Совета Безопасности РФ Николай Патрушев заметил, что цель Запада – чтобы России, как страны, не было. Вдобавок Обама ещё пообещал, что будет добиваться легализации однополых браков по всему миру, а значит, и в России. Нужны ли нам такие, с позволения сказать, «общечеловеческие ценности»? Всё стало ясно, без недомолвок. Это межкультурный конфликт, который сам собой, мирно, разрешиться не может. России вновь предстоит противостояние с объединённым Западом, хотя она и в экономическом, и в военном отношении пока слабее его. Но она – единственная на планете сила, которая выступает идеологическим, политическим и военным препятствием для гегемонии западной цивилизации. Ни одна другая страна эту роль выполнять не сможет. Тем она Западу и ненавистна.

Не случайно, что книга Кюстина была встречена в Европе на «Ура!», переведена почти на все европейские языки и выдержала множество изданий. Это был поистине бестселлер, книга, появления которой смутно ожидали миллионы европейцев. И когда она вышла в свет, это был бальзам на душу европейцев, перепуганных могуществом непонятной им России.

Я привёл выше несколько цитат из Кюстина (подобных им в книге несчётное количество) вовсе не для того, чтобы тут же вступить с ним в полемику и ткнуть его носом в мерзости французской истории и французской жизни. Всё-таки книга Кюстина – некий шаг вперёд по сравнению с веками ходившими в Европе представлениями о России, как о стране, где живут люди с пёсыми головами, а по улицам свободно ходят медведи. Я лишь хотел показать, что западному человеку органически непонятен русский человек и строй его жизни. Русские исторически сложились как народ тоталитарный, как народ-государственник, и он, перенесший множество иноземных вторжений и нашествий, живёт, по словам Дмитрия Менделеева, *«бытом военного времени»*. Многие Кюстин подметил верно, но он дал этому (возможно, даже без умысла) ложное истолкование. То, что европейцу кажется ужасным (приоритет государственных интересов над личными, понимание долга выше чести и пр.), для русского естественно. И европеец никогда не поймёт русского человека, если даже всю жизнь проживёт в России.

Для кинорежиссёра Карена Шахназарова Европу характеризую два произведения искусства: скульптура Родена «Мыслитель» и статуя «Кондотьер» (завоеватель, покоритель «диких» народов) работы Вероккьо, которая трактуется искусствоведами как *«памятник воле, энергии, решимости, героизму человека»*. Но, говорит Шахназаров, «Мыслитель» в Европе отошёл в тень, а на тропу вышел «Кондотьер». И вышел он на тропу, ведущую на Восток. Его никто не остановит, если только он не получит от Востока сокрушительного отпора.

Мало того, что средний европеец, по Константину Леонтьеву, это «идеал и орудие всемирного разрушения». Дело обстоит гораздо хуже.

Мы ещё до конца не понимаем, что европеец – это потомок германцев-завоевателей, захвативших в V веке и заселивших, как раса господ, территорию Западной Римской империи. Многие современные государства Европы носят название тех германских племён, которые первоначально захватили эти территории: англосаксы, белы, франки, тюринги, тевтоны, лангобарды (Ломбардия), остготы (остров Готланд, а в их империю входили Киев, Крым и, говорят, ещё и пермские земли) и вестготы и пр. Другие германские племена исчезли, но память о себе оставили надолго, например, вандалы. Германец – это носитель духа превосходства над остальными недочеловеками, расист изначально, по своей природе.

«В результате германские завоевания, – пишет М.Саяпин, – сформировали в послеримской Европе германский по происхождению кодекс благородства, зиждившийся на двух столпах:

1. господин не происходит из числа подвластного ему населения, его род – пришлый в этих краях;

2. господин является полновластным хозяином своих людей, а не просто правителем данной местности.

Германская система землевладения фактически восстановила рабство».

Надо отметить, что до германцев эти территории, заселённые в основном кельтскими племенами, были завоёваны римлянами, которые тоже не были ангелами. Считалось, что это был народ с разбойничьими наклонностями, буйный и беззаконный.

Русский мыслитель, один из основоположников славянофильства Иван Киреевский отметил особенность генезиса западноевропейских государств:

«...общественный быт Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти везде возник насильственно, из борьбы на смерть двух враждебных племён, из угнетения завоевателей, из противодействия завоёванных и, наконец, из случайных условий, которыми наружно кончались споры враждующих несоразмерных сил».

Исходя из этой установки, Киреевский предсказывал и будущее этих стран. Они будут развиваться кровавыми переворотами.

Вот и выдающийся русский мыслитель Николай Данилевский в книге «Россия и Европа» показал, что Европа – извечный враг России, и привёл цивилизационные объяснения этого факта. Здесь не место разбирать фундаментальный труд Данилевского, который в России нашёл тогда (да и много позже) мало читателей, понявших его историческое значение. Но одно замечание надо сделать, поскольку нынешние санкции Запада и другие его враждебные акции в отношении России – не случайная мера, а лишь иное проявление многовековой его политики с целью расчлениить и покорить нашу страну. Базовой основой такого рода устремлений являлся менталитет людей Запада. И.Я. Данилевский, определяя типичные черты, присущие народам Запада, замечал: *«Одна из таких черт, общих всем народам романо-германского типа, есть насильственность... Насильственность, в свою очередь, есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему».* В насильственности И.Я. Данилевский усматривал *«коренную черту европейского характера».* Отсюда он выводил, в частности, стремление европейцев *«к угнетению народностей».*

Я бы сказал более определённо: русский человек и европейский человек – это два разных антропологических типа, причём европеец никогда не сможет адекватно понять русского. (Находящийся на нижней ступени развития не понимает находящегося на высшей, а последний первого понимает вполне и сочувствует ему, хотя и всегда должен быть готов к тому, что тот выкинет какой-нибудь недружественный фортель.)

Я не знаю, принимал ли Энгельгардт концепцию Данилевского в полной мере, но то, что русский человек, крестьянин, совершенно иной антропологический тип, чем европеец, он понимал и показывал на ярких примерах.

И евразийцы рассматривали Западную Европу как единый «романо-германский мир», имея в виду то обстоятельство, что все народы этого континента образовались вследствие завоевания в разной мере романизованного их населения германцами, образовавшими господствующий класс и обратившими завоёванных в своих рабов. Господа говорили на одном языке, местное население на другом. И через столетия повторялась та же картина. Нормандцы, завоевав в 1066 году Англию, говорили на французском, англосаксы – на диалектах своего языка. Самый знаменитый английский король Ричард Львиное Сердце участвовал в Крестовых походах и бывал в Англии редко, а английского языка не знал совсем. Покорённые англосаксы не раз поднимали восстания против захватчиков, эти их выступления жестоко подавлялись. Понадобились столетия, чтобы из этих двух разнородных частей образовалась нация, говоря-

щая на едином английском языке, но английская аристократия всё же имела в основном нормандские корни. (То есть германские, поскольку Нормандия – это область во Франции, которая была захвачена морскими разбойниками – викингами, германского происхождения.)

Я не отрицаю того, что деятели культуры стран Европы внесли весомый вклад в сокровищницу ценностей человечества. Но нельзя отрицать и того, что, в силу многих причин приморские страны Западной Европы, прежде значительно отстававшие, например, от Китая, вырвались вперёд в своём развитии (особенно в производстве оружия) и, захватив огромные территории на всех материках, создали обширные колониальные империи. Сначала в Испанской, а затем в Британской империи *«никогда не заходило солнце»*: когда в одних колониях наступала ночь, в других сиял день. В разы превосходили свои метрополии и по территории, и по численности населения колонии Франции, Бельгии, Голландии, Португалии. Германия, опоздавшая к началу создания колониальных империй, тем не менее, также захватила колонии в Африке и в других частях света. Колонизаторы захватывали облюбованные ими территории силой оружия (огнестрельного, которого у туземцев не было), сопротивляющихся захвату беспощадно, зверски уничтожали, а покорённое население либо заставляли работать на захватчиков, либо обращали в рабов и продавали на работу на плантациях в осваиваемой европейцами Америке. На совести тех, кто несли «бремя белого человека», будучи в крови невинных жертв, – многие злодеяния: от работорговли и опиумных войн до истребления целых народов вместе с их самобытной культурой. Словом, нет такого преступления, которого не совершили бы европейцы в их безумной жажде золота, богатства. Их идеологи разработали десятки расовых теорий, оправдывавших эти преступления, убеждали себя и мир в том, что европейцы обязаны нести «бремя белого человека», эксплуатируя туземцев колоний по праву, исполняя миссию «цивилизовать» отсталые народы. Процесс же цивилизации они понимали, как насаждение повсюду ценностей и образа жизни европейцев. Европейцы (а тем более – их отколовшаяся ветвь – американцы) не могут жить без присвоения плодов труда покорённых ими народов. Даже если они вынуждены были предоставить этим народам формальную независимость, они опутали отсталые страны узами финансовой кабалы. Европейцы и американцы – народы-хищники, со дня своего появления на свет пьющие кровь своих жертв. И они не могут воспринимать мир иначе и жить иначе. Как пишет талантливый блогер Юлия Бражникова, *«хищник не может изменить матрицу своего сознания и будет прыгать на противника, пока тот, потеряв терпение, не свернёт ему шею»*. Отсюда их теории «исключительности» и «исторической миссии» той или иной нации из их сообщества.

Вообще-то каждая историческая нация обладает своей исключительностью. Весь вопрос в том, в чём нация видит эту свою исключительность, направлена ли она на подчинение и эксплуатацию других наций или же исходит из необходимости развития на собственной основе. Так, исключительность США заключается в том, что американская нация строит «град на холме», призванный стать образцом для всего остального мира, и обязанность Америки – насаждать всюду американские ценности и американский образ жизни. А те «дикие» народы, которые не принимают эти ценности и этот образ жизни, надо принудить принять предлагаемый образец, либо уничтожить, чтобы они не портили этот мир, освободили бы территорию для достойных проживания на планете. И бесполезно убеждать европейцев или американцев в ошибочности их теорий исключительности, это их гражданская религия, догматы которой воспринимаются с детства на веру, и рациональными доводами их не опровергнуть. В констатации того, что народы Запада складывались как хищники и паразиты, и что такова их гражданская религия, нет ничего обидного, тем более оскорбительного. Такими эти народы сформировала история.

А русский народ складывался в совсем других условиях. Экспансия русских была направлена на Восток и на Север, на земли мало заселённые, причём часто с экстремальными условиями проживания. Устраивая свои крепости, со временем становившиеся городами, вблизи

селений туземцев, они вступали с местным населением в торговые и иные, порой и брачные связи, и старались закрепить их на мирной основе. Поскольку по уровню экономического и культурного развития русские превосходили местное население, туземцы охотно перенимали многое из опыта пришельцев. При этом русские не пытались изменить общественное устройство у тех народов, среди которых им довелось жить. Так, хотя порой и не без трений, но без войны на уничтожение, происходил процесс адаптации русских к местным условиям, а туземцев – к русской культуре. В итоге складывался союз народов, составивших со временем Русское государство. Даже английские мыслители вынуждены были признать, что такая политика русских привела к образованию союза разноплеменных частей гораздо эффективнее, чем экспансия англичан в их стремлении подчинить себе другие народы силой оружия.

При единстве русского культурно-исторического типа, разумеется, и среди русских (как и в любой другой нации) есть люди совершенно разные и по складу души, и по взгляду на жизнь. Вот как, например, рисует Иван Тургенев (можно сказать, первый из великих русских писателей получивший широкое признание на Западе) два таких типа в рассказе «Хорь и Калиныч»:

«Хорь был человек положительный, практический, административная голова, рационалист; Калиныч, напротив, принадлежал к числу идеалистов, романтиков, людей восторженных и мечтательных. Хорь понимал действительность, то есть: обстроился, накопил денег-жонку, ладил с барином и с прочими властями; Калиныч ходил в лаптях и перебивался кое-как. Хорь расплодил большое семейство, покорное и единомушное; у Калиныча была когда-то жена, которой он боялся, а детей и не бывало вовсе... Хорь любил Калиныча и оказывал ему покровительство; Калиныч любил и уважал Хоря. Хорь говорил мало, посмеивался и разумел про себя; Калиныч объяснялся с жаром, хотя и не пел соловьём, как бойкий фабричный человек... Но Калиныч был одарён преимуществами, которые признавал сам Хорь... Калиныч стоял ближе к природе; Хорь же – к людям, к обществу».

При всех отличиях русских людей, скажем, типа Хоря и типа Калиныча, у них есть много общего, и тот и другой по своему внутреннему складу не похожи на рядовых европейцев. Прагматик Хорь, при внимательном рассмотрении, резко отличается от прагматика-европейца, так же как Калиныч от европейского романтика.

Но деятели Запада, интересующиеся Россией и складом русского человека, не видят этой особенности наших соотечественников. Почему? Это отдельный вопрос. Но одна из причин этого странного положения, может быть, в том, что, зная едва ли не наизусть наиболее известные произведения Достоевского, Льва Толстого и Чехова, они не знают книг менее знаменитых, но ближе стоявших к реальной жизни русских тружеников. В особенности это относится к удивительно ёмкой, написанной прекрасным русским языком книги потомка обрусевших немцев Александра Николаевича Энгельгардта «Из деревни». Она и в России-то известна преимущественно специалистам-аграрникам, а уж за рубежом если и была когда-нибудь переведена, то давно стала библиографической редкостью. Да без обстоятельного истолкования её там чаще всего просто и не поймут. А истолкования даются почти всегда в духе книги маркиза де Кюстина.

Но почему же эту почётную и нужную работу выполнил обрусевший немец, а не «природный русак»? Ещё Пушкин заметил: *«Мы, русские, ленивы и нелюбопытны»*. Нас уже давно не удивляет то, что нередко выходцы из других народов открывают первыми какие-то стороны русской жизни, на которые нам некогда обратить внимание. Обрусевший датчанин Владимир Даль создал «Толковый словарь живого великорусского языка». Русские былины собрал славяновед и историк, славянофил Александр Гильфердинг, тоже, судя по фамилии, происшедший «от корней иноземных», возможно, немецких. И что интересно: работы Гильфердинга *«были первыми попытками в русской историографии представить более объективно характер взаимоотношений славян (особенно прибалтийских) и немецких захватчиков и колонизаторов. Традиционной легенде немецкой историографии о культуртрегерской и миссионерско-просве-*

тительской деятельности немецких духовно-рыцарских орденов в отношении славян, латышей, литовцев Гильфердинг противопоставил картину насильственного онемечивания и порабощения этих народов». (Замечу, что и Энгельгардт о немцах обычно отзывается с иронией.) И музей имени великого русского художника-иконописца Андрея Рублева создал грузин Давид Арсенишвили.

О музеях, об отношении русских к прошлому, вообще надо бы поговорить особо. У нас в Москве долго не было даже музея Гоголя, да и тот, что есть, пока ещё не вполне музей. А вот эстонцы в Красной Поляне, в пригороде Сочи, создали музей классика своей литературы (фамилию его я сейчас не вспомню). Почему? Какое отношение имели эстонцы и этот их классик к Сочи? Оказывается, он лечился здесь, провёл в Красной Поляне две недели. Чувствуете разницу? Возможно, это происходит от богатства русской культуры, от обилия в ней гениев? Но Тургенев находит более глубокие тому объяснения. Он писал, что именно из разговоров с Хорем вынес *«убеждение, что Пётр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. Что хорошо – то ему и нравится, что разумно – того ему и подавай, а откуда оно идет, – ему всё равно. Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы, по словам Хоря, любопытный народец, и поучиться у них он готов»*. Гений своих русский человек чтит, но не заикливается на этом, будучи уверенным в том, что, как сказали бы некоторые известные деятели, *«русские бабы ещё нарождают»*. Потому у нас охрана памятников истории и культуры остаётся пока скорее делом узкой прослойки энтузиастов, чем всенародным движением.

Русские – в высшей степени подражательный и переимчивый народ. Начну с мелкой бытовой детали. На Руси женщины издавна носили сапоги, что было вызвано нашими климатическими условиями, и никто в этом не видел ничего особенного. Но вот кто-то из заезжих французов увидел такую обувь, и во Франции появились в продаже изящные женские сапожки. И только тогда и в России они стали модной обувью, а русские женщины часами стояли в очередях, чтобы обзавестись импортными сапожками. А сколько великих открытий и изобретений было сделано в России (от первого в мире паровоза до первого же компьютера), но они не признавались и оставались без применения. Зато, едва за рубежом появлялось что-нибудь подобное, часто основанное на русских же идеях, как тут же начиналась гонка: «догнать и перегнать!» же упоминавшийся Иван Киреевский с горечью писал: желать теперь остаётся нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения нашего и написал об этом статью в журнале. И чтобы немец, поверивши ему, изучил наше учение поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в этом учении *«совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французам и немцам и сами узнали бы то, что имеем»*.

Что это? Проявление комплекса неполноценности русских? Или некое прекраснотушение, открытость миру и доброжелательное к нему отношение, пока суровый опыт от этого не отучит?

При объяснении подобных явлений надо ещё иметь в виду, что русский, когда он общён к государственному делу, становится человеком долга, ему важно выполнить задание, и он не спешит заявить о своём приоритете, а подчас об этом и не думает. Западный же человек – прежде всего прагматик, он знает, что зафиксировать свой приоритет – это возможность заработать деньги. Радио изобрёл русский, Александр Попов. Но он работал по заданию оборонного ведомства, и его занимала задача сама по себе (возможно, работа ещё и носила первоначально гриф «секретно»). А итальянец Маркони, создав позже Попова нечто похожее на его прибор, поспешил получить патент и развернул коммерческую деятельность. В итоге светила науки признают приоритет Попова, но во всём мире изобретателем радио считается Маркони.

Писатель Михаил Пришвин хорошо знал русскую деревню и передавал широко распространённое там чувство: настоящая жизнь – в городе, а здесь – прозябание. Точно так же многие русские люди (больше среди интеллигенции) полагали, что настоящая жизнь – там, на Западе, а здесь, в России, – прозябание. И пресловутое «преклонение перед иностранщиной» зародилось в России задолго до появления «безродных космополитов». Потому у нас и не обращали внимание на многое из того нового, что появлялось в нашей земле, но как только аналогичное создавалось на Западе, оно тотчас же получало статус совершенства и становилось предметом заимствования.

Но вот что интересно: заимствуя что-нибудь извне, русские нередко переделывали его так, что подражание становилось выше образца. Не было в русской литературе жанра романа, – заимствовали его, и через некоторое время появился роман в стихах «Евгений Онегин» Пушкина и роман в прозе Льва Толстого «Война и мир», которые многие мировые авторитеты считают вершинными достижениями этого жанра. Отсутствовали у нас балет, опера и симфоническая музыка – заимствовали их, а затем покорили мир такими шедеврами, как «Лебединое озеро», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», Первый концерт для фортепиано с оркестром и Шестая симфония Чайковского. Русская школа перевода иностранной художественной литературы славится тем, что лучшие её творения конгениальны оригиналам, а нередко и превосходят их по красоте и образности.

Про древних римлян говорили, что они ничего не изобрели, но всё заимствованное усовершенствовали. Русские же и сами изобрели и открыли многое, и многому из заимствованного придали совершенство. При этом русские нередко творили и изобретали «просто так», от избытка творческих сил и даже из озорства, не из-за давящей необходимости. Тогда как великий американский изобретатель Эдисон руководствовался принципом: изобретать только то, что имеет перспективу завоевать рынок, принести деньги.

При этом Россия охотно принимала пришельцев из других земель. И многие иностранцы, попадая в русло русской культуры, творили уже совершенно в русском духе.

Вот и потомок немцев А. Н. Энгельгардт открыл читающей России внутренний мир русского человека, крестьянина, и этот мир оказался, при всех недостатках, за которые нас, русских, так не любят на Западе, полным поэзии и высокой нравственности, мудрости и мужества, красоты и нежности.

Глава 4. Чем Энгельгардт огорошил российских читателей

Нельзя сказать, что до Энгельгардта в русской литературе не писали о крестьянах. Не заглядывая уж в очень далёкие дали истории, отмечу, что печаловался о крестьянстве выдающийся русский писатель, мыслитель и священнослужитель времён Ивана Грозного Еромолай-Еразм. Он, между прочим, также автор «Повести о Петре и Февронии», герои которой стали символом нового для России праздника любви и верности, семейных устоев. Кроме того, ему принадлежит авторство грандиозной философской системы, в основе которой лежит не борьба противоположностей, а гармония. Радищев пострадал за свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», большая часть которой посвящена описанию угнетённого положения крестьянства и ужасов крепостного права. Пушкин писал не только вольнолюбивые стихи о том же, но и оставил глубокие публицистические заметки по крестьянскому вопросу, часть которых я ниже процитирую. Дмитрий Григорович в книге «Антон-горемыка» изобразил беспробудную жизнь крестьянина, на которого враз обрушились все мыслимые беды и несчастья. Тут и голод, и беспробудная нищета, и недоимки, для уплаты которых управляющий приказывает отвезти на ярмарку и продать единственную кормилицу семьи – лошадь. На ярмарке у Антона крадут лошадь, и он, без неё и без денег идёт домой и встречает двух беглых солдат, промышляющих разбоем. В момент, когда полиция арестовывает разбойников, Антон, оказавшийся в их компании, по решению суда, так же, как и они, отправляется на каторгу, под вопли жены и малолетних детей. Такое нагромождение катастрофических событий наводит на мысль о заданности темы и об искусственности авторского замысла (хотя и до сих пор в ходу подобные повествования, сейчас чаще из городской жизни.)

Но особенно обострился крестьянский вопрос в период борьбы за отмену крепостного права. Большинство противников крепостничества представляли дело так, будто после его отмены настанет, наконец, золотой век, освобождённое от ига помещиков крестьянство и само заживёт счастливо, и создаст условия для всестороннего прогресса России. Увы, случилось иное. Отмена крепостного права, по словам Некрасова, ударила *«одним концом по барину, другим по мужику»*. Крестьянам оставили меньше земли, чем было в их распоряжении до «воли» (которую Фирс в «Вишнёвом саде» Чехова не зря называет «несчастьем»), и они ещё должны были дорого за неё заплатить. В крестьянстве произошло имущественное расслоение, тонкая прослойка кулаков обогатилась, более или менее «середняцкие» хозяйства оставались на плаву. А миллионы бедняков либо, оставаясь в деревне, впали в полную нищету, либо подались в город, который не мог поглотить всю эту тьму нагрянувших в него новых обитателей, и они, не имея ни работы, ни крыши над головой, стали люмпенами и благодатной почвой для преступности.

Хотя ко второй половине XIX века крестьянство составляло 85 процентов населения России, по литературе о его жизни нельзя было составить реального представления. С одной стороны, были в ходу разные сказочки о добром мужичке, благообразном и богобоязненном, с другой – рисовались картины быта скотоподобных существ, тёмных, отсталых, не способных ни к чему доброму и «экономически эффективному».

В публицистике о крестьянах и их жизни писал, например, Скалдин (под этим псевдонимом выступал либеральный публицист Ф.П. Еленин). Его письма-очерки «В захолустье и в столице» стали появляться в журнале «Отечественные записки» в 1867 году, а в 1870-м вышли отдельной книгой. Хотя в них содержалось немало интересных наблюдений, сама позиция автора, либерала, сторонника перехода России на капиталистический путь развития по примеру стран Западной Европы, популярностью в русском обществе того времени не пользовалась, а потому книга особого впечатления не произвела.

За четыре года до отмены крепостного права большим успехом пользовались рассказы Николая Успенского (не путать его с двоюродным братом Глебом Успенским), посвящённые изображению дореформенной деревни и отражавшие радикальные демократические настроения писателя, его идейную близость к революционно-демократической интеллигенции. Показывая в этих рассказах забитость, бесправие и неразвитость крестьянской среды, писатель выступал против крепостного строя и либерализма. Именно революционно-демократическая критика увидела в этих рассказах их глубоко реалистический характер. Они якобы раскрывали истинное положение крестьянства и показывали глубокое сочувствие писателя народу. Чернышевский даже посвятил Успенскому статью «Не начало ли перемены?», в которой приветствовал нового автора, сумевшего *«глубоко заглянуть в народную жизнь и так ярко выставить... коренную причину её тяжёлого хода»*.

Чернышевский – глубокий мыслитель, оказавший громадное влияние на русское общество тех лет, в том числе и на Энгельгардта, о чём ниже будет подробный разговор. Но что он мог знать в то время о крестьянстве?

Горожанин от рождения, сын разносторонне образованного и глубоко религиозного саратовского протоиерея, с детства отданный под водительство гувернёра-француза, до 14 лет получавший домашнее образование под руководством отца и двоюродной сестры, затем три года проучившийся в духовной семинарии, где за свою начитанность был прозван «библиофагом» («пожирателем книг»), в 18 лет поступил в Петербургский университет, который окончил в 1850 году, в возрасте 22 лет, и получил назначение в Саратовскую гимназию. Но через два года он женился на Ольге Сократовне Васильевой, о которой тоже будет сказано ниже, и вместе с женой переехал в Петербург. Там он стал преподавателем кадетского корпуса, но скоро был вынужден подать в отставку. И началась его литературная деятельность, в основном в «Современнике», совсем не оставлявшая ему свободного времени, ибо, не состоя на государственной службе, он должен был содержать семью на скромные гонорары от своих статей и переводов с иностранных языков. Так что о жизни крестьян он и мог узнать из литературных произведений типа рассказов Н.Успенского, который, кстати сказать, довольно скоро пополнил ряды «забытых писателей». А что такое знание крестьянской жизни по литературе, это хорошо показал Энгельгардт, тоже до переезда в деревню черпавший свои познания на этот счёт из книг, газет и журналов. Это было книжное знание, не имевшее ничего общего с действительностью.

Наиболее выдающимся рассказом Н.Успенского считали «Обоз», особо отмечая знание автором языка крестьянина. Вот несколько сокращённый его фрагмент.

Мужики, едущие с обозом в Москву, остановились на ночёвку, а утром рассчитываются с хозяином:

«– Ты сколько смени положил? – простуженным голосом спросил хозяина извозчик.

– Тридцать копеек.

– Ты копейку должен уступить для меня... Я тебе после сослужу за это... ей-богу.

– С тебя приходится, Егор, сорок две... две за хлеб да сорок... сорок две... ещё давай гривенник... За тобой ничего не останется.

...Однако мужики поняли, что всё-таки надо и следить за расчётом, и снова приняли мрачный вид, напрягая все свое внимание на вычисления...

– Хозяин, ты что за овёс кладешь?

– Тридцать серебром.

– Вы так считайте: положим щи да квас – сколько составляют? восемь серебра...

– Ну, начинай, Кондратий: щи да квас...

– А там овёс пойдет...

– Овёс после... ты ассигнацию-то вынь: по ней будем смотреть...

– Не сбивай!.. Э!.. вот тебе и работа вся: с одного конца счёл, с другого забыл.

Через час, после нескольких вразумлений мужикам, хозяин, придерживая одной рукой деньги, другой счеты, вышел вон из избы...

– По сколько же он клал за овёс?

– А кто его знает...

Ребята, будет вам спорить; пустим всё на власть божью!

– Да, нынче так пустим, завтра пустим, этак до Москвы десять раз умрёшь с голоду!..

– Ивлий! не знаешь ли: пять да восемь – сколько?

– Пять да восемь... восемь... А ты вот что, малый, сделай, поди острыгай лучиночку и наделай клепышков, знаешь...

Наконец мужики бросили все расчёты и, перекрестившись, съехали со двора...

Верстах в пяти от станции, на горе, один мужик крикнул:

– Эй, Егор!.. А ведь я сейчас дознал, что хозяин-то меня обсчитал.

– И меня, парень, тоже.

И начался продолжительный спор».

Даже я, живущий на полтора десятилетия позже, чувствую, насколько надумана эта ситуация и сколь далёк язык писателя от языка настоящего крестьянина. (К этому рассказу я вернусь в конце данной главы.)

В начале 1860-х годов в журнале «Современник» печатались «Письма из Осташкова» Василия Слепцова, сторонника Чернышевского. Он пытался устроить «коммуну» и сочувствовал идее женского равноправия. Город Осташков многим современным россиянам известен как конечный пункт железной дороги, откуда открывается путь к красотам озера Селигер, в 1960-е годы – любимого места отдыхающих и туристов. За сто лет до этого Осташков имел хорошую репутацию, поскольку выделялся из числа российских городов того же класса своим благоустройством, в нём были каменные мостовые, газовое освещение, пожарная команда, музыкальный оркестр, библиотека... Хотя письма Слепцова – об уездном городе, но там немного говорится о крестьянах и помещиках ближайших деревень. Всё бы хорошо, но Слепцов был, как признают даже и благожелательно относящиеся к нему критики, писателем крайне тенденциозным. Он приехал в город как «нигилист», чтобы всё «обличить» и «осмеять» (даже и тон его писем, с претензией на красоту, неизменно язвительный). Поэтому и серьёзно говорить о познавательной ценности его суждений о деревне, на мой взгляд, не приходится. Вот, в доказательство, фрагмент разговора барина с мужиками, которые пришли к нему с просьбой о выделении им земли получше:

«Барин смягчился совсем и даже стал шутить.

– Нет, постойте. Я вам сейчас велю водки дать. Эй! Кто там? Подать водки моим мужикам по рюмке. Вот видите, – продолжал он из другой комнаты, – я зла не помню. Бог с вами. Я вам все прощаю. Я за вас хлопочу, а вы что? Вы моим лошадям овса пожалели. Бесстыжие ваши глаза! А? Не стыдно? А? Мошенники! Мошенники! А? И не стыдно? А? Овса пожалели!

Мужики молчали.

– Антон! И не стыдно тебе? Богатый мужик. Меры овса пожалел. А?

– Виноват, Александра Васильич, – расстроганным голосом отвечал мужик.

– А ведь я вас люблю. Ведь я вам отец. А? Не чувствуете? Ну, чёрт с вами! Пейте, подлецы, за мое здоровье, – заключил помещик и ушел в другую комнату».

И вдруг в 1872 году в журнале «Отечественные записки» появилось первое письмо Александра Николаевича Энгельгардта «Из деревни». (Всего вышло 12 писем, вскоре 11 из них вышли отдельным изданием.) Специфика «Писем» Энгельгардта – в том, что это как бы повесть о путях становления хозяйства, которое помещик застал совершенно разорённым, к процветанию – образцу для всей земледельческой России.

Но это – и серия высокохудожественных бытовых очерков. И то, и другое лишь послужили автору основой для страстной и исполненной патриотизма публицистики. Наконец, там были и элементы фантастики и сатиры, и прогноз развития России, который вполне сбывлся, но совсем не в той форме, какая виделась автору. И всё это написано прекрасным русским языком. Если труды других радетелей крестьянства, наприиер, выдающегося экономиста и публициста Юлия Жуковского, глубокие по содержанию, читать не просто, рядовому читателю для их понимания подчас приходится прибегать к словарям, то книга Энгельгардта не просто доступна каждому грамотному русскому человеку, но и занимательна, и построена так, что, начав читать её, трудно остановиться. А главное – в ней наряду со злобой дня поднимаются фундаментальные вопросы человеческого бытия. Вследствие этого она не только служит памятником своего времени, но имеет и непреходящее историческое значение.

В письмах «Из деревни» впервые появились не выдуманные сочинителем пейзажи, а подлинные крестьяне со всеми их заботами, радостями и печалью, с их бытом и мирозерцанием. Вот лишь несколько беглых черт.

Авдотья, жена старосты Ивана, хозяйка в доме Энгельгардта. Она и стряпуха, и прачка, и доярка. Входит Иван, докладывает, что отелилась бурая белобокая корова, между ним и помещиком происходит заинтересованный хозяйственный разговор.

«– Почему и богатые не платят оброк?»

– Известно, что говорят: коли платить, так всем платить поровну, что следует...»

А вот – «старуха», которая «лечит скот чистым воздухом, солнечным светом, подходящим кормом» – и у неё всякая заболевшая тварь быстро выздоравливает.

Вечером барину докладывают, что Василий избил Ефёрову жену Хворосью – «за Петра». Василий жил с женой Ефёра, за что поил мужа водкой. Это ничего, это дело мужа. Но Хворосья прихватила Петра – мужика из соседней деревни – это уже непорядок... Мир присудил: Василий заплатит Ефёру десять рублей и поставит ему работницу на то время, пока Хворосья (избитая до полусмерти) оправится. Ну, и миру должен поставить полведра водки (которую тут же и выпили).

Согласитесь, такое не выдумать. Письмо Энгельгардта читали все, всех оно взволновало. Одни с ним соглашались, другие нет, но все с нетерпением ждали следующего письма. И всех интересовал вопрос: кто же такой этот Энгельгардт? Некоторые вспоминали, что был в Петербурге такой профессор химии, но уже с год о нём ничего не слышно. Но если это профессор, то почему он не читает лекции в столице, а пишет из какой-то забытой Богом деревеньки, которой нет ни на одной карте и от которой тысячу вёрст скачи – до Питера не доскачешь? Может быть, это вообще мистификация? Сидит какой-нибудь переехавший в столицу помещик и описывает то, что происходило в его имении?

А ждать второго письма пришлось долго. Письма Энгельгардта появлялись в журнале один раз в год. Другого автора при таких перерывах в письмах за год читатели уже забыли бы. Но каждое письмо Энгельгардта было встречено как глоток воды страдающему от жажды. И чтение очередной книжки (номера, по-современному) журнала, в которой появлялось новое письмо, по воспоминаниям современников, начинали именно с него.

Забегая несколько вперёд, отмечу, что именно рассказ Н. Успенского «Обоз» Энгельгардт назвал поклёпом на крестьян, которые, будучи неграмотными, считать умели очень хорошо. Вот его замечание об этом эпизоде:

«Что касается умения считать, производить самые скрупулёзные расчёты, то на это крестьяне мастера первой руки. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть, как крестьяне делят землю рассчитываются, возвращаясь из извоза. Конечно, вы тут ничего не поймёте, если вам не известен метод счёта, вы услышите только крик, брань и подумаете: как они бестолковы, ну точно, как в рассказе Н. Успенского «Обоз»! У. схватил только внешнюю сторону, но его рассказ грешит тем, что читатель, незнакомый с народом, выно-

сит впечатление о совершенной бестолковости, глупости изображённых в рассказе мужиков-извозчиков. Но подождите конца, посмотрите, как сделан расчёт, и вы увидите, к какому результату привели эти бестолковые крики и споры, – земля окажется разделённою так верно, что и землемер лучшие не разделит.

*Какая разница в этом отношении между рассказами Тургенева и Успенского, рисующими русского крестьянина! Внешняя сторона у Успенского вернее, чем у Тургенева, и, попав в среду крестьян, вы в первый момент подумаете, что картина Успенского есть действительность, «голая правда», а картина Тургенева – подкрашенный, наряженный вымысел. Но подождите, и через несколько времени вы убедитесь, что певцы Тургенева **есть**, а извозчиков Успенского **нет**. В деревне вы услышите этих «Певцов» в песне косцов, возвращающихся с покоса, и в безобразном трепаке подгулявшей нары, возвращающейся с ярмарки, и в хоре калик перехожих, поющих о «блудном сыне», но «Обоза» вы нигде не увидите и не услышите... Успенский выставил нам русского простолюдина простофилю. Но это-то, я думаю, и неверно... Ум-то (у крестьянина) есть, только знаний нет, и круг приложения ума очень тесен, а дайте-ка ему простор!...»*

Глава 5. Паразитизм и гнилость «благородного сословия»

В числе бытующих в наше время, особенно в среде интеллигенции (как «демократической», так и части «патриотической»), мифов о процветающей царской России одно из главных мест занимает миф о благородном и просвещённом дворянстве как опоре экономики и культуры страны. Дворян-помещиков представляют заботливыми отцами крестьян, особенно бывших своих крепостных. Именно такая радужная картина рисуется, например, в книге князя Е.С. Трубецкого «Минувшее», правда, воспринятая глазами 9-летнего мальчика. Он рассказывает, как их семейство приезжает в одно из имений Дедушки, все взрослые крестьяне и крестьянки (а их несколько сотен) пришли поздравить помещика с приездом, подносят ему хлеб-соль. Дедушка благодарит их и обильно угощает – мужиков водкой и салом, баб – сладостями. И дальше даётся характеристика Дедушки:

«Дедушка (князь Александр Щербатов) был с молодости сторонником освобождения крестьян от крепостной зависимости и одним из деятелей в «эпоху великих реформ» Императора Александра II, любимого царя Дедушки. Однако, после освобождения крестьян, Дедушка не счёл себя освобождённым от заботы о своих прежних крепостных. Крестьяне уже были не «его», но он по-прежнему оставался «их» барином. Дедушка постоянно заботился о благосостоянии крестьян и о всех их нуждах. В своих имениях он повсюду строил церкви... школы и часто больницы. В (имении) Хорошем при нас освящали большую каменную школу, где, по специальному желанию Дедушки, была большая зала для «народных чтений» с волшебным фонарём (кинематографа тогда ещё не было).

Пожары – бедствие русских деревень... Когда такие пожары бывали в деревнях бывших дедушкиных крестьян, он неизменно оказывал погорельцам щедрую помощь, чтобы заново отстроиться...

Дедушка очень любил Москву и в свое время был её первым выборным «всесословным» городским головой... по Городскому положению Императора Александра II. Недаром, до революции, несколько московских больниц и школ носили имя «Щербатовских». (В подтверждение своих слов Трубецкой ссылается на «Воспоминания» Б.Н. Чичерина.)

Дедушка во многом показывал путь, но по этому пути шёл не он один, а многие. Нигде в Западной Европе я не видел более глубокого чувства социальной ответственности, чем то, которым были проникнуты у нас очень многие представители старого помещичьего дворянства...

Конечно, и среди русского помещичьего дворянства, как и повсюду, встречались негодные элементы, но, повторяю, в смысле социальной ответственности, сословие это стояло исключительно высоко».

Интересно, когда Дедушка так щедро помогал бывшим своим крепостным крестьянам, приходила ли ему в голову мысль, что ведь он отдавал им лишь малую толику своего громадного богатства, созданного трудом этих самых мужиков и баб?

Ну и несколько сцен нарушали нарисованную князем идиллическую картину:

«В детстве я слышал только от двух лиц «антикрестьянские» суждения. Они меня тогда так поразили, что я запомнил их на всю жизнь.

Я помню, как однажды тётя Паши Трубецкая (рожд. кн. Оболенская), жена дяди Сережи, говорила о чем-то с другими взрослыми. В комнате находились сын тёти Паши, Котя Трубецкой (мой двоюродный брат и одноклассник), и я. Вдруг тётя Паши резко повернулась к нам и, обращаясь именно к нам, а не ко взрослым, сказала: «Знайте, что мужик – наш враг! Запомните это!» Меня это так поразило, что я это запомнил, хотя и не понял тогда, что хотела сказать тетя Паши. Это так отличалось от всего, что я слышал.

Помню я и суждение по этому вопросу старого дворецкого Дедушки Щербатова Осипа. Он не раз и по разным случаям говаривал: «А отчего я такой вышел? – (он был очень доволен собой)

– Потому что родился и воспитан при крепостном праве. Вот почему! Без крепостного права народ пропадает! Народ теперь стал не тот! Народ стал разбойник и будет ещё хуже.» – Слова Осипа меня всякий раз поражали: он был почти единственным и во всяком случае, самым страстным сторонником крепостного права, которого я знал в жизни. Я помню, как раз (я был тогда очень мал) я стал убеждать Осипа, что освобождение крестьян было очень хорошо: «Это мне Дедушка сказал...» (Осип был очень предан Дедушке). Я вижу и сейчас улыбку сожаления, с которой Осип посмотрел на меня: «Дедушка Ваш – слишком хороший человек, он мужика не знает... Может быть когда-нибудь, не дай Бог, Вы узнаете. Вспомните тогда...»

Позднее (мне было тогда лет девять) я помню, как Осип разговаривал о мужиках с нашим учителем И. В. Сторожевым.

Разговора я не помню, он вёлся в стороне от нас, но последние слова Осипа меня поразили и врезались в память. «Господа деревни не знают, – говорил Осип. – Мужик – зверь! Руку лижет, а норовит укусить! Уж я-то знаю, свой же брат! Только управы на него теперь нет. Зазнался мужик! И всё хуже будет... Вот старый князь (Дедушка), Бог даст, не доживет, а князьков-то (Осип показал на нас с братом) может когда мужики и прирежут...»

Таких мемуаров, вообще книг о благородном дворянстве, об «отцах своим крестьянам» – бесчисленное множество. Я не хочу этим сказать, что всё это сказки. Бывали помещики, действительно заботившиеся о своих крестьянах, знаю это, например, по жизнеописаниям основоположников славянофильства, изучением которых в своё время занимался. И братья Киреевские, и Хомяков (они до освобождения крестьян не дожили), и Кошелев хорошо знали условия жизни своих крепостных и в трудных случаях (при неурожае и пр.) помогали им. Но это были редкие примеры, тонувшие в море дворянского хищничества.

Вот и в наши дни Союз потомков российского дворянства самочинно переименовал себя в Благородное российское дворянское собрание. И некоторые его члены (в первую очередь доктор исторических наук С. Волков) публично заявляют, что истинные культура и благородство доступны лишь дворянам по рождению. А дети рабочих и крестьян, несчастные «совки», сколько бы ни учились и ни старались, к высочайшим ценностям и подлинному созиданию неспособны: нет у них в жилах «голубой крови», не те гены. Письма А.Н. Энгельгардта «Из деревни» показывают, кроме всего прочего, полную несостоятельность подобных утверждений «дворянских хамов», в частности, гораздо (при неграмотности) лучшую память, сообразительность, умение считать, знание природы и пр. у крестьян по сравнению с культурными дворянами (особенно, если сравнивать крестьянских и дворянских детей). Книжные знания и манеры поведения – дело наживное, а в смысле природных задатков часто крестьяне превосходили своих бар.

До 1762 года дворянство было служилым сословием. Дворянин нёс службу (военную или чиновничью) государю и за это получал землю с крепостными крестьянами. Служба была пожизненной и наследственной, и если она кончалась (например, род вымирал, в нём не оставалось мужчин, способных служить), землю отбирали в казну или передавали другому дворянину. Но во время слабой императорской власти дворяне вынудили Петра III издать указ о вольности дворянской, и служба для дворянина перестала быть обязательной, тогда как земля и крепостные продолжали оставаться его собственностью. Екатерина II, захватившая престол с помощью дворян – гвардейцев, ещё более расширила привилегии дворянства. С этого времени дворянство в значительной своей части становится паразитическим сословием, отсюда ведет своё начало и российская интеллигенция.

От указа о вольности дворянской до отмены крепостного права прошло ровно сто лет. И время показало, как класс, переставший выполнять общественную функцию, вызвавшую его ранее к жизни, всесторонне деградирует, превращается в паразита.

Даже и перестав служить государству, многие дворяне сами не вели хозяйство, поручая это негосподское дело старостам, приказчикам и управляющим. Они жили в столицах, губернских и уездных городах, наезжая в свои деревни летом как на дачи, ездили по заграницам, соря там дармовыми деньгами, зачитывались сочинениями Вольтера и подвизались в масонских ложах, приобщались к западной культуре, которая стала для них ближе отечественной. Но и те, что оставались жить в деревне, часто в хозяйство не вникали (ведь географию знать необязательно, потому что извозчик доведет, куда надо, а экономику тем более – на то и нанимали экономов). Зато они часто позволяли себе всякого рода издевательства над крестьянами. Продажа крестьян (подчас с разъединением семей), обмен их на охотничьих собак, принуждение крестьянок к сожительству и пр. были обычным делом, о чем хорошо сказано, например, в книге митрополита Вениамина (Федченкова) «На рубеже двух эпох». Такой «беспредел» в отношениях дворян с крестьянами в нравственном смысле был губительным для обеих сторон (как писал М.Е. Салтыков-Щедрин, одни были развращены до мозга костей, другие забиты до потери сознания). И все же при крепостном праве дворяне, даже и увеличивавшие сверх всякой меры барщину и оброк, оставались заинтересованы в том, чтобы крестьяне обеспечивали себя и были в состоянии выполнить возложенные на них повинности, и потому иногда помогали мужику, у которого пала лошадь или корова, обзавестись новой. В их имениях сохранялось от XVIII века некое подобие отношений барина-отца, надзирающего за пристойной жизнью крестьян-детей. (Поэтому, когда Пугачёв, истреблявший дворян без пощады, занял село, принадлежавшее помещику Радищеву, отцу известного писателя и революционера, крестьяне прятали своего барина от самозванца).

Ничего этого не осталось и в помине к тому времени, когда Энгельгардт ровно через десять лет после «освобождения» крестьян, приехал в деревню и занялся хозяйством. О жизни дворян при крепостном праве он сказал в половине одного абзаца: тогда *«даже и не очень богатые помещики жили в хоромах, ели разные финзербы (деликатесы со специями), одевались по-городски, имели кареты и шестерики»*. Понятно, к чему тут рассуждения, если почти вся русская литература её «золотого («пушкинского») века» – это нескончаемое повествование о жизни столичного и провинциального дворянства. Одни романы Льва Толстого – это едва ли не энциклопедия жизни дворянства его времени (а Толстой почти на 20 лет пережил Энгельгардта). Из «Войны и мира» мы узнаём, как граф Ростов (отец) выезжал на псовую охоту на волка с целой сворой собак. Как он же, избранный устройтелем банкета, которое московское дворянство давало в честь генерала Багратиона (в пику Кутузову), широким жестом распоряжается срезать все цветы в оранжереях его подмосковной усадьбы, чтобы достойно украсить праздничный стол и банкетный зал. Как граф Ростов (сын) в один вечер проиграл в карты целое состояние, заставив отца продать большую часть своих имений, и никто в семействе не протестовал против такого безобразия, а приложили все усилия, чтобы в срок расплатиться с выигравшим счастливецом (Долоховым), потому что карточный долг – святое дело. Как графиня Ростова (дочь) во время Бородинского сражения на выезде из Москвы (как сказали бы в наши дни, «в эвакуацию»), увидев раненых русских воинов, оставленных на произвол судьбы, распоряжается выгрузить и оставить в поле фамильное столовое серебро, а на освободившиеся телеги уложить несчастных страдалцев. А романы Тургенева, «тургеньевские барышни»! А герои романов Гончарова, образы помещика Обломова и мещанина Штольца, ставшие нарицательными!

Энгельгардт, конечно же, познакомился со своими соседями-помещиками. Но то, что он увидел в их имениях, поразило его запустением хозяйства и полным отрывом помещиков от своих крестьян.

«Помещики хозяйством не занимаются, хозяйства свои побросали, в имениях не живут... все находятся на службе, денег в хозяйство не дают – что урвал, то и съел, – ни в одном хозяйстве нет оборотного капитала».

Ну, и, естественно, *«говорить с помещиками о хозяйстве совершенно бесполезно, потому что они большею частью очень мало в этом деле смыслят. Не говорю уже о теоретических познаниях, – до сих пор я еще не встретил здесь ни одного хозяина, который бы знал, откуда растение берёт азот или фосфор, который бы обладал хотя самыми элементарными познаниями в естественных науках и сознательно понимал, что у него совершается в хозяйстве, – но и практических знани... нет».*

С проведением железной дороги резко возрос спрос на дрова.

«Лес, который до сих пор не имел у нас никакой цены, пошёл в ход. Владельцы лесов, помещики, поправили свои дела. Дрова дадут возможность продержаться ещё десяток лет даже тем, которые ведут свое хозяйство по агрономии (так Энгельгардт называл помещиков, накупивших ненужных машин и пр.); те же, которые поблагоразумнее, продав лес, купят билетки и будут жить процентами, убедившись, что не господское совсем дело заниматься хозяйством».

Ударило же это проявление прогресса лишь по крестьянам, у которых на их наделах леса не было, и резко подорожавшие дрова им нужно было либо покупать (это при их безденежье-то!), либо просить у помещика, обязуясь за это отработать летом на барина.

Итак, на смену крепостническим отношениям в деревню шёл «рынок», к которому дворянство оказалось совершенно неприспособленным и неготовым.

Энгельгардт был одним из создателей Русского химического общества и принимал участие в его съездах с обедами, которые ещё крепче связывали в одну семью разбросанных по всей России химиков.

«Сколько интересных вопросов решалось за этими обедами, сколько высказывалось новых мыслей, сколько жизни было в спорах!»

А на обедах даже по случаю губернской сельскохозяйственной выставки говорить с помещиками было не о чем:

«У нас никакого общего интереса нет... и единственное, на чем мы сходимся, что всем нам обще и доступно, – это мотивы из «Прекрасной Елены».

К кому ни приедешь в имение, *«землевладельцы постоянно жалуется на невыгодность хозяйства, на дороговизну рабочих, точно желали бы или возвращения крепостного права, или какого-то закрепощения за дешёвую плату батраков. Ни то, ни другое невозможно и никогда не будет. Своим нытьём они высказывают приговор своим способам хозяйствования. Очевидно, что им остаётся только служить, пока есть служба, а для изыскания способов эксплуатации земель обратиться к тем, которые около земли обходиться умеют»* (к старостам).

У большинства помещиков было смутное представление не только о своем хозяйстве, но и о крестьянах, бок о бок с которыми прошла вся их жизнь:

«Я встречал здесь помещиков, – про барынь уж и не говорю, – которые лет 20 живут в деревне, а о быте крестьян, об их нравах, обычаях, положении, нуждах никакого понятия не имеют. Более скажу, – я встретил, может быть, всего трех-четырёх человек, которые понимают положение крестьян, которые понимают, что говорят крестьяне, и которые говорят так, что крестьяне их понимают... Часто мне приходило в голову: не помешался ли я?... Да такой степени велик был разлад между действительностью и тем, что я себе представлял в Петербурге. Сидишь у какого-нибудь богатого помещика, давно уже живущего в деревне, разговор коснётся мужицкого дела и быта – понятно, кого что интересует, тот о том и говорит, – и вдруг слышишь такие несообразности, такие недействительные представления о народе, его жизни, что удивляешься только... точно эти люди живут не на земле, а в воздухе».

Неудивительно, что при таком знании крестьян помещики не могли наладить продуктивное хозяйство, и им оставалось только жаловаться на судьбу, а это *«значило бы жаловаться на самого себя, на свою неумелость. К чему жаловаться на то, что труд непроизводителен?.. Разве хозяину кто-нибудь запрещает вводить ту или другую систему хозяйства, употреблять те или другие орудия, содержать тот или другой скот, кормить или не кормить лошадей овсом, возить навоз в повозках с железными осями?.. Нет, землевладельцы жалуются... на дороговизну рабочих рук, они именно говорят, что заработная плата слишком велика, что крестьяне слишком дорого берут за обработку земли... они боятся того, чтобы крестьяне совсем не перестали работать по тем ценам, как теперь».*

Да, никаких «свободных цен», никакого «рынка» помещики не приемлют, их хозяйство держится исключительно на закабалении крестьян. Они заставляли крестьян работать за «отрезки», то есть земли, отрезанные от крестьянских наделов.

«...значение отрезков все понимают, и каждый покупатель имения, каждый арендатор, даже не умеющий по-русски говорить немец, прежде всего смотрит, есть ли отрезки, как они расположены и насколько затесняют крестьян. У нас повсеместно за отрезки крестьяне обрабатывают помещикам землю... Оцениваются эти отрезки, часто в сущности просто ничего не стоящие, не по качеству земли, «е по производительности их, а лишь по тому, насколько они необходимы крестьянам (например, чтобы выпустить скот на водопой), насколько они их затесняют, насколько возможно выжать с крестьян за эти отрезки».

Именно обязательства обрабатывать помещичью землю в страду за пользование отрезками, лесом, за взятую ссуду зимой хлебом или деньгами – главная причина бедности деревенских жителей, *«потому что, взяв вашу работу, он должен упустить своё хозяйство, расстроить свой двор...»* И Энгельгардт одним из первых и, пожалуй, ярче, чем кто-либо другой из его современников, показывает полную противоположность интересов помещика и крестьянина:

*«Благосостояние крестьянина вполне зависит от урожая ржи, потому что, даже при отличном урожае, большинству крестьян своего хлеба не хватает и приходится покупать. Чем меньше ржи должен прикупить крестьянин, чем дешевле рожь, тем лучше для крестьянина. Помещик, напротив, всегда продаёт рожь, и от ржи, при существующей системе хозяйства, получает главный доход. Следовательно, чем дорожже рожь, чем более её требуется, тем для помещика лучше... Если бы благосостояние крестьян улучшилось, если бы крестьяне не нуждались в хлебе, – что делали бы помещики со своим хлебом? Заметьте при этом ещё, что при урожае не только понижается цена хлеба, но, кроме того, возвышается цена работы. Если бы у крестьянина было достаточно хлеба, то разве стал бы он обрабатывать помещичьи поля по тем баснословно низким ценам, по которым обрабатывает их теперь. **Интересы одного класса идут вразрез с интересами другого...** Для того, чтобы получить наибольшую выгоду от хозяйства при существующей системе... **необходимо, чтобы крестьяне бедствовали...** Но еще более важно, **чтобы был неурожай**, чтобы мужик вынужден был наниматься на летние страдные работы ещё с зимы за дешёвую цену»*

Вот вам и бере-благодетели, заботливые отцы крестьянские! Нет, не друзьями народа показали себя помещики, а настоящими его врагами, виновниками бедности крестьян и заинтересованными в ней, да и врагами всего государства.

«Ясно, что у мужика земли мало. И добро бы помещичьи хозяйства процветали! Можно бы тогда указать на высокое развитие земледелия, скотоводства, на богатство, на государственную пользу. А той того нет. Крестьяне затеснены, помещикам от этого пользы никакой, земледелие в упадке и состоит в переливании из пустого в порожнее, пань ушли на службы. Государство бедно. Кому же, спрашивается, польза?»

По Энгельгардту, между помещиками и крестьянскими хозяйствами идёт постоянная борьба.

О том, как помещики воспользовались крестьянской реформой для собственного обогащения, написал и современник Энгельгардта И.С. Тургенев в романе «Отцы и дети». Помещик Николай Петрович Кирсанов распустил дворню, оставив её без земли и содержания, то есть обрёк на нищету. Принадлежавший ему лес он продал, потому что тот участок земли должен отойти к крестьянам. Он накупил машин и решил вести хозяйство силами батраков. Что из этого вышло, читатель сам узнает, перечитав роман.

Выше Энгельгардт писал о том, какая лесная-дровяная лихорадка охватила их край с проведением железной дороги. Вот и Достоевский пишет о повсеместном сведении лесов, и делает из этого факта выводы уже философского и нравственного порядка:

«Теперь безлесья Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и готовят её для калмыков. Кто это делает? Купечество, скупающее землю, и старинное дворянство – помещики, прежние бойцы за землю, пока их не лишили крепостного права... Идея о детях, идея об отечестве, о будущем идеале – все эти идеи не существуют, разбиты, подкопаны, осмеяны... Но человек, истощающий почву с тем, чтоб «с меня только стало», потерял духовность и высшую идею свою. Может быть, даже просто не существует».

Помнится, я одну из своих статей, где цитировал это высказывание Достоевского, так и назвал: «Несуществующие люди».

Те, кого я так назвал, объект моей критики, очень на меня за такую их характеристику обиделись. Но потом я понял, что название статьи, при всей его хлесткости, было неудачным. В высоком смысле эти люди, действительно, как бы не существовали, но в реальной жизни они существовали, да ещё как! И вред они могли нанести заметный, и отомстить были горазды, что я вскоре и почувствовал на себе.

А Достоевский из констатации факта истребления лесов сделал ещё и вывод – уже чисто экономический:

«А без лесов ведь и финансы понизятся в страшном размере...»

Эта вакханалия повсеместного сведения лесов послужила для Салтыкова-Щедрина поводом, чтобы представить публике в форме гротеска проект, озаглавленный так: *«О предоставлении коллежскому советнику Порфирию Менандрову Велентьеву в товариществе с вильманстрандским первостатейным купцом Василием Вонифатьевым Порогучовым в беспощадную двадцатилетнюю эксплуатацию всех принадлежащих казне лесов для неперемогимого оных, в течение двадцати лет, истребления».*

Но эта беда на Руси кажется извечной. Русский человек ещё со времён Владимиро-Суздальского княжества боролся с лесом. Ему нужно было вести подсечное земледелие на болотистых землях, вырубать лес, чтобы расчистить участок под избу и поле, сжигать срубленный лес, чтобы получить золу для удобрения поля. Сняв три – четыре года урожай с этого поля, надо было переходить на новый участок, снова вырубать лес... А когда наступало время переходить на первый участок, оказывалось, что он уже зарос молодым лесом... Ну, а когда во времена Ивана Грозного в Россию проложили дорогу английские купцы, лес превратился в один из главных экспортных товаров. Весь английский флот – основа могущества Англии, затем Британской империи – владычицы морей был построен на русском лесе, на русской пеньке (для канатов) и русской парусине. Лес гнали за границу и позднее, при императорах, и при Советской власти, в годы индустриализации, а уж какой разбой начался в лесах в «лихие 90-е» – об этом только романы на криминальные темы писать. Гонят лес, преимущественно необработанный «кругляк», за границу, в большой мере нелегально, и сейчас, а там делают из него мебель и другие полезные изделия, которые продают и в Россию, где импортная мебель всегда в моде. Да и лесные пожары, часто бушующие у нас, без поджогов, в целях получения права на вырубку леса, не обходятся (слегка обгорелое дерево разрешается срубить без особой волокиты с оформлением документации).

А ведь в России за сто лет до описываемой лихорадки по уничтожению лесов жил замечательный учёный и практический хозяин, мелкопоместный дворянин Андрей Тимофеевич Болотов (правильно произносить его фамилию с ударением на второе «о», но уж так повелось, что ставят на первое). Его сочинения по объёму превосходят 90-томное собрание сочинений Льва Толстого, и это были не писания графомана, всё сочинялось по делу и находило множество заинтересованных читателей. А писал он обо всех сферах хозяйства и общественной жизни, оставил интереснейшие мемуары. Кроме всего прочего, был он и основоположник научного лесоводства в России. Свой лес он разделил на 30 участков и, вырубив деревья на первом участке, тотчас же производил там посадку саженцев (для их приготовления у него был питомник). На следующий год он вырубал лес на втором участке – и там высаживал саженцы... И когда он вырубил лес на 30-м участке, на первом уже вырос новый лес. Так он создал концепцию «вечного леса», никогда не прекращающегося. Сам-то Болотов вполне наслаждался плодами трудов своих, ибо прожил более 90 лет, а его лес по-прежнему оставался «вечным». Но алчность человеческая не знает предела и убирает всё, что оказывается на её пути, она убила и основы правильного лесопользования.

Ну, как тут не подивиться и провидческому дару Тургенева, который в книге, написанной за несколько лет до отмены крепостного права, нарисовал ту самую картину помещичьего имения, «разоряющегося по науке», какую Энгельгардт своими глазами увидел через десять лет.

Салтыков-Щедрин, подвигнувший Энгельгардта на литературный труд о своём опыте хозяйствования, сам хорошо знал деревню среднерусской полосы, и описал три типа помещиков средней руки: «равнодушных, убеждённых и изворачивающихся с помощью прижимки» (те, которые «так обставили дело, что мужику курицу выпустить некуда»). Его очерки очень интересны, читатель может сам ознакомиться с ними (в цикле заметок «Мелочи жизни»). Но Щедрин, рисуя правдивые картины сельской жизни, всё-таки, в соответствии со спецификой своего таланта, часто подаёт материал в сатирическом ключе, тогда как Энгельгардта отличает тон учёного, объективно исследующего то или иное общественное явление, и лишь спокойно описав его, может иногда дать волю чувствам и высказать эмоциональную оценку происходящему.

Как видим, Энгельгардт показывает, что эгоистический интерес дворянства обусловил не только бедность и приниженность зависящего от него крестьянства, но и скудность государственных доходов, всестороннюю слабость пореформенной России. Вот уж, воистину, эгоистический и паразитический класс, который следовало бы объявить врагом народа и государства! А его-то и считают «другом народа» и оплотом государственности! Действительно, всё поставлено с ног на голову!

Более того, Энгельгардт не побоялся показать, что такое положение, обрекающее основную массу крестьянства на нищету, не случайно сложилось, а **именно так, чтобы сделать крестьян бедными и вынужденными наниматься на работу летом у помещика, то есть восстановить крепостное право в новой, модернизированной форме, и была задумана реформа**, именно таким «благодеянием» должно было стать «освобождение крестьян»:

«Казалось, что всё это так просто выйдет. Крестьяне получают небольшой земельный надел, который притом будет обложен высокой платой, так что крестьянин не в состоянии будет с надела прокормиться и уплатить налоги, а потому часть людей должна будет заниматься сторонними работами. Помещики получают плату за отведённую в надел землю, хозяйство у них останется такое же, как и прежде, с той только разницей, что вместо пригонщиков будут работать вольнонаемные батраки, нанимаемые за оброк, который будут получать за отошедшую землю. Всё это казалось так просто, да к тому же думали, что если станут хозяйничать по агрономиям, заведут машины, альгаузских и иных скотов, гуано

и суперфосфаты, то хозяйство будет идти ещё лучше, чем шло прежде, при крепостном праве».

Но эти расчеты не оправдались, и подвело российских дворян и интеллигентов всегдашнее их равнение на Западную Европу. Там после отмены крепостного права сложилось общество из землевладельцев-капиталистов и безземельного наёмного кнехта (батраков). Но в России система чисто батрацких хозяйств *«оказалась невозможной, потому что она требует безземельного кнехта, такого кнехта, который продавал бы хозяину свою душу, а такого кнехта не оказалось, ибо каждый мужик сам хозяин... На выручку помещичьим хозяйствам пришло – но только временно – то обстоятельство, что крестьяне получили малое количество земли и, главное, должны были слишком много платить за неё. Земли у мужика мало, податься некуда, нет выгонов, нет лесу, мало лугов. Всем этим нужно раздобываться у помещика. Нужно платить подати, оброки, следовательно, нужно достать денег. На этой-то нужде и основалась переходная система помещичьего хозяйства. Помещики... стали вести хозяйство, сдавая земли на обработку крестьянам с их орудиями и лошадьми... Но обрабатывающие таким образом земли в помещичьих хозяйствах крестьяне сами хозяева, сами ведут хозяйство и нанимаются на обработку помещичьей земли только по нужде. Человек, который сам хозяин, сам ведёт хозяйство и только по нужде нанимается временно на работу, – это уже не кнехт, и на таких основаниях ничего прочного создать в хозяйстве нельзя».* И Энгельгардт смело делает вывод: *«Вся система нынешнего помещичьего хозяйства держится, собственно говоря, на кабале, на кулачестве».*

Надо заметить, что большинство горожан плохо представляло себе сущность реформы, касающейся, как им казалось, исключительно села, и потому искренне считало «освобождение крестьян» величайшим достижением славного царствования. Можно представить, какой сильнейший психологический удар испытали думающие читатели, когда Энгельгардт открыл им глаза на сущность «ограбления под видом освобождения».

И выходило, что помещик – не «отец крестьянам», а кулак, жадный паук, высасывающий соки из крестьян. Большого оскорбления благородному сословию невозможно было нанести, и нанёс его не кто-то со стороны, а свой брат, дворянин-помещик, один из лучших представителей этого сословия.

Надо ли удивляться тому, что в крестьянстве зрело неприязненное отношение (уже начинавшее переходить в ненависть) к помещикам:

Даже Энгельгардт, умевший ладить с крестьянами и заслуживший их уважение своей хозяйской хваткой, всё же чувствовал себя в деревне неуютно:

«Живя в деревне, хозяйничая, находясь в самых близких отношениях к мужику, вы постоянно чувствуете это затаённое чувство (ненависть к помещикам. – М. А.), и вот это-то и делает деревенскую жизнь тяжелою до крайности... Согласитесь, что тяжело жить среди общества, все члены которого если не к вам лично, то к вам как к пану относятся неприязненно».

Ещё в первом своём письме Энгельгардт писал:

«Помещичье хозяйство в настоящее время ведётся так плохо, даже хуже, с меньшим толком и пониманием дела, чем в крепостное время, когда были хорошие старосты-хозяева, – что оно только потому ещё кое-как и держится, что цены на труд баснословно низки».

Он быстро убедился в том, что традиционное помещичье хозяйство полностью исчерпало себя и не имеет будущего. Одни помещики, получив солидные деньги по выкупным свидетельствам, решили вести хозяйство «по науке», накупили английских плугов и породистый скот, но в итоге быстро «разорились по науке». Плуги оказались не для наших почв, а привозные породистые коровы – не для условий смоленской деревни и потому быстро подошли из-за нарушения режима кормления и халатного ухода за ними (а можно ли требовать добросовестности от сезонного наёмного работника, пошедшего в кабалу из нужды?). Другие сдали землю

в аренду и зажили как рантье. Третьи сразу заложили свои имения в казну и подались в город, *«на службу (благо, теперь мест много открылось и жалованье дают непомерно большое), кто куда мог: кто в государственную, кто в земскую. Попробуйте-ка заработать на хозяйстве 1000 рублей в год за свой труд (не считая процентов на капитал и ренты на землю)! Тут нужна, во-первых, голова да и голова, во-вторых, нужно работать с утра до вечера – не то, что отбывать службу – да ещё как! Чуть не сообразил что-нибудь – у тебя рубль из кармана и вон. А между тем, тысячу рублей, ведь, дают каждому – и председателю управы, и посреднику. Понятно, что все, кто не может управиться со своими имениями, – а ведь теперь не то, что прежде: недостаточно уметь только «спрашивать», – побросали хозяйство и убежали на службу. Да что говорить: попробуйте-ка, пусть профессор земледелия или скотоводства, получающий 2400 рублей жалованья, заработает такие деньги на хозяйстве; пусть инспектор сельского хозяйства заработает на хозяйстве хотя половину получаемого им жалованья».*

Наконец, четвёртые, сказали «Прости!» родным палестинам, и уехали за границу – жить в свое удовольствие, пока есть деньги (вспомним героиню чеховского «Вишнёвого сада» Раневскую или Павла Петровича Кирсанова из романа Тургенева «Отцы и дети»).

И Энгельгардт подписывает приговор: *«У помещичьих хозяйств нет будущности... Крепостное право уничтожено, а хотят, чтобы существовали такие же помещичьи хозяйства, какие были при крепостном праве!.. Поместное хозяйство – и дворянское, и купеческое, и мещанское, всякое поместное хозяйство – не имеет будущности... и в дальнейшем своем развитии жизнь деревни не придет ли к царству кулаков?»*

О кулаках речь пойдет дальше. А здесь нельзя не упомянуть о чувстве ненависти, какое испытывали крестьяне к помещикам, даже и к самым добрым из них. Крестьянин был убежден, что земля – Божья, частная собственность на неё немыслима, и помещики, захватившие землю в собственность, – его враги. И, как это ни удивительно, выразителем сокровенных дум крестьянина стал помещик А. Н. Энгельгардт, громко заявивший на всю Россию: земля должна принадлежать только тем, кто её обрабатывает, а никак не паразитам-помещикам.

Глава 6. Лакеи и паразиты возле бар

Но если «землевладельцы в своих имениях не живут и сами хозяйством не занимаются», то какова же судьба этих имений?

*«Усадьбы, в которых никто не живёт, разрушились, хозяйственные постройки еле держатся, всё лежит в запустении... все другие находятся под управлением приказчиков, старост, разных «вышедших на линию» людей, презирающих необразованного мужика, людей, жёны которых стремятся иметь прислугу, ходить как барыни, водить детей как панинчат и учить их мерсикать ножкой. За отсутствием служащих владельцев **эти ничего в хозяйстве не понимающие услуживающие приказчики суть настоящие хозяева имений ... В сущности, хозяйства эти дают содержание только приказчикам, которые, а в особенности их жёны, барствуют в этих имениях, представляя самый ненавистный тип лакеев-паразитов, ушедших от народа, презирающих мужика и его труд, мерсикающих ножкой перед своими господами, которые, в свою очередь, мерсикают в столицах, не имеющих ни образования, ни занятий, ни даже простого хозяйственного смысла и готовящих своих детей в такие же лакеи-паразиты».***

В таких имениях, служащих лишь источником «процветания» для подобных паразитов, «большая часть земли пустует... в виде пустырей, на которых нет ни хлеба, ни отавы, ни лесу... а земли пахотной обрабатывается столько, сколько можно заставить обработать соседних крестьян за отрезы или за деньги, с правом пользоваться выгонами... Обработка земли производится крайне дурно, кое-как, лишь бы отделаться, хозяйственного порядка нет, скотоводство в самом плачевном состоянии, скот навозной породы мёрзнет в плохих хлевах и кормится впроголодь, урожаи хлеба плохие. Производительность имений самая ничтожная и вовсе не окупает того труда, который употребляется на обработку земли. Доход получается самый ничтожный. Из этого дохода нужно уплатить повинности, истратить кое-что на ремонт построек, уплатить приказчику и другим служащим... владельцу остается ужасно мало... а то большею частью ничего не остаётся. Иногда же на содержание хозяйства идут ещё доходы с арендных статей, например, с мельницы, а бывает и то, что **владелец даже приплачивает из своего жалованья, получаемого на службе.**

Я положительно недоумеваю, для чего существуют эти хозяйства...»

Кстати сказать, и владелец многих имений в разных губерниях, князь Щербатов, о котором повествует князь Евгений Трубецкой, тоже хозяйством не занимался. Он безусловно верил своему управляющему, агроному Петрову, который, как выяснилось уже после смерти Дедушки, систематически обкрадывал его в невероятных масштабах. Единственным утешением в этой истории было то, что Петров сам подал в отставку, но очень скоро сошел с ума, – не пошли ему впрок наворованные деньги! Но состояние Дедушки было столь велико, что и ему, и его потомкам на жизнь ещё кое-что осталось.

Немало сказано Энгельгардтом также о других паразитах, лакеях и прочих созданиях, не вызывающих у него сочувствия:

«...арендатор – чужой человек – сегодня он здесь, завтра там. Он стремится вытянуть из имения всё, что можно, и затем удрать куда-нибудь для новой эксплуатации, или уйти на покой, сделавшись рантье».

*«Мужик угнетён, мужик бедствует, мужик не может так подняться, как он поднялся бы, если бы он не должен был попусту работать в глупом, пустом, бездоходном помещичьем хозяйстве... С другой стороны, и помещик от своего хозяйства не имеет дохода... потому что выработанный мужиком доход идёт на содержание администрации, **орды не работающих, презирающих и труд, и мужика, дармоедов**, из которых, когда они наживутся, выходят кулаки, теснящие народ. Кому же тут выгода? Никому, кроме будущих кулаков.*

*Труда мужицкого тратится пропасть вследствие неразумной эксплуатации земли и неправильного приложения, труд этот теряется бесполезно, зарывается в землю, а если что и вырабатывается, то идёт не тому, кто работает, и даже не тому, кто считается владельцем земли, а **постороннему, не работающему человеку**».*

Если паразитирующего барина или высокого чиновника крестьянам послала власть, какая-то сила свыше, то весь остальной хищнический, дармоедствующий или паразитирующий люд рождает сама крестьянская среда. Известной долей кулаческих качеств обладает каждый крестьянин, и нередко бывает так, что ещё недавно бедствовавший, ходивший побираться «в кусочки» мужик, выбравшийся из нищеты, уже прижимает своего односельчанина, например, ссужая ему зимой хлеб под немыслимый процент или под обещание отработать долг летом. Кулака проклинают, но, если мужику выпадет возможность выбиться в кулаки, он, скорее всего, не откажется ею воспользоваться.

Вот и в помещичьем имении сам владелец его обычно в хозяйстве ничего не понимает, и основным угнетателем крестьян становится выбившийся из крестьян же паразит.

А помещики, побросавшие свои имения, не только оставили их на произвол судьбы или в распоряжение приказчиков, но и расстроили хозяйство многих крестьян, раньше находивших там источник заработка:

«Что же остаётся делать мужику? Работы нет около дома; остаётся бросить хозяйство и идти на заработки туда, где скопились на службе помещики, – в города. Так мужики и делают...»

Ну, а город – не гостеприимный хозяин, который радушно принимает всех проходящих. К тому же город – не резиновый, он может вместить лишь определённое количество жителей и его гостей. И потребности дворян (а также чиновников, купцов, интеллигентов и пр.) в услугах мужиков не безграничны. Если количество пришедших в город крестьян, предлагающих свои услуги, превышает спрос дворян, то цена услуг падает, а часть мужиков не находит работы.

А те, кто работу находит, чаще всего становятся лакеями. Энгельгардт с тщательностью беспристрастного исследователя анализирует процесс превращения хозяйствующего на своём наделе крестьянина в лакея:

Например, после раздела богатого двор на два или больше наступает бедность. *«Хлеба нет, подати платить нечем. А тут еще малые дети пойдут, несчастье какое случится: скотина пала, лошадь украли.*

Наконец, земля осиливает мужика... А тут ещё соблазн: вон, Пётр кучером у барина ездит, 10 рублей в месяц получает, в шёлковых рубашках ходит; Ванька из Москвы в гости пришел – в пальте, при часах и т. д....

Побившись так-сяк, мужик решается бросить землю... распродав лишние постройки, скот, орудия, оставив для себя только огород и избу, в которой живёт жена, обыкновенно занимающаяся подённой работой, мужик нанимается в батраки или идет в Москву на заработки. Не посчастливилось ему, возвращается домой, но так как земли ему работать нечем и хозяйство разорено, то он... занимается подённой работой. Потом опять пытается поступить в батраки, опять возвращается и делается чаще всего пьяницей, отпетым человеком.

Но если он удачно попал на службу к барину, то служба его закаливает, и он предпочитает обеспеченную лакейскую зависимость необеспеченной независимости. Такой крестьянин, который, бросив землю, уйдя из деревни и поступив на службу, попал на линию, в деревню уже не возвращается и старается выписать к себе жену с детьми. **Попавший на линию начинает обыкновенно презирать чёрную мужицкую работу, предпочитает более лёгкую лакейскую службу, одевается по-немецки, ходит при часах, старается о том, чтобы у него было как можно более всякой одежды. Жена его стремится в барыни и завидует такой-то и такой-то товарке, которая ранее ушла из деревни в Москву, живёт с купцом и имеет семнадцать платьев. Детей своих она водит, как панинат, и хотя бьёт, но кор-**

мит сахаром и учит мерсикать ножкой. Мужичьей работы дети уже не знают, и, когда они вырастут, их стараются определить на хорошие места в услужение к чиновникам, где главное их достоинство будет заключаться в том, чтобы они умели ловко мерсикать ножкою. И муж, и жена, и дети уже стыдятся своих деревенских родичей и называют их необразованными мужиками, а те отплачивают им тем, что называют их батраками. А «батрак» – это такое бранное слово, хуже которого нет, которое выводит из себя самого ловко мерсикающего ножкой мужика, – тайничок-то русский мужичий у него в мозгу еще есть!»

Вот так и живут недавно ещё соседствовавшие крестьянские семьи, избравшие разные жизненные пути и ставшие презирать одна другую. Мерсикающий доволен тем, что из грязной (зимой – со скотом) избы выбрался в закуток городской квартиры и вместо тяжёлой работы на земле оказывает физически лёгкие услуги барину. Его презрение к оставшимся в деревне крестьянам, видимо, в первую очередь служит средством психологической защиты: да, я не справился с мужичьей работой, но зато я всегда сыт, обут – одет, не то, что вы, по-прежнему копающиеся в навозе и от Рождества до нови питающиеся «пушным» хлебом. А чем порождено презрение оставшегося в деревне мужика к преуспевающему мерсикающему? Это как отношение воюющего солдата к дезертиру, или тут есть и элемент скрытой зависти?

«Попасть на линию! – для этого нужно не дело делать, а только уметь подладить начальнику или барину, попасть на линию – вот заветная мечта. Суметь подладить! – вот на что устремляются все способности и ради чего не пренебрегают никакими средствами, например, жениться для барина!» (Видимо, имеется в виду что-нибудь похожее на ситуацию, как в повести Куприна, когда человек формально женится, на деле отдавая свою жену барину в любовницы.) *Это характерно для мужика, бросившего землю. Бросив землю, он как будто теряет всё, делается лакеем!»*

Это-то превращение понятно: не угодил мерсикающий барину – и лишился лакейской должности. Ну, и куда ему податься – теперь уже с женой, которая гнушается мужичьей или, точнее бабьей работой, и с детьми, воспитанными как панинята... Лакейские-то должности на земле не валяются, такую надо искать без гарантии, что найдёшь.

Энгельгардт прослеживает процесс нравственной и умственной деградации такого преуспевающего бывшего мужика. Оказывается, он тот же, что и у дворянина, женившегося без любви ради богатства. Социальное положение разное, но человеческая природа-то одна:

«В таких, попавших на линию, обчиновничившихся мужиках, которых зовут «человек», вы уже не увидите того сознания собственного достоинства, какое видите в мужике-хозяине-земледельце. Посмотрите на настоящего мужика-земледельца. Какое открытое, честное, полное сознания собственного достоинства лицо!.. Мужик, будь он даже беден, но если только держится земли... совершенно презирает и попавшего на линию, и разбогатевшего на службе у барина. «А хорошее жалованье получают эти курятники – 250 рублей, да еще рвёт с кого билетик, с кого трояк!» – говорил мне один мужик, истинный, страстный земледelec, непомерной силы, непомерного здоровья, ума и хозяйственной смывшлёности». Но сам он ни в батраки, ни в лакеи не пойдёт ни за что.

«Приехали ко мне как-то мужики покупать рожь на хлеб.

– Что же вы не покупаете у своего барина? – спросил я.

– Какой у нашего барина хлеб, наш барин сам в батраках служит. И сколько презрения было в этих словах! Барин, из небогатых, действительно, служил управляющим у соседнего помещика».

К батракам и сам Энгельгардт относится без особой симпатии, подчёркивая принципиальную разницу между ними и хозяйствующими мужиками, даже в отношении интенсивности работы:

«... крестьянин, работающий на себя в покос или жнитво, делает страшно много, но зато посмотрите, как он сбивается в это время – узнать человека нельзя. Зато осенью, после уборки, он отдыхает, как никогда не отдыхает батрак, от которого требуют, чтобы он всегда работал усиленно и которого считают ленивым, если он не производит тахитит работы».

У нас «землевладелец есть барин, работать не умеет, с батраками ничего общего не имеет, и они для него не люди, а только работающие машины».

Все помещики жаловались, что вести хозяйство, используя труд батраков, невыгодно. Энгельгардт работой своих батраков был доволен. Очевидно, дело не только в батраках, но и в хозяине.

Хозяйствующий на земле мужик *«чувствует свою независимость, сознаёт, что ему не нужно бесполезно заслуживать, подлаживать. Не то с мужиком, когда он, не осилив земли, бросает ее и идет на службу к господам, где и старается подладить, заслужить, попасть на линию. Тогда чувство собственного достоинства, уверенность в самом себе, в своей силе, теряется, и хозяин тупеет, мало-помалу начинает чувствовать, что всё его благосостояние зависит от того, насколько он сумел подладить, заслужить. Раз он укусил пирожка, лизнул медку, ему уж не хочется на чёрный хлеб, на серую капусту, в чёрную работу, в серую сермягу...»*

Нужно заметить, однако, что мужики, попадающие на службу на линию, люди, без сомнения, в известном смысле способные, обыкновенно и сами по себе не любят земледелия и хозяйства и большею частью к хозяйству не способны.

Но много ли таких счастливых, которые попадают на линию, в особенности теперь, когда есть массы бессрочных молодых солдат, редко возвращающихся на землю и презирающих необразованного мужика и его мужицкую работу? Поэтому большинство бросивших землю крестьян ни на какую линию не попадает и погибает в батраках и подённых. Что будет с их детьми?»

Думается, такой вопрос задал бы Энгельгардт разрушителю крестьянской общины Столыпину, доживи он до опубликования планов знаменитого (и многими так сильно ныне почитаемого) реформатора.

Но интересно заметить, что и отслужившие службу молодые солдаты тоже не хотят жить в деревне и презирают тёмного мужика (возможно, и своих родителей). Не предвещает ли это исчезновение деревни в том виде, в каком она существовала тогда и существует сейчас, и возрождение её в какой-то иной форме (если оставить в стороне фантазии о создании разного рода синтетической пищи)?

Помимо традиционных, давно известных описанных хищников и паразитов – помещиков, кулаков и их прихлебателей, Энгельгардт одним из первых заметил нового – банки. Он считал великим благодеянием для крестьян учреждение Крестьянского банка, на ссуды которого мужики могли скупать земли – части помещичьих имений. Но он же отмечал отрицательную роль частных банков, которые принимали в залог помещичьи имения только целиком. Тем самым они закрывали дорогу крестьянам к приобретению земель, потому что никакой деревне купить целое достаточно крупное имение было не по силам. Думаю, Энгельгардт, как человек образованный и следящий за экономической литературой, знал, что эти банки, именуемые русскими, на деле были в большинстве своём филиалами зарубежных банков и служили частью той паутины, которая опутывала народное хозяйство России, подчиняя его иностранному капиталу. Наиболее обстоятельными публикациями на этот предмет были труды выдающихся русских экономистов Александра Нечволодова (особенно его книга «Русские деньги») и Юлия Жуковского (который сам несколько лет возглавлял Государственный банк России и знал весь механизм закабаления нашей страны иностранным капиталом, как и то, какие пре-

пятствия в деятельности тех, кто этому противился, ставились влиятельными силами в правящей элите России). Но эти труды появились лет через 15 после смерти Энгельгардта.

Глава 7. Паразитизм и хищничество кулаков-мироедов

Наверное, Энгельгардту, как помещику, к тому же успешно ведущему хозяйство, нелегко было подписать приговор помещичьей системе. Ещё тяжелее было ему сознавать, что на его веку на месте помещичьего хозяйства не возникнет ничего более разумного. Его не могло радовать собственное пророчество о грядущем царстве кулаков.

Что такое кулачество, Энгельгардт знал прекрасно и одним из первых в России показал и истоки, и проявления этой новой хозяйственной силы:

«Известной долей кулачества обладает каждый крестьянин, за исключением недоумков да особенно добродушных людей и вообще «карасей»... У крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации. Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству – всё это сильно развито в крестьянской среде. Кулаческие идеалы царят в ней, каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянин, если обстоятельства тому благоприятствуют, будет самым отличнейшим образом эксплуатировать всякого другого, всё равно крестьянина или барина, будет выжимать из него сок, эксплуатировать его нужду».

Как видим, Энгельгардт разбивает в пух и прах представления о крестьянине как о прирожденном социалисте, которым бредили народники, и те современные нам суждения о русском человеке – воплощении доброты и бескорыстия, какие проповедают нынешние народолюбцы. Нет, в русском крестьянине кулацкая жилка была, она часто принималась за хозяйскую сметку, ею гордились, её воспитывал весь строй сельской жизни, особенно после отмены крепостного права, когда так усилилась роль денег (об этом писал ещё Г. И. Успенский). Нет, это не Ленин выдумал, будто в крестьянине соединены труженик и спекулянт. А Энгельгардт продолжает характеристику крестьянина:

«Всё это, однако, не мешает крестьянину быть чрезвычайно добрым, терпимым, по своему необыкновенно гуманным, своеобразно, истинно гуманным, как редко бывает гуманен человек из интеллигентного класса».

О душевных качествах русского крестьянина дальше пойдет особый разговор, а пока вернёмся к вопросу о соотношении «кулака потенциального» и «кулака актуального», как сказали бы математики:

«Каждый мужик при случае кулак, эксплуататор, но, пока он земельный мужик, пока он трудится, работает, занимается сам землёй, это еще не настоящий кулак, он не думает всё захватить себе, не думает, как бы хорошо было, чтобы все были бедны, нуждались, не действует в этом направлении... Он расширяет своё хозяйство не с целью наживы только, работает до усталости, недосыпает, недоедает». А настоящий кулак, процентщик, «ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги... У этого всё зиждется не на земле, не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, которым он торгует, который раздает в долг под проценты. Его кумир – деньги, о приумножении которых он только и думает... Ясно, что для развития его деятельности важно, чтобы крестьяне были бедны, нуждались, должны были обращаться к нему за ссудами. Ему выгодно, чтобы крестьяне не занимались землёй, чтобы он пановал со своими деньгами... Он поддерживает всякие мечты, иллюзии, от него идут всякие слухи; он сознательно или бессознательно, не знаю, старается отвлечь крестьян от земли, от хозяйства, проповедуя, что «работа дураков любит», указывая на трудность земельного труда, на лёгкость отхожих промыслов, на выгодность заработков в Москве. Он, видимо, хотел бы, чтобы крестьяне не занимались землёй, хозяйством – с зажиточного земельного мужика кулаку взять нечего, – чтобы они, забросив землю, пользуясь хозяйством только как подспорьем, основали свою жизнь на лёгких городских заработках. Он, видимо, желал бы, чтобы крестьяне получали много денег, но жили бы со дня на день,

«с базара», как говорится. Такой быт крестьян был бы ему на руку, потому что они чаще нуждались бы в перехвате денег и не имели бы той устойчивости, как земельные мужики. Молодые ребята уходили бы на заработки в Москву, привыкали бы там к беспечной жизни, к лёгким заработкам, к лёгкому отношению к деньгам – что их беречь! заработаем! – к кумачным рубашкам, гармоникам, чаям, отвыкали бы от тяжёлого земледельческого быта, от сельских интересов, от всего, что мило селянину, что делает возможным его тяжёлый труд. Молодые ребята жили бы по Москвам, старики и бабы оставались в деревне, занимались бы хозяйством кое-как, рассчитывая на присылаемые молодёжью деньги. Кулаку всё это было бы на руку, потому что ему именно нужны люди денежные, но живущие изо дня в день, денег не берегущие, на хозяйство их не обращающие. Нужно платить подати – к кулаку, ребята из Москвы пришлют – отдадим. И кулак может давать деньги совершенно безопасно, потому что, когда пришлют из Москвы, он уже тут – «за тобой, брат, должок есть». За одолжение заплатят процент, да еще за уважение поработают денёк-другой – как не уважить человека, который вызволяет? А у него есть где поработать, даёт тоже в долг деньги помещикам, а те за процент либо лужок, либо лесу на избу, либо десятинку земли под лён: помещику это ничего не стоит, как мужику не стоит поработать денёк-другой».

В наши дни в России идут бесконечные споры о том, при каком общественном строе мы живём. Как говорил наш выдающийся оратор и творец многих афоризмов Виктор Черномырдин, к коммунизму мы не идём и капитализма не строим. Насчёт коммунизма можно особенно не распространяться, теперь уже почти всем ясно, что это мечта, утопия, осуществление которой невозможно в принципе. Капитализма у нас тоже нет, потому что капиталист, даже будучи жесточайшим эксплуататором и разнузданным потребителем, всё-таки занят производством и, по крайней мере, стремится расширять своё предприятие, повышать его эффективность. Наши же олигархи, которым предприятия достались от советского периода в ходе бандитской приватизации, движимы единственным желанием: выжать из полученных активов всё возможное. Чтобы потом, оставив России кучу железного хлама, отбыть на жительство в «цивилизованные страны», где они заблаговременно обзавелись недвижимостью и счетами в банках, куда они перевезли на жительство свои семьи. Даже многие предприниматели и политики, причастные к той нечестной приватизации, называют нынешний строй «бандитским капитализмом». Но если говорить о психологической основе этого строя, воспитывающего людей на лозунге «главное в жизни – это деньги!», то эта психология не социалистическая и не капиталистическая, а именно кулацкая. Впрочем, и рыночная экономика, а особенно господствующий в современном мире финансовый капитал – это ведь, по большому счёту, тоже некие разновидности кулачества.

С беспристрастностью ученого-натуралиста, изучающего поведение паука-кровососа, Энгельгардт прослеживает разные приемы, которыми кулак принуждает крестьян работать на себя. В то время, как либеральные интеллигенты видели в кулаке опору хозяйства в деревне, пришедшую на смену помещику, Энгельгардт показал, что кулак разлагает деревню и подрывает основу всякого хозяйства. То есть **кулак не только паразит, как помещик, но и хищник, который стремится всемерно расширить зону своего влияния, подрывая для этого основы хозяйства намеченной им очередной жертвы**. Энгельгардт, наверное, посмеялся бы над мыслью П.А. Столыпина, доживи он до выступлений прославленного реформатора, будто этот зажиточный мужик, кулак, станет опорой царского режима и помощником помещикам:

«Богачи-кулаки – это самые крайние либералы в деревне, самые яростные противники господ, которых они мало что ненавидят, но и презирают, как людей, по их мнению, ни к чему не способных, никуда не годных. Богачей-кулаков хотя иногда и ненавидят в деревне, но, как либералов, всегда слушают, а потому значение их в деревне в этом смысле громадное. При всех толках о земле, переделе, о равенстве кулаки-богачи более всех говорят о том, что вот-

де у господ земля пустует, а мужикам затеснение, что будь земля в мужицких руках, она не пустовала бы, и хлеб не был бы так дорог. Но что касается толков о «равнении земли», то богачи-кулаки всё это в душе считают пустыми мужицкими мечтаниями, фантазиями, иллюзиями. Принимая самое живое участие в деревенских толках, подливая масла в огонь, они на стороне с презрительной усмешкой говорят, что это мужики всё пустое болтают... Просто так будет, что господские имения, которые заложены, как только барин не заплатит в срок, будут отбирать в казну и потом мужикам раздавать!.. А богатых мужичков с деньгами много найдётся...»

Кулаки открывали кабаки, и своё хозяйство, держащееся не на земле, а на денежном капитале, вели с умом:

«Как содержатель кабака и постоялого двора, скупающий по деревням всё, что ему подходит – и семя, и кожи, и пеньку, и счёски, – он знает на двадцать верст в округе каждого мужика...».

Именно кулаки первыми стали пользоваться ссудными кассами; взятые ссуды раздавали беднякам в долг под работы за огромный процент.

Возвращаясь к помещичьим хозяйствам, Энгельгардт утверждает, что им *«не с чего подняться. Выкупные свидетельства прожиты; деньги, полученные за проданные леса, прожиты; имения большей частью заложены; денег нет, доходов нет».* Но и у кулацких хозяйств, по его мнению, будущности тоже нет. *«Старая помещичья система после «Положения» (об отмене крепостного права. – М. А.) заменилась кулаческой, но эта система может существовать только временно, прочности не имеет и должна пасть и перейти в какую-нибудь иную, прочную форму... Пало помещичье хозяйство, не явилось и фермерства, а просто-напросто происходит беспутное расхищение – леса вырубаются, земли выпаживаются, каждый выхватывает, что можно, и бежит. Никакие технические улучшения не могут в настоящее время помочь нашему хозяйству... пока земли не перейдут в руки земледельцев».*

Мне неизвестно, знал ли Энгельгардт слова пролетарского гимна «Интернационал»: *«Лишь мы, работники всемирной Великой армии труда, Владеть землей имеем право, а паразиты – никогда!»* Но он, сам помещик, был убеждён: земля не может принадлежать ни помещикам, ни кулакам, а только тем, кто её обрабатывает. И здесь он опирался на исконно русское понимание: земля – Божья и не может принадлежать кому-либо из людей на правах священной и неприкосновенной частной собственности (как и лес и другие природные блага). Требования крестьян о «поравнении» касались только земли и совсем не распространялись на деньги и прочий капитал, умение нажить который зависело только от самого человека.

Не принял бы Энгельгардт и объяснения этих волнений и требований происками инородцев. Правда, он видел евреев, которые *«содержат мельницы, кабаки, занимаются торговлей и разными делами. Всё это запрещено, но всё так или иначе обходится. Помещикам евреи выгодны, потому что платят хорошо и на всякое дело способны. Преимущественно евреи ютятся около богатых, имеющих значение помещиков, в особенности около винокуренных заводчиков... в подходящих местах, близ строящейся дороги, больших лесных заготовок, вообще, где предприимчивый умственный еврейский человек может орудовать и наживать деньги, евреев распложается множество... чуть не на всех, даже самых маленьких, мельницах евреи сидели, кабаки содержали и всякими гешефтами занимались, совсем мещан отбили, потому что куда же какому-нибудь мещанину против еврея».* В другом месте: *«а на что уж крепкий насчёт копейки народ еврей...»* И тем не менее ненависть крестьян была обращена не на евреев, а на своих русских мироедов.

Очень интересно объяснил причину появления евреев в сельской местности в качестве торговцев, ростовщиков, содержателей кабаков и пр. выдающийся русский правовед, западник и либерал, но государственник и консерватор, умный и энциклопедически образованный русский человек Борис Чичерин. Оказывается, она – в алчности кулаков:

«... всякий, кто соприкасался с местною жизнью, знает, что русский кулак в десять раз хуже всякого жиды. Оборотистый еврей довольствуется малым барышом, а русский всегда старается схватить как можно больше, без малейшего зазрения совести. Эту привычку имеют не только мелкие деревенские ростовщики, но и самые крупные торговцы. Русским помещикам известно, какое благодеяние составляет появление в крае еврейских комиссионеров, избавляющих производителей от монополии местных хлебных торговцев».

Не менее неприязненно крестьяне относились и к кулакам:

«Вся деревня ненавидит такого богача, все его клянут, все его ругают за глаза. Сам он знает, что его ненавидят, сам строится посреди деревни, втесняясь между другими, потому что боится, как бы не спалили, если выстроится на краю деревни... всё это кулаки, жилы, бессердечные пьяницы, высасывающие из окрестных деревень все что можно и стремящиеся разорить их вконец».

С. Кара-Мурза так трактует то место писем, где Энгельгардт подробно излагает взгляды кулаков на земельный вопрос, и этот взгляд решительно расходится с программой Столыпина. *«В частности, кулаки предполагают так распорядиться помещичьей землей, которая так или иначе отойдет в казну: «Найдется богатый мужичок, который деньги внесет, земля под общество пойдет, а общество мужику выплачиваться будет. Богач найдет, с чего взять». То есть, кулаку, сельскому богачу выгоднее не устраивать ферму, а отдать землю общине и тянуть с нее проценты за кредит. Это, пожалуй, можно считать «мироедством» в чистом виде».*

У Салтыкова-Щедрина есть целая серия очерков о кулаках-мироодах, он отмечал, что *«еще один враг появился у «освобожденного» (от крепостной зависимости крестьянина): около каждого «обеспеченного наделом» выскочил кулак-мироод Колупаев, «который высоко держит знамя кровопивства».*

Или:

«Прежде господа рвали души, теперь – мирооды да кабатчики. Во всякой деревне мироод завёлся, рвёт христианские души, да и шабаш».

Имена «героев» этих очерков Щедрина, кулаков-мироодов Дерунова, Стрелова, Колупаева, Разуваева стали нарицательными.

Энгельгардт типов мироодов не создавал, обидных кличек им не давал, но подноготную кулака показал наглядно, как никто другой, и предупреждал, что обстановка в обществе становится всё более взрывоопасной, хотя сам умер, не увидев картин того, как крестьяне ещё за несколько лет до революции 1905 года начали поджигать и захватывать барские имения и расправлять с кулаками, вышедшими из общины.

Как видим, причин для социального взрыва накопилось много в деревне и без революционной пропаганды. Но ведь когда в деревни шли «народники», крестьяне сами их вылавливали и сдавали властям. Если же революционная пропаганда позднее действовала на крестьян, значит, она падала на подготовленную почву.

И Энгельгардт, и Щедрин имели дело с деревней Западной и Центральной России, где кулачество выросло после отмены крепостного права. Многие полагают, что раз в Сибири крепостного права не было, а земли можно взять столько, сколько обработаешь, то, значит, и кулачеству там и взяться было неоткуда. Увы, дело обстояло совсем не так.

Это рассказ, в котором раскрывается механика закабаления сибирского крестьянина кулаком. Автор рассказа – Николай Иванович Наумов (1838–1901) – писатель-народник, считается первым бытописателем сибирской деревни.

«В течение девятилетней службы крестьянским чиновником в двух округах Томской губернии, Мариинском и Томском, я изо дня в день по свежим впечатлениям записывал все, что доводилось мне подметить и слышать», – писал Наумов об этом периоде в одном из своих писем.

Итак, крестьяне дважды в год были обязаны уплатить подати. Писатель отмечает, что большинство крестьян, которых он относит к беднякам (сегодня популярно заблуждение о поголовной зажиточности сибирского крестьянства), не имеет денежных средств для уплаты податей. Крестьяне оказываются под угрозой телесных наказаний (а пожилой или больной человек под розгами и умереть мог, несмотря на пресловутое «отсутствие смертной казни при царях»), насильственной продажи за долги части хлеба, других продуктов, скотины, домовых построек (распродажа крестьянского имущества была ограничена законом, но и распродажа «излишков» наносила серьёзный удар по крестьянскому хозяйству). Городские прасолы в этот период слетаются в деревню, как коршуны, и за взятки добиваются не предоставления тем отсрочек, скупают за копейки крестьянское имущество на этих распродажах (вспомним современное заблуждение, что перегибы были только при Сталине, вспомним сакраментальное «забирали всё!» в первые годы коллективизации).

Часто же сборщики подати заключают своего рода контракт с местными кулаками: кулак выплачивает недоимки за крестьян, а чиновники предоставляют ему право бесконтрольно собирать потом крестьянские долги либо личным трудом должников, либо их будущим урожаем. (Что-то напоминающее историю с винными откупами. – М.А.)

Мне тут недавно высказывали, мол, крестьянин добровольно ведь брал в долг у кулака. Так вот вам эта добровольность: или падай в ноги кулаку, или давай задаром тёлку или жеребчика, да заголяй спину под розги.

Сегодня также часто удивляются, мол, ну взял у кулака разок в долг, так после отдачи свободен, где кабала? Наумов подробно поясняет, почему из такой долговой кабалы было так трудно освободиться, что она иногда становилась пожизненной. *«Допустим, что у него благодарный урожай, который при других обстоятельствах мог бы поправить его хозяйство продажей избытка хлеба в посторонние руки по существующим на него ценам. Но внесший за него подать крестьянин не допустит его до этой продажи и, по цене, всегда самовольно назначаемой, заберёт хлеб в свою пользу, в выплату долга. Допустим, что бедняк избытком хлеба уплатил весь долг ему; но наступает новый сбор податей – и у него снова нет средств внести их, так как весь его заработок употреблён на выплату старого долга, и снова поневоле он прибегает к помощи своего благодетеля...»*

Более того, Наумов упоминает продажу должников в работу на приисках, рыбном промысле. Почти рабство.

Подытоживая свои наблюдения, писатель делает вывод, что кулацкий промысел – зло, развращающее экономическое благосостояние народа и его нравственность.

Непроизводительный доход с кулацкого капитала таким образом тормозил развитие хозяйства, – зачем улучшать агротехнику, внедрять новое, если к услугам кулака толпа бесплатной рабочей силы?

Процесс развития кулачества от его зарождения до его ликвидации, как класса, изучил историк Борис Юлин. В его рассказе¹ кулак, начинавший свою карьеру путь как ростовщик, закончил её как главарь организованной преступной группировки, состоявшей из подкулачников.

Книга Энгельгардта, подцензурная, тем не менее, ясно говорила о том, что данный царский и помещичий строй обречён и падёт в недалеком будущем. Но это не означало, что крестьяне выступали против монархии, за республику и пр. Они желали установления строя **народной монархии**, хотя вряд ли кто-нибудь из них смог бы изложить, как он будет выглядеть.

¹ <http://www.youtube.com/watch?v=N8HIT0vWjO0>

Глава 8. Хозяин и хозяйство

Размышляя над картинами всеобщего разорения пореформенной российской деревни, А.И. Энгельгардт пришёл к выводу, что ни система помещичьего землевладения, ни фермерство, ни царство кулаков, не говоря уж об арендаторах и лакеях, не имеют будущего. Но мало раскритиковать все существующие системы землепользования, надо показать, что же должно прийти им на смену. Читателям казалось: кто же сделает это лучше Энгельгардта, который добился процветания своего имения? Так каким же должно быть идеальное, по его представлениям, хозяйство?

У Энгельгардта такой идеал был, и идеал особый, ни на что прежде существовавшее не похожий. Но он понимал, если изложить его в первых же письмах, то сам публицист попадёт в число беспочвенных фантазёров. Следовательно, нужно, во-первых, подготовить к своему откровению читателей, а, во-вторых, добиться в своём хозяйстве таких блестящих результатов, которые показали бы всем, что имеют дело с серьёзным, опытным, мудрым хозяином. В первые годы он в своих письмах мог лишь рисовать правдивую картину состояния деревни, что наблюдал своими глазами. Но успехов сначала не было, у него не было денег даже на самое необходимое, даже на белый хлеб для себя и семьи. С каждым годом основа для успехов становилась всё более прочной. И всё же пока ему приходилось, как я полагаю, набраться терпения и стиснув зубы, шаг за шагом идти к своей цели.

Прежде всего, он понял, что ему нужно строить свое хозяйство на совершенно иных началах («без капитала»). И что вести жизнь помещика, требующую множества прислуги, ему не по средствам, да и не получится из него хозяина, если вести хозяйство через приказчика, эконома.

У Энгельгардта введение новой системы земледелия (и вообще хозяйствования) началась сразу же после его приезда:

«Только что прошел слух... о том, что в Батицево приехал на житьё барин... ко мне начали являться различные люди наниматься в ключники, буфетчики, повара, кучера, лакеи, конторщики, ключницы, экономки, прачки, горничные. Все думали, что я... обзаведусь, то есть возьму экономку, куплю прежде всего лошадей, парадную сбрую, экипаж. Каково же было удивление всех, когда я перевёл старосту в (барский) дом, поручил жене его (Авдотье) готовить мне кушанье, взял для прислуги и работ молодого крестьянина, завёл всего одну лошадь, стал разъезжать одиночкой, дома никакого не устраивал, но увеличил количество скота, стал расчищать луга, сеять лен... Как я ни жался, как ни старался сократить свой штат, но всё-таки еще... значительная часть дохода идет на содержание людей... Езжу в телеге или на бегунках, не только сам правлю лошадью, но подчас и сам запрягаю, ем щи с солониной, борщ с ветчиной, но несколько месяцев не вижу свежей говядины и рад, если случится свежая баранина, восхищаюсь песнями, которые «кричат» бабы, и пляскою под звуки голубца...»

Неумение обходиться без прислуги «было одною из причин разорения небогатых помещиков, не умевших после «Положения» (об освобождении крестьян) повести свою жизнь иначе, чем прежде, было одною из причин, почему помещики побросали хозяйства и убежали на службу. Поселившись в деревне, я повёл жизнь на новый лад.

По хозяйству – молочное дело, выпойка телят и пр. – учить её (Авдотью) мне было нечему: я сам у неё учусь и должен сознаться, что от нее научился гораздо большему, чем по книгам...»

Он ещё более утвердился в своём решении «жить по-новому» после разговора с умным и опытным крестьянином, Степаном. Степан говорил:

«— Теперь ещё лучше можно хозяйничать, чем прежде, когда были крепостные... делайте так, чтобы и вам было выгодно, и мужику было выгодно, тогда у вас всё пойдет хорошо.

— Да как же это сделать?

— Хозяином нужно быть для этого. Коли сделаетесь хозяином, так и будет всё хорошо, а если хозяином не можете сделаться, так не стоит и в деревне жить. По-деревенски только всё делайте, а не по-петербургски. Здесь иначе нельзя, сами увидите».

В чём заключалось умение хозяйствовать по-деревенски, а не по-петербургски и не по-немецки? Степан же показал это на наглядном примере.

Энгельгардт пожаловался, что крестьяне за поправку прорванной плотины у пруда требуют сто рублей, тогда как работа не стоит и тридцати.

«— Зачем вам нанимать? Просто позовите на толоку: «из чести» к вам все придут, и плотину, и дорогу поправят. Разумеется, по стаканчику водки поднесёте.

— Да ведь проще, кажется, за деньги работу сделать? Чище расчёт.

— То-то, оно проще по-немецки, а по-нашему выходит не проще. По-соседски нам не следует с вас денег брать, а «из чести» все придут...

— Постой, но ведь хозяйственные же работы полевые все на деньги делаются?

— Хозяйственные — то другое дело. Там иначе нельзя.

— Не понимаю, Степан.

— Да как же. У вас плотину промыло, дорогу попортило — это, значит, от Бога. Как же тут не помочь по-соседски? Да вдруг у кого — помилуй, Господи, — овин сгорит, разве вы не поможете леском? У вас плотину прорвало — вы сейчас на деньги нанимаете, значит, по-соседски жить не желаете, значит, всё по-немецки на деньги идти будет. Сегодня вам нужно плотину чинить — вы деньги платите; завтра нам что-нибудь понадобится — мы вам деньги плати. Лучшие же по-соседски жить — мы вам поможем, и вы нас обижать не будете. Нам без вас тоже ведь нельзя: и дровец нужно, и лужок нужен, и скотину выгнать некуда. И нам, и вам лучше жить по-соседски, по-Божески».

Помещик послушал умного крестьянина, и толокой в один день поправили и плотину, и дорогу.

Осенью пришлось звать на толоку баб, чтобы помогли нарубить капусту на засолку. Тут Энгельгардт убедился, что у крестьян есть свой «трудовой кодекс», что каждый хочет на общей работе показать себя с лучшей стороны:

«Работа «на чести», толокой, производится даром, бесплатно; но, разумеется, должно быть угощение, и, конечно, прежде всего водка. Загадав рубить капусту, чистить бураки и пр., Авдотья приглашает, «просит» баб прийти на «помочи». Отказа никогда не бывает: из каждого двора приходит по одной, по две бабы, с раннего утра. Берут водки, пекут пироги, заготавливают обед поллучше, и если есть из чего, то непременно делают студень — это первое угощение. «Толочане» всегда работают превосходно, особенно бабы, — так, как никогда за подённую плату работать не станут. Каждый старается сделать как можно лучше, отличиться, так сказать. Работа сопровождается смехом, шутками, весельем, песнями. Работают как бы шутя, но, повторяю, превосходно, точно у себя дома. Это даже не называется работать, а «помогать»...

Нельзя даже сказать, чтобы именно водка привлекала, потому что приходят и такие бабы, которые водки не пьют; случается даже, что приходят без зову, узнав, что есть какая-нибудь работа. Конечно, всё это происходит оттого, что мужик и теперь всегда в зависимости от соседнего помещика: мужику и дровец нужно, и лужок нужен, и «уруга» (выгон) нужна, и деньжонок перехватить иногда, может быть, придется, и посоветоваться, может быть, о чём-нибудь нужно будет, потому что все мы под Богом ходим — вдруг, крый (сохрани) Господи, к суду какому-нибудь притянут — как же не оказать при случае уважение пану!».

Подобная совместная работа, в какой-то мере на принципе состязательности, дала возможность Энгельгардту увидеть крестьян и крестьянок с лучшей стороны, чего никогда не видели помещики, использующие труд либо крепостных, либо наёмных работников.

И такой подход к крестьянам с отношениями «по совести, по справедливости», стал для Энгельгардта правилом. Тогда как местные помещики строили отношения с крестьянами «по-петербургски», петербургский профессор жил с «мужиками» и «бабами» «по-соседски, по-Божески». Другие помещики вели с крестьянами нескончаемые изматывающие (и обычно безрезультатные) судебные процессы, у Энгельгардта с соседями и работниками не было ни ссор, ни неприятностей. Совет Степана послужил первым толчком, который ввёл Энгельгардта в целый мир деревенских, сложившихся за века чисто русских отношений, не описанных ни в одном руководстве по ведению хозяйства и не предусмотренных никакими юридическими кодексами.

Пришлось, например, Энгельгардту ознакомиться и с системой «народной юриспруденции». Среди знакомых ему крестьян был охотник и вор, некто Костик. Он крал даже не столько из нужды, сколько из озорства (как Остап Бендер был мошенником-художником). Совершил он кражу у Матова – мещанина-кулака, содержателя постоялого двора. Матов прежде всего раскидывает умом, кто бы мог украсть. Он *«находит важных свидетелей, которые видели у Костики деньги (а всем известно, что у Костики денег быть не может), которые видели Костику с ношей. Заручившись свидетелями, обещав им, что дела далее волости не поведет, свидетелей по судам таскать не будет, и получив, таким образом, уверенность, что Костику не отвертеться. Матов жалуется в волость. Вызывают в волость Матова, Костику, свидетелей – в волость свидетелям сходить недалеко и от работы их не отрывали, потому что суд был вечером. Свидетели уличают Костику, и тот, видя, что нельзя отвертеться, сознаётся. Дело кончается примирением, и все довольны»*. Матов получил обратно у него украденное. *«Свидетелям Костик или заплатил, или поставил водки, а главное, их не таскали по судам... Костик доволен, потому что раз воровство открыто, ему выгоднее заплатить за украденное, чем сидеть в остроге. Мы довольны, потому что если бы Костик посидел в остроге, то из мелкого воршики сделался бы крупным вором.*

Совсем другое дело вышло бы, если бы Матов вместо того, чтобы самому разыскивать вора, принёс жалобу в полицию, как делают большею частью помещики и в особенности помещицы. Приехал бы становой, составил бы акт, сделал дознание, тем бы, по всей вероятности, дело и кончилось. Какие же у станового с несколькими сотскими средства открывать подобные воровства?.. Становому впору, только повинности с помещиков собрать...

Положим, помещики вызывают станового, обыкновенно ничего не разузнав о краже, и не представляют никаких данных, даже и подозрения основательного высказать не могут; но Матов, казалось бы, разузнав всё предварительно и имея свидетелей, мог бы принести жалобу мировому и вообще куда следует. Как бы не так. Матов, как человек практический и сам судов боящийся, очень хорошо знает, что, если бы свидетели только знали, что Матов будет судиться с Костику и таскать их, свидетелей, по судам, так они бы притаились и ничего бы не сказали. В самом деле, представьте себе, что если бы, вследствие жалобы Матова, свидетелей, то есть старосту, гуменика и работников, потребовали куда-нибудь за 30 вёрст к становому, мировому или на съезд, – благодарили ли бы они Матова? Вы представьте себе положение хозяина: старосту, у которого на руках всё хозяйство, гуменика, без которого не может идти молотба, и рабочих потребуют свидетелями! Все работы должны остановиться, всё хозяйство должно остаться без присмотра, да в это время, пока они будут свидетельствовать, не только обмолотить, но просто увезти хлеб с гумна могут. Да и кто станет держать такого старосту или скотника, который не знает мудрого правила: «нашёл – молчи, потерял – молчи, увидал – молчи, услышал – молчи», который не умеет молчать, болтает лишнее, вмешивается в чужие дела, которого будут таскать свидетелем к миро-

воту, на мировой съезд или в окружной суд. Вы поймите только, что значит для хозяина, если у него, хотя на один день, возьмут старосту или скотника. Вы поймите только, что значит, если мужика оторвут от работы в такое время, когда за день нельзя взять и пять рублей: поезжай свидетелем и оставь ниву незасеянную вовремя. Да если даже и не рабочее время, – очень приятно отправляться в качестве свидетеля за 25 верст, по 25-градусному морозу или, идя в город на мировой съезд свидетелем, побираться христовым именем. Прибавьте к этому, что мужик боится суда и всё думает, как бы его, свидетеля, храни Бог, не засадили в острог или не отпороли. Матов ни за что не открыл бы воровства, если бы свидетели не знали Матова за человека практического, который по судам таскаться не станет. Да и какая польза была бы Матову судиться с Костику? Посадили бы Костику в острог, – а Матову что? Украденное так бы и не вернул. Костик на суде во всем заперся бы. Матов остался бы не при чем, в глазах же крестьян сильно бы потерял, что неблагоприятно отзывалось бы на его торговых делах. Не лучше ли кончить все полюбовно, по-божески? У нас, к счастью, много дел кончается таким образом».

Энгельгардт приводит и другие примеры подобного рода. Кстати сказать, через несколько дней он увидел в кабаке Матова и Костику, распивающих водку и беседующих друг с другом в самом приятном расположении духа.

Судебную систему крестьяне считают выдумкой панов (помещиков, вообще господ) для утеснения простого народа:

«Мужику не под силу платить повинности, а кто их наложил? Пань, говорит мужик. Продают за недоимки имущество – кто? Опять пань. Мировой присудил мужика за покражу двух возов сена к трем с половиною месяцам тюремного заключения: мужик просит написать жалобу на съезд и никак не может понять, что нельзя жаловаться на то, что за 2 воза мировой присудил к 3 ½ месяцам тюрьмы...

– Понимаешь ты, в законе написано.

– В каком это законе? Кто ж этот закон писал? Все это пань написали.

И так во всё. Всё – и требование недоимок, и требование поправки дорог, и требование посылать детей в школу, рекрутчина, решения судов – всё от панов. **Мужик не знает «законов»; он уважает только какой-то божий закон.** Например, если вы, поймав мужика с возом украденного сена, отберёте сено и наколотите ему в шею, – не воруй, – то он ничего... это всё будет по-божески. А вот тот закон, что за воз сена на 3 ½ месяца в тюрьму, – то пань написали мужику на подпор».

Ну, а суждение Энгельгардта об официальной судебной системе пореформенной России сформулировано кратко:

«Удивительно это хорошая вещь, новое судопроизводство. Главное дело хорошо, что скоро. Год, два человек сидит, пока идёт следствие и составляется обвинительный акт, а потом вдруг суд, и в один день всё кончено. Обвинили: пошел опять в тюрьму – теперь уже это будет наказание, а что прежде отсидел, то не было наказание, а только мера для пресечения обвиняемому способов уклониться от суда и следствия. Оправдали – ты свободен, живи где хочешь, разумеется, если начальство позволит. Отлично».

Вы скажете: это «дела минувших дней, преданье старины глубокой»? Увы! В современной России идут бесконечные разговоры о судебной реформе, но все предлагаемые проекты не устраняют того её порока, что отмечен был ещё Энгельгардтом: многие подозреваемые в преступлениях подолгу, подчас годами сидят в следственных изоляторах в ожидании суда. Кроме того, ничтожно мал процент оправдательных приговоров. А между тем кардинальным решением этого вопроса было бы принятие **закона, согласно которому заключение под стражу (в тюрьму или в лагерь) возможно только для особо опасных преступников, представляющих угрозу для общества – убийц, серийных маньяков, насильников...** Для всех остальных преступивших закон существуют меры наказания, не связанные с лише-

нием свободы. Эксперты утверждают, что среди почти 700 тысяч заключённых в нашей стране весьма значительна доля (оценки её у них разные) осуждённых невинно (в результате судебных ошибок, «заказных» уголовных дел, ареста невинного, чтобы скрыть подлинного виновника и пр.). И почему впервые совершившего кражу или поссорившегося и даже подравшегося по пьяной лавочке непременно сажать в тюрьму или помещать в исправительно-трудовой лагерь? Сколько рабочих рук было бы освобождено, насколько уменьшилась бы потребность в тюрьмах и в сотrudниках охраны! А каким ударом по коррупции было бы такое решение! Да если бы ещё судьи выезжали на предприятия или в дома культуры населённого пункта, где живёт подлежащий суду человек! Насколько более обоснованным и справедливым был бы выносимый ими приговор, как это повысило бы авторитет судов (ныне, как известно, он далёк от идеала)! Но вряд ли кто прислушается к такому совету.

У Энгельгардт было и развлечение:

«На станцию железной дороги езжу. Там, в 100 саженьях от вокзала, есть постоялик, вечно наполненный народом – покупателями и продавцами дров.... Этот постоялик – наш Дюссо, с тою только разницей, что, вместо того чтобы слышать, как у Дюссо, французскую речь, – здесь вечно слышим: по пяти взял за швырок; без 20-ти семь продали на месте; он мне 70 за десятину; извольте, говорю.

Вся наша торговля сосредоточивается на дровах... Вся станция завалена дровами, все вагоны наполнены дровами, по всем дорогам к станции идут дрова, во всех лесах на двадцать верст от станции идёт пилка дров. Лес, который до сих пор не имел у нас никакой цены, пошёл в ход. Владельцы лесов, помещики, поправили свои дела... Несмотря на капиталы, приплывшие к нам по железной дороге, хозяйство несколько не улучшается, потому что одного капитала для того, чтобы хозяйничать, недостаточно».

Насмотревшись на потуги некоторых помещиков построить хозяйство на применении машин и завезённом из-за границы племенном скоте, на бесполезное вложение капитала в имения без понимания сущности хозяйственной деятельности, Энгельгардт пришёл к выводу о необходимости принципиально иного взгляда на роль различных факторов производства:

«...у нас вообще слишком много значения придают усовершенствованным машинам и орудиям, тогда как машины самое последнее дело. Различные факторы в хозяйстве, по их значению, идут в таком порядке: прежде всего хозяин, потому что от него зависит вся система хозяйства, и если система дурна, то никакие машины не помогут; потом работник, потому что в живом деле живое всегда имеет перевес над мёртвым; хозяйство не фабрика, где люди имеют второстепенное значение, где стругающий станок важнее, чем человек, спускающий ремень со шкива; в хозяйстве человек – прежде всего; потом лошадь, потому что на дурной лошади плуг окажется бесполезным; потом уже машины и орудия. Но ни машины, ни симментальский скот, ни работники не могут улучшить наши хозяйства. Его могут улучшить только хозяева...

Хороших хозяев очень мало, потому что от хорошего хозяина требуется чрезвычайно много, «хозяин, – говорят мужики, – загадывая одну работу, должен видеть другую, третью».

Невозможно стать настоящим хозяином, лишь учась по книгам (тем более, что книги чаще всего пишут профессора, сами хозяйства не ведущие и не знающие). Энгельгардт не мог принуждать крестьян работать на него за «отрезки», а переходить на наёмный труд можно было только при условии резкого повышения продуктивности хозяйства, на что большинство помещиков, воспитанных в традиционном духе и видевших в крестьянах только «мужиков» и «баб», то есть существа низшего порядка, были совершенно неспособны.

Итак, **первое** условие успешного хозяйствования – наличие **хозяина**. **Второе – справедливые отношения** помещика с крестьянами, уважение человеческого достоинства «мужиков» и «баб». Но это не прекраснотушие. Если у хозяина нет настоящей хозяйской жилки, крестьяне этим непременно воспользуются: *«Крестьяне в вопросе о собственности*

самые крайние собственники, и ни один крестьянин не поступится ни одной своей копейкой, ни одним клочком сена. Крестьянин неумолим, если у него вытравят хлеб; он будет преследовать за потраву до последней степени... Точно так же крестьянин признаёт, что травить чужой хлеб нельзя, что платить за потраву следует... Конечно, крестьянин не питает безусловного, во имя принципа, уважения к чужой собственности, и если можно, то пустит лошадь на чужой луг или поле... Деревенский пастух, видя, что барин не берёт на потраву, подумает, что он прост, то есть дурак, а дурака следует учить, и будет просто-напросто кормить скот на господском лугу...».

Справедливые отношения подразумевают и правильную оплату труда, для чего, конечно, хозяин должен досконально знать каждую работу. Заплатишь работнику меньше, чем следует, тебя сочтут жилой, кулаком, и тебе впредь будет трудно заполучить хороших работников. Заплатишь много больше следуемого – сочтут добрым барином, но дураком, и будут стараться обвести вокруг пальца в каждом деле.

Третье условие – это постановка хозяйства именно как *целого*, некоего подобия организма. «Если в хозяйстве вы делаете какое-нибудь существенное изменение, то оно всегда влияет на все отрасли его и во всём требует изменения. В противном случае нововведение не привьется. Например, положим, вы ввели посев льна и клевера, – сейчас же потребуются множество других перемен... Потребуется изменить пахотные орудия и вместо сохи употребить плуг, вместо деревянной бороны – железную. А это в свою очередь потребует иных лошадей, иных рабочих, иной системы хозяйства по отношению к найму рабочих и т. д.».

Энгельгардт просто не смог бы существовать без изменения системы хозяйствования, потому что приехал из Петербурга «гол, как сокол» (для помещика) в деревню, совершенно разорённую:

«...когда я сел на хозяйство, то у меня не только свободного, но даже и необходимого оборотного капитала не было; мало того, **не было средств к жизни**, так что я для того, чтобы не брать капитала из хозяйства, должен был отказывать себе во всём, даже в белом хлебе, в покойном экипаже, во всех жизненных удобствах, которыми пользовался, живя в Петербурге. Я должен был найти в самом имении средства не только к жизни, не только к продолжению хозяйства, но и к тому, чтобы сделать улучшения, а эти улучшения влекли за собою изменение всей системы хозяйства. Каждая ошибка могла надолго затянуть дело. А тут еще подоспел неурожай в первый год моего хозяйства, недостаток в корме, сам я сломал ногу и больной пролежал целое лето...»

Надо было «всё изменить, начиная с костюма и кончая расположением построек в усадьбе, потому что у нас всё было приспособлено для барской жизни с множеством прислуги».

Здесь важна даже такая мелочь, как одежда. «Барский костюм до такой степени отличен от мужицкого, приспособленного к образу жизни всего населения страны... Как было бы хорошо носить несколько изменённый русский костюм. Русская рубаха, широкие панталоны, высокие сапоги – что может быть удобнее в деревне?... Вообще господин, одетый в городское платье и шубу, без прислуги буквально ступить шагу не может. Не говоря о том, чтобы, например, запрячь лошадь, даже править лошадыю, присмотреть за нею на постоялом дворе, сводить её на водопой, – ничего нельзя. А Петрушки нет и Селифана нет!»

И всё же на первых порах Энгельгардту приходилось сталкиваться с неожиданными явлениями:

«Я ехал из Петербурга с убеждением, что в последние десять лет всё изменилось, что народ быстро подвинулся вперед и пр. и пр. Можете себе представить, каково было моё удивление, когда вскоре после моего водворения в деревне ко мне раз пришёл мужик с просьбою заступиться за него, потому что у него не в очередь берут сына в школу.

– Заступись, обижают, – говорит он, – сына не в очередь в школу требуют, мой сын прошлую зиму школу отбывал, нынче опять требуют.

– Да как же я могу заступиться в таком деле? – спросил я, удивленный такою просьбою.

– Заступись, тебя в деревне послушают. Обидно – не мой черёд. Васькин сын еще ни разу не ходил. Нынче Васькину сыну черёд в школу, а Васька спорит – у меня, говорит, старший сын в солдатах, сам я в ратниках был, за что я три службы буду нести! Мало ли что в солдатах! – у Васьки четверо, а у меня один. Мой прошлую зиму ходил, нынче опять моего – закон ли это? Заступись, научи, у кого закона просить.

Действительно, когда зимой у мужика нет хлеба, когда чуть не все дети в деревне ходят «в кусочки» – как это было в первую зиму, которую я провёл в деревне, – и этими «кусочками» кормят всё семейство, понятно, что мужик считает «отбывание школы» тяжёлой повинностью. Но, присмотревшись, я скоро увидал, что даже и в урожайные годы совсем не так «отрадно и пр.», как пишут в «Ведомостях».

Впрочем, теперь со школами полегче стало... так что и теперь в числе двадцати-, двадцатипятилетних ребят довольно много грамотных, то есть умеющих кое-как читать и писать. Но потом... и из мальчишек в деревне уж очень мало грамотных».

Но главное изменение в системе хозяйствования у Энгельгардта – это действительно совершенно новая постановка и растениеводства, и животноводства.

Почему приходят в упадок имения помещиков, которые ещё сами пытаются вести хозяйство? Потому, что у этих хозяев, хотя «после «Положения» прошло уже 12 лет, система хозяйства остаётся у большинства всё та же; сеют по-старому рожь, на которую нет цен и которую никто не покупает, чуть у крестьян порядочный урожай; овёс, который у нас родится очень плохо; обрабатывают поля по-старому, нанимая крестьян с их лошадьми и орудиями; косят те же плохие лужки, скот держат, как говорится, для навоза, кормят плохо и считают скот хорошо содержанным, если коров по весне не приходится подымать. Система хозяйства не изменилась, всё ведётся по-старому, как было до «Положения», при крепостном нраве, с тою только разницею, что запашки уменьшены более чем наполовину, обработка земли производится ещё хуже, чем прежде, количество кормов уменьшилось, потому что луга не очищаются, не осушаются и зарастают; скотоводство же пришло в совершенный упадок».

Энгельгардт сразу же отказался от трёхполья, посеял клевер и лён, что все в округе считали безнадёжным делом. А между тем, именно лён дал ему самый большой доход с единицы площади. А клевер и повысил плодородие почв, и позволил существенно улучшить кормовой рацион лошадей и крупного рогатого скота и, соответственно, увеличить надои и повысить качество молока.

Когда Энгельгардт побывал на губернской сельскохозяйственной выставке (довольно убогой и не вызвавшей интереса у помещиков, ведущих хозяйство), он увидел там крупные кочаны капусты. «У наших крестьян огородничество в крайне плохом состоянии, белой капусты даже у самого зажиточного крестьянина вы не увидите, и для приготовления капусты обыкновенно употребляется свёкла, зелёный капустный лист – хворост – и свекольник, вследствие чего капуста выходит серая». Энгельгардту, кажется, удалось добиться, чтобы и в его имении выростала хорошая белокочанная капуста, по крайней мере, для барского стола. Так что и посещение убогой выставки, на что он потратил 28 рублей 50 копеек (на эти деньги можно было бы обработать десятину льна, которая принесла бы 100 рублей прибыли), обернулось для него некоторой пользой.

Четвёртое условие успеха – **правильное соотношение** между размерами пашни, сенокосов, пастбищ и количеством скота. Энгельгардт поясняет это на примере хозяйства супружеской пары:

«В нечернозёмной полосе количество посева обуславливается количеством навоза, какое можно накопить. Количество же навоза обуславливается количеством сена, какое может

наготовить имеющая достаточно лугов пара в промежутке времени от Петра до Семена (от Петрова дня до Семенова по православному календарю. – М. А.). Это количество сена обуславливает у нас, так сказать, всю суть хозяйства, от него зависит количество скота, количество высева, количество хлеба, мяса, сала, молока, какое может потреблять наша пара. Другим мерилom для определения величины запашки служит еще возможность убрать народившийся хлеб в тот короткий срок, какой имеется для этой уборки».

Пятое условие – правильное использование навоза и искусственных удобрений в сочетании с оптимальными севооборотами, «...после льну, по перелому, с небольшим удобрением – «потрусивши навозцу», как говорят крестьяне, – получают великолепнейшие урожаи ржи. Вот уже три года, что после льна на переломах, удобренных только 100 возами навоза на хозяйственную десятину, я получал по 18 кулей ржи с хозяйственной десятины, то есть сам-12, тогда как на старопахотных землях, при 300 возах навоза, получалось только 12 кулей с десятины, то есть сам-8... Хозяева, которые знают, как дорого обходится нам навоз, поедаящий все доходы с полеводства, поймут всю важность добытых мною результатов».

Шестое условие – это строжайшее соблюдение агротехники, что также требует от хозяина досконального знания дела и строгого контроля за качеством работ: «...лён, доставляя большие выгоды, требует, однако, много внимания со стороны хозяина. Если хозяин сам не занимается делом... то у него со льном будут частые неудачи... В нынешнем году, например, льны, даже у крестьян, почти повсеместно западали снегом, а у меня весь лён был поднят своевременно и вышел отличного качества... неудачи происходят от невнимания самих хозяев, оттого, что всё делается несвоевременно и кое-как». Мы знаем, как в советское время выращенный с таким трудом лён часто уходил под снег, и вместо ожидавшейся внушительной прибыли хозяйства оказывались в больших убытках. Ну, а в наши дни хозяева вообще стараются не сеять лён. Его посевы сократились у нас в 300 раз(!).

Седьмое условие – это самостоятельное ведение дела, а не сдача земли в аренду, а если сдавать часть земли необходимо, то не арендатору-индивидуалисту, а крестьянской общине: «Арендатор чужой человек – сегодня он здесь, завтра там... Между тем арендуемая имение община остаётся всегда тут, на месте, и будет всегда держать имение в аренде, если ей это выгодно. Для общины нет выгоды разорять имение, сводить его на нет, и чем дальше, тем больше она будет нуждаться в нём, по мере увеличения населения, и всё более и более будет разрабатывать пустующие земли». К сожалению, и в нынешней России агрохолдинги ведут себя как прежний арендатор-индивидуалист. А арендаторы-иностранцы часто поступают ещё хуже. Много сетований раздается по поводу китайцев, арендующих землю и выращивающих овощи вблизи крупных российских городов. Они применяют так много химических удобрений и разных ядохимикатов, что, получая несколько урожаев в год, оставляют землю совершенно отравленной, и на ней много лет потом не растут даже сорняки. При этом сами арендаторы выращиваемые ими овощи не едят, зная, что они крайне вредны для здоровья. Впрочем, это вообще – норма для рыночной экономики, там, где государство устранилось от контроля за обработкой земли и за качеством производимой продукции, её безопасностью для потребителей.

Восьмое условие – способность видеть всё хозяйство в целом и учитывать всю совокупность факторов, часто противоречивых. Не бывает так, чтобы всем участникам производственного процесса и всем сторонам хозяйства было хорошо:

«Одному нужен дождь, а другому погода». Яровое совсем посохло, ему бы дождичка, а пойдет дождь – рожь, которая уже цветет, не опылится, не будет урожая. «Нужно смотреть в корень», а многие ли хозяева способны на это?»

А отсюда следует **девятое условие – способность быстро реагировать на изменение условий:** посеяли лён, а на его нежные ростки напала в неисчислимом количестве какая-то блоха. Пересевать? Найти средство борьбы с этой блохой? Оставить всё, как есть, и посмотреть, что

будет со льном дальше, справится лён сам с этой напастью? Не поможет ли изменение погоды, вроде дождь собирается? Значит, нужно уметь правильно оценивать риски и моментально производить сравнение вариантов решения и выбор оптимального не вообще, а именно для данной сложившейся ситуации.

С психологической точки зрения, *«при введении чего-нибудь нового первая вещь – успех. Одно вышло хорошо, другое, третье вышло хорошо – и вот приобретается уважение, доверие к знанию»*. Но и при неудачах нельзя опускать рук, а надо их осмысливать, находить причины, извлекать уроки на будущее. Яровое пропало, но до конца вегетативного периода есть ещё время, как можно использовать это поле, чтобы получить возможный максимум выгоды? Вот и само формулируется **десятое** условие: постоянно думать о хозяйстве, с этой мыслью ложиться спать вечером и с нею же просыпаться утром, тогда и подсознание иной раз подскажет верное решение.

Одиннадцатое условие – это повседневный и всеохватывающий учёт. Обычно помещики, даже при наличии бухгалтера (или эконома, приказчика) не ведут учёт повседневно, и результат хозяйствования – прибыль или убыток – выясняется только в конце года и подчас оказывается для хозяина полной неожиданностью. Вроде бы всё делали как надо, по науке – и вдруг прогорели! Энгельгардту приходилось учитывать каждую копейку. Возможно, сказала и привычка химика-экспериментатора, который, проводя опыт, должен вести дневник наблюдений и строго фиксировать результат. Постановка учёта у Энгельгардта-хозяина была выше всяких похвал.

«Счетоводство у меня в порядке, приход и расход всего и ход всех работ записываются до малейших подробностей...».

Например, родилась тёлочка. Ей тут же присваивался порядковый номер и записывались все необходимые данные о ней. И так по всем отраслям хозяйства. Вечером – подсчёт: приход, расход... Энгельгардт вёл дневник. Учёт был настолько точный, что Энгельгардт мог сказать: в прошедший месяц он съел 83 цыплёнка.

Приведу ещё **двенадцатое** условие успеха – тщательно подобранный, как сказали бы ныне, трудовой коллектив и надлежащий «дух, который сложился в доме». «Подбору и расстановке кадров» Энгельгардт уделял особое внимание, и недостатка в кандидатах на должность наёмного работника у него не было, особенно в неурожайные годы. Крестьян не только сельца Батищева, но и окрестных деревень он знал хорошо, недаром гостил у них на николюшину и крестил их детей. Он знал, кому можно положить запрашиваемую зарплату, а кому нет, кому отпустить запрашиваемый товар или дать ссуду на условиях покупателя или заёмщика, а с кем можно поторговаться (сцены такого «торга» он сам записывает дословно). Поэтому отобранных им работников действительно можно назвать и его кадрами, и трудовым коллективом. И главное, он знал: для успеха нужно, «чтобы было настоящее, действительное дело, а потом, чтобы был и хозяин». С чего мы начали разговор об условиях успеха хозяйства, к тому же пришли и в конце.

Однако это не то идеальное хозяйство, к которому стремился Энгельгардт. О нём речь пойдёт дальше.

И таких умных советов тому, кто хочет стать настоящим хозяином, в книге Энгельгардта превеликое множество. Разумеется, их сегодня нельзя воспринимать слепо, без учёта изменившихся условий, часто они скорее помогут навести на правильную мысль, напомнить о необходимости учитывать тот или иной фактор, который часто забывается, и всё же ни один из его советов не остаётся пустым, ненужным, тем более что подкреплён практикой и отличными результатами. Письма Энгельгардта – один из самых ценных источников для построения целостной науки о хозяйстве, учитывающей не только материальные, но и духовно-нравственные начала человеческой деятельности.

Глава 9. Хозяйства прочные, непрочные и химерические

Теперь пора показать принципиально отличие хозяйства Энгельгардта от тех частновладельческих хозяйств, которые в глазах интеллигентной публики представляли собой идеал. Хозяйство Энгельгардта процветало, а идеальные хозяйства обанкротились. Почему? Вот и кулак Дерунов вступил конкуренцию с идеальным хозяйством и победил, а это и позволило выявить органические пороки идеальных хозяйств, устроенных по-европейски и называвшихся в литературе того времени *grande culture*.

Энгельгардт – хозяин, начавший дело с нуля, с разорённого имения и добившийся его процветания, причём без вложения капитала. Дерунов тоже поначалу капиталов не имел, а впоследствии нажил столько денег, сколько и сотне таких хозяев, как Энгельгардт, за всю жизнь не заработать. Стало быть, Дерунов тоже хозяин, но его хозяйство построено совсем на других основах, чем хозяйство Энгельгардта, и надо их разобрать.

Скупщик Дерунов, образ которого, созданный творческим гением Щедрина и ставший литературным типом кулака, при крепостном праве был мелким прасолом и только что начал набираться силы. В городе у него был постоянный двор и при нём небольшой хлебный лабаз.

Но вот крепостное право пало. И Дерунов стал главным воротилой в губернии. Разбогател он страшно. Арендовал у помещиков винокуренные заводы, в большинстве городов губернии имел винные склады, содержал громадное количество кабаков, скупал у крестьян хлеб и скот за бесценок в то время, когда тем надо было платить подати, и они страшно нуждались в деньгах.

На месте старого постоянного двора воздвиг он двухэтажные каменные палаты с просторными флигелями и амбарами, в которых помещались контора и склады. Великолепен и его дом. У него четверть уезда земли в руках. Он аблакаты нанял, полторы тысячи ему платит.

«...насчет взысканий: не разоряю я, а исподволь взыскиваю. Вижу, коли у которого силы нет – в работу возьму. Дрова заставлю пилить, сено косить – мне всего много нужно. Ему приятно, потому что он гроша из кармана не вынул, а ровно бы на гулянках отработался, а мне и того приятнее, потому что я работой-то с него, вместо рубля, два получу!»

Я нынче фабрику миткалевую завёл: очень уж здесь народ дешёв, а провоз-то по чугунке не Бог знает чего стоит! (Завоёвывает новые рынки, успешно конкурирует с другими фабрикантами благодаря дешёвой рабочей силе.)

В рыночной экономике все её игроки в той или иной степени – Деруновы.

И вот Энгельгардт рисует картину, как на уезд, в котором он хозяйствует, раскинул свою сеть и Дерунов. И в том же уезде решил создать образцовое, на европейский образец, хозяйство граф Бобринский. Энгельгардт заранее предсказывает, что Дерунов окажется в выигрыше (хотя и временно), а Бобринский прогорит. И причины этого были фундаментальные.

«Бобринский хотел устроить рациональное хозяйство наподобие западноевропейских, с машинами, с рациональными севооборотами и пр. и пр. Но разве Бобринский мог поручить свое хозяйство какому-нибудь Дерунову? Он ведь хотел настоящую, прочную агрономию завести, немецкую. Взял управляющим немца Фишера, и тот начал орудовать. Немец, конечно, понял, что прочную агрономию нельзя завести без настоящего кнехта. У крестьян же, кстати, наделы кошачьи. Ну, и начал немец орудовать, думал, должно быть, прочного кнехта устроить. Взялся за дело по-немецки, с судами, с бумагами, думал всё покрепче сделать – оборвался. Не перекрестясь, немец за дело взялся.

Дерунов перекрестится, урвёт, ухватит, высосет и пошел прочь. Он свой к тому же человек, русский; каждый, дай ему опериться, будет делать по-деруновски. Дерунов делает по-божески, всё на совесть, ни судов, ни контрактов, ни бумаг. Много-много, если у него есть толстая книга, в которой крупными литерами записано: «Иван Петров – полидох, селётка».

Пришла пора пахать, косить, жать – едут деруновские молодцы по деревням народ выгонять, и идут Иваны Петровы косить, жать. Пашут, косят, жнут, а там в книге всё стоят нескончаемые полистохи и селётки. У Дерунова всё идёт, как по маслу. Молодцы ездят по деревням «вовремя». «За тобой должок есть – вези-ка к нам пенёчку».

Что-нибудь одно: или мужицкое хозяйство, или «grande culture». Иные думают, что хорошо, по агрономии организованная «grande culture» может платить мужику более, чем он получит из своего хозяйства, так что мужик будет бросать землю, чтобы идти батраком в «grande culture», подобно тому, как иногда бросает землю, чтобы идти в фабричные, в прислугу, в интеллигенты. Не говоря уже о том, что вовсе нежелательно, чтобы «grande culture» обезземеливала мужика, я думаю, что этого не может быть и не будет...

*Если бы крестьяне в этой борьбе пали, обезземелились, превратились в кнехтов, то могла бы создаться какая-нибудь прочная форма батрацкого хозяйства, но этого не произошло – падают, напротив, помещичьи хозяйства... **Никакие технические улучшения не могут в настоящее время помочь нашему хозяйству. Заводите какие угодно сельско-хозяйственные школы, выписывайте какой угодно иностранный скот, какие угодно машины, ничто не поможет, потому что нет фундамента. По крайней мере, я, как хозяин, не вижу никакой возможности поднять наше хозяйство, пока земли не перейдут в руки земледельцев.***

Итак, в этой главе мы встретились с тремя типами хозяйств с прочным, непрочным и химерическим. Категория «прочность», возможно, и была введена в экономическую науку именно Энгельгардтом. Но, в конце концов, это не так и важно, кто именно ввёл, а важно то, что она была введена.

Хозяйство Энгельгардта было прочным. Он должен был стремиться не к тому, чтобы сегодня урвать прибыль, а дальше – «после нас хоть потоп». Он был привязан к месту жительства. Ему надо было, чтобы он мог жить в Батищеве, не разоряясь, а даже по возможности, развивая своё хозяйство и увеличивая достаток, до конца своих дней, а ещё лучше, чтобы в имении могли жить и его дети, и его внуки. То, что потомки избрали другой путь в жизни, занимались творчеством в области культуры, не меняет дела. Дети могли бы приезжать в имение к отцу в свободное время, на отдых, внуки и внучки к деду – на каникулы.

Хозяйство крестьянина тоже стремилось быть прочным, крестьяне хотели бы, чтобы их наделы унаследовали дети, надеялись, что выбьются рано или поздно из нужды, и жизнь их станет лучше.

Хозяйство Дерунова не было прочным, и он к этому не стремился. Это – рыцарь общества, где «каждый выхватывает, что можно, и бежит». В благосостоянии местности, где он живёт, Дерунов не заинтересован, скорее, наоборот: чем больше нужды кругом, тем сильнее надобность в его ростовщических услугах. Важно урвать деньги – и приложить её к тем, что удалось урвать ранее. Не продают мужики ему свой хлеб в своём уезде, он едет в другой, в глубинку, где крестьяне ещё беднее, и выгадывает свой гривенник, с каждого купленного пуда зерна. Перестанет быть выгодной хлебная торговля – он попытается побить конкурентов дешёвым миткалём в самом Подмоскovie, пользуясь дешевизной рабочей силы в родной губернии. Устроят крестьяне «стачку», отказываясь продавать зерно за бесценок, он назовёт это бунтом и обратится за помощью к властям, которые ему, надо думать, в ней не откажут. Надо будет – он вообще переедет жить в другую губернию, деньги ведь легко меняют место жительства, а продать дворец в одном месте и купить в другом – это обычная процедура у состоятельных людей. Дерунов-отец ещё опасается связываться с рынком акций, опасаясь загреметь в Сибирь (а о таких случаях часто писали газеты, потому что где «рынок» и «свобода», там раздолье мошенникам). А Дерунов-сын уже готов сменить торговлю на финансовые спекуляции. И он, видимо, далеко пойдёт, если суд не остановит.

Хозяйство Бобринского – Фишера не было прочным, оно вообще было химерическим, построенным на ложном основании – на использовании безземельного кнехта, готового работать на помещика вечно. А в российской деревне преобладали трудовые крестьянские хозяйства. Крестьянин, находящийся зимой в крайней нужде, на грани голодной смерти, соглашался за выданный ему аванс хлебом работать летом на барина, но как только дела его поправлялись, он на следующий год уже наниматься на летнюю работу у барина отказывался. Но что это за хозяйство, которое один год работает, а другой простаивает? Ведь бывает достаточно один год не работать, и хозяйство становится банкротом. Энгельгардт рассказывает: «Один немец – настоящий немец из Мекленбурга – управитель соседнего имения, говорил мне как-то: *«У вас в России совсем хозяйничать нельзя, потому что у вас нет порядка, у вас каждый мужик сам хозяйничает – как же тут хозяйничать барину. Хозяйничать в России будет возможно только тогда, когда крестьяне выкупят земли и поделят их, потому что тогда богатые купят земли, а бедные будут безземельными батраками. Тогда у вас будет порядок и можно будет хозяйничать, а до тех пор нет»*. Вот это как раз в России и не удавалось.

Хозяйство Энгельгардта – капиталистическое. Капиталист ведь не только эксплуататор, он ещё и организатор производства. Там, где работает много людей, нужен руководитель. Как писал Маркс, музыкант-одиночка может играть, как хочет, но оркестр нуждается в дирижёре. Хозяйство капиталиста Энгельгардта – производительное. Примечательно, что полученную прибыль он пускал не на улучшение своего жилища, не на излишества (не говорю уж о роскоши), а почти исключительно на развитие хозяйства. Лишь когда он оперился, завёл своих лошадей, сбрую, телеги, сохи и бороны, ему стало возможно вести батрацкое хозяйство. Он начал работать лён частью своими батраками, частью нанимая на определённые работы. Была у него даже задумка устроить у себя винокуренный завод, но, кажется, она не осуществилась. Это не хозяйство современного российского олигарха, который выжимает остатки производственного потенциала предприятия, доставшегося ему почти бесплатно, и полученную прибыль вывозит на Запад.

Хозяйство крестьянина – трудовое. Его цель в большинстве хозяйств – выживание. Если она достигнута – задача усложняется: надо стать зажиточным крестьянином. О том, как это достигается, будет рассказано в следующей главе.

Хозяйство Дерунова – кулацкое, паразитическое. Дерунов ничего не производит, а участвует в перераспределении общественного пирога, стремясь урвать от него себе возможно больший кусок, и использует для этого методы, которые можно было бы назвать подлыми, если бы они не были типичными для рыночного общества.

Есть ещё один органический порок «grande culture», о котором Энгельгардт практически не говорит, поскольку у него в хозяйстве самым большим техническим усовершенствованием была замена сохи на плуг на некоторых работах. До широкого применения машин он так и не дошёл, а Бобринский как раз с этого и начал. Но начал, не позаботившись о создании технической или производственной инфраструктуры.

Ведь машины, которыми оснастил своё хозяйство Бобринский, были заграничного изготовления, в России сельскохозяйственное машиностроение было в зачаточном состоянии. В ходе работы та или иная машина могла сломаться, у другой вышла из строя какая-нибудь деталь, изготовленная по сложной технологии. В полевых условиях, «на коленке», её не заменить. Иметь полный запас всех возможных деталей было бы слишком накладно даже для графа, да и бесполезно, потому что иная деталь может выйти из строя за сезон не один раз. В этих условиях, даже имея ремонтную мастерскую, гарантировать бесперебойную работу машин невозможно.

В советское время, при коллективизации, тракторы, комбайны и прочую сельскохозяйственную технику не передавали прямо колхозам, а концентрировали в МТС – машинно-тракторных станциях. МТС производила пахоту или уборку урожая сегодня в одном колхозе, завтра

в другом, а колхозы рассчитывались с ней натуроплатой. (Я был совсем маленьким мальчиком, но запомнил, как в избу, где жила бабушка со своей младшей дочерью и мною, определили на постой двух трактористов, пахавших поле только что созданного колхоза.) В МТС была и надлежащая ремонтная база, техника находилась в помещении (чтобы рабочие в зимний период, ремонтируя её, не мёрзли) или на крытых площадках, защищённая от атмосферных осадков. Техника была отечественного производства (хотя и на заводах, построенных с участием иностранных специалистов), поэтому и запас деталей был гарантирован, да и служба снабжения существовала, могла осуществлять обмен деталями между соседними МТС, в крайнем случае снабженцев отправляли в командировку на завод, эту технику выпускающий. В итоге со ссорами, перебранкой, но техника поддерживалась в работоспособном состоянии. Это Хрущёв разрушил надёжно работавшую систему, продав технику колхозам, тем самым ограбив их. А заодно и обрёк технику на быстрое разрушение, поскольку в колхозах не было условий для её надлежащего хранения и ремонта.

Был у меня старший друг, служивший на Тихоокеанском флоте. Так получилось, что ему пришлось исполнять обязанности начальника тыла флота. А как раз в это время по ленд-лизу США поставили нам, в числе прочего, великолепные плащи, которые надёжно защищали бы капитанов кораблей, несущих вахту в шторм и в любую непогоду. Естественно, адмиралам тоже хотелось иметь модные и удобные плащи, хотя вахты они не несли и от штормов были защищены стенами своих кабинетов. И они распределили плащи между собой. Мой друг, едва вступив в должность, издал приказ: в двухдневный срок тем, кто получил плащи, не имея на это права, сдать их. После чего плащи будут переданы капитанам кораблей.

Никто не верил, что приказ какого-то капитана второго ранга будет исполнен адмиралами. Но когда несколько начальственных лиц получили серьёзные взыскания за неисполнение приказа, он был выполнен полностью. Один этот поступок моего друга сделал его любимцем флота (не говоря о том, что он вообще был отличный офицер и не раз на стрельбах занимал первые места).

Командующий флотом адмирал Николай Герасимович Кузнецов (легендарный флотоводец, имя которого носит ныне наш единственный пока авианесущий крейсер) вызвал моего друга и выслушал его отчёт о случившемся. Кузнецов приказ оставил в силе, но заметил: «Вы хотите построить коммунизм в одной Курской губернии?» (Он имел в виду необходимость перестройки всей системы отношений в стране?)

Вот и Бобринский решил осуществить техническую перестройку сельского хозяйства России, но (для начала?) в пределах одного имения.

Естественно, Бобринскому и в голову не приходило подумать о судьбе крестьян, которым механизация села грозила массовой безработицей в условиях и без того кричащего аграрного перенаселения деревни.

В общем, Бобринский попал в число помещиков, о которых Энгельгардт писал, что они не только не получают дохода от своих имений, но ещё и вынуждены приплачивать работникам из своего жалования.

Глава 10. О роли личности в истории в местном масштабе

Энгельгардт приехал в Батищево в феврале 1871 года, и за время пребывания там написал для журналов 12 писем. Последнее из них датировано январём 1887 года. После этого жить ему оставалось шесть лет. Как бы предчувствуя скорый конец, он в последнем письме, описывая улучшения в жизни крестьян того куста деревень, с которым соприкасался, мимоходом подводит итоги своей деятельности, не выпячивая своей роли в этом улучшении. Но вот как выглядит точка отсчёта, с которой можно сравнивать достигнутые результаты за время его хозяйствования:

«В нашей губернии, и в урожайные годы, у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови; почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что, те посылают детей, стариков, старух в «кусочки» побираться по миру. В нынешнем же году у нас полнейший неурожай на все... В нынешнем году пошли в кусочки не только дети, бабы, старики, старухи, молодые парни и девки, но и многие хозяева. Есть нечего дома, – понимаете ли вы это?»

В крестьянском дворе *«сегодня съели последнюю ковригу, от которой вчера подавали кусочки побирающимся, съели и пошли в мир. Хлеба нет, работы нет, каждый и рад бы работать, просто из-за хлеба работать, рад бы, да нет работы. Понимаете – нет работы».*

В подтверждение своих слов Энгельгардт приводит выдержку из письма одного крестьянина к сыну, который находился в Москве на заработках (письмо сочинено самим крестьянином):

«Милый сын В. И., свидетельствуем мы тебе низжайшее почтение и уведомляем мы тебя, что у нас в доме так плохо, так худо, как хуже быть не может, – нет ни корму, нет ни хлеба, словом сказать, нет ничего, сами хоть миром питаемся кое-как, а скот хоть со двора гони в чистое поле. Купить не за что, денег нет ни гроша и сам не знаю, как быть. Нынешний год такая бескормица, что теперь в марте не ездят в кусочки на лошадях, как ездили в средине зимы, потому что кусочки подают, а для лошади никто клочка сена не даст».

Легко сказать: *«скот хоть гони в чистое поле»*. Это для горожанина скот – мясо и молоко. А для крестьянина это орудия производства и гарантия сохранения жизни. Останется он без лошади – как ему весной вспахать надел, выполнить другие сельскохозяйственные работы? А остаться без коровы? Тогда хоть ложись и помирай. А кроме того, без скота не будет и навоза, а без навоза можно только зря терзать землю – урожая всё равно не будет.

Другой мужик пришёл купить хлеба и просить хоть какой-нибудь работы:

«Дело-то плохо. Хлеба нет, а в кусочки идти не хочется. А тут скот продать грозятся за недоимку. Что ты будешь делать!»

В первый же год Энгельгардт, продавая зерно крестьянам по умеренным ценам, многих крестьян буквально спас от голодной смерти (не считая тех, кому ежедневно в его имении подавали «кусочки»). Могут сказать: ну, не продал бы хлеб Энгельгардт, продали бы в долг другие. Так-то оно так, но всё дело в условиях кредита. Например, хозяин постоянного двора покупает рожь целым вагоном, чтобы продавать крестьянам мешками (кулями). Сам платит 48 процентов. Какой же процент возьмёт он с крестьян, чтобы самому не прогореть?

В той местности, где хозяйствовал Энгельгардт, *«крестьянин считается богатым, когда у него хватает своего хлеба до «нови».* Такой крестьянин уже не нуждается в продаже своего летнего труда помещику, может всё лето работать на себя, а, следовательно, будет богатым, и скоро у него станет хватать хлеба не только до «нови», но и за «новью». И тогда он не только не будет запродавать свою летнюю работу, но ещё будет покупать работу мужика бедного, каких не в дальнем расстоянии множество. Если у крестьянина хватает своего хлеба до «нови» и ему не нужно прикупать, то он обеспечен, потому что подати выплатит продажею пеньки, льна, льняного и конопляного семени, лишней скотины, и зимним заработком;

если же к тому есть ещё возможность заарендовать земли у помещика для посева льна или хлеба, то крестьянин богатеет быстро.

Затем степень зажиточности уже определяется тем временем, когда крестьянин начинает покупать хлеб: до Рождества, до масленой, после святой, только перед новью. Чем позднее он начинает покупать хлеб, тем зажиточность его выше, тем скорее он может обойтись теми деньгами, которые заработает на стороне зимою, осенью, весною, тем менее он обязывается летними работами у помещика. Чем ранее мужик приест свой хлеб... тем легче его закабалить на летнюю страдную работу...».

В том кусте из восьми – десяти деревень, с которыми соприкасался Энгельгардт и который он называл «Счастливым Уголком», положение крестьян за последние десять лет неизмеримо улучшилось. Но что понимать под выражением «улучшилось» и чем измеряется это улучшение.

«Если кто-нибудь, не знакомый с мужиком и деревней, вдруг будет перенесён из Петербурга в избу крестьянина, и не то, чтобы в избу средственного крестьянина, а даже в избу «богача», то он будет поражён всей обстановкой и придёт в ужас от бедственного положения этого «богача». Тёмная, с закоптелыми стенами (потому что светится лучиной) изба. Тяжёлый воздух, потому что печь закрыта рано и в ней стоит варево, серые щи с салом и крупник, либо картошка. Под нарами у печки телёнок, ягнята, поросёнок, от которых идёт дух. Дети в грязных рубашонках, босиком, без штанов, смрадная люлька на зыбке, полное отсутствие какого-либо комфорта, характеризующего даже самого беднейшего интеллигентного человека».

И мы, читая, в какой обстановке жили крестьяне, даже богатые, поражаемся убожеством этой обстановки. Но ведь это обычная обстановка жизни крестьянина, содержащего скот, в условиях нашего северного климата. Новорождённого телёнка или поросёнка нельзя держать зимой в хлеву, наравне со взрослой скотиной, они замёрзнут. Так что тут выбирать-то не из чего. Хочешь жить в деревне – держи скот. А значит, молодняк зимой приходится держать в избе. Даже после коллективизации такое положение ещё долго сохранялось, и крестьяне стали жить в квартирах городского типа с водопроводом и канализацией лишь с появлением агрогородов, посёлков городского типа, сёл – центральных усадеб передовых колхозов-миллионеров.

«Всё это поразит незнакомого с деревней человека, особенно петербуржца, но не мало удивит его и то, когда он, зайдя в избу, чтобы нанять лошадей до ближайшего полустанка, отстоящего всего на шесть вёрст, услышит от мужика: «Не, не поеду, вишь какая ростопель, мокроть на дороге, поспрошай в другом дворе...».

Бедная обстановка мужицкой избы и это нежелание ехать в дурную погоду за шесть вёрст обыкновенно очень удивляют людей, не знающих деревни. Судить по обстановке о положении и состоянии земельного мужика, даже купца, живущего по-русски, торгующего русским товаром, никак нельзя, в особенности если брать мерилom ту обстановку, в какой живут интеллигентные люди. Конечно, и по обстановке можно судить о зажиточности мужика, но только... по обстановке в смысле тех орудий, которые служат для ведения дела и для расширения его. Как о зажиточности мужика-кулака, занимающегося ростовищичеством, можно судить по количеству денег, какое он пускает в оборот, так о зажиточности земельного крестьянина, занимающегося землёй, хозяйством, можно судить по количеству и качеству имеющихся у него лошадей и скота, по количеству имеющегося в запасе хлеба, по исправности сруби, орудий. Но главное, самое верное средство для определения положения земельных крестьян известной местности – это знать, насколько крестьяне обязываются чужими работами, например, на помещика, в летнее время, самое важное для хозяйства. Чтобы правильно судить о положении мужика, о его благосостоянии, о достаточности или недостаточности его надела, больше всего необходимо обращать внимание на время, в какое мужик нанимается на чужую работу. Благосостояние мужика – в земле, в хозяйстве, и если

он должен продавать свою летнюю работу в ущерб своему хозяйству, то это дурной признак. Человек из интеллигентного класса, не понимающий хозяйства, может часто судить о деле совершенно ошибочно, не принимая в расчет значения времени в хозяйстве: в иную пору мужик нанимается на чужую работу за рубль в день только из бедности, в другую пору и богатый охотно работает за полтинник в день... и этого очень часто не понимают. От этого и происходит, что летняя работа, которую может дать помещик, ведущий свое хозяйство, мужику-хозяину, невыгодна, а зимняя работа, которую даёт лесоторговец, мужику, напротив, выгодна. Только человек, не понимающий дела или недобросовестный, может упрекать мужиков в лености, нерадении, если они не идут к помещику косить, например, за 75 копеек в день; только человек, не понимающий дела, может думать, что он – благодетель крестьян, что он их кормит, даёт им заработки, если он их нанимает на летние страдные работы».

Это тоже чрезвычайно важная категория экономической науки – **время**, введенная, возможно, Энгельгардтом. Конечно, и раньше учёт времени фигурировал во всех расчётах, любой экономист и даже просто помещик легко мог рассчитать капитализацию годового дохода в стоимость его за 10 лет, или рассчитать срок окупаемости капиталовложений. Но Энгельгардт имеет в виду другое: в сельскохозяйственном производстве важно не время вообще, а данный момент в структуре года. (Это, когда, по Ленину, «вчера было рано, завтра будет поздно»). Летнее время имеет одну цену, зимнее – совсем другую.

«Если я говорю, что благосостояние крестьян «Счастливого Уголка» за последние десять лет улучшилось, то потому именно, что вижу уменьшение для них необходимости обязываться на летние работы у помещиков».

Приводимые ниже выводы Энгельгардта опираются на такие бесспорные доказательства, каких не могли представить ни официальные данные переписей, ни прославленная земская статистика:

«Продавая рожь по мелочам крестьянам в течение десяти лет, я аккуратно записывал, почём продавал рожь, кому и когда, так что... могу судить, когда кто из окрестных крестьян начинал покупать хлеб, сколько покупал, по какой цене, покупал ли на деньги или брал под работу и под какую именно: зимнюю или летнюю. Так как ближайшим соседним крестьянам нет никакого расчёта брать хлеб где-либо помимо меня, то мои записи представляют расходные книги соседних крестьян и дают прекрасный материал для суждения о положении этих крестьян за последние десять лет...».

Энгельгардт мог бы рассказать, с полным основанием, что в этом улучшении условий жизни велика была и его роль, но он говорит об этом мимоходом:

«В течение десяти лет, что я занимаюсь хозяйством, я только один раз продал свою рожь гуртом на винокуренный завод, обыкновенно же всю рожь я запрдаю на месте окрестным крестьянам. Так как рожь моя отличного качества, хорошо отделана, чиста и тяжёловесна, то крестьяне прежде берут рожь у меня и тогда только едут покупать рожь в город, когда у меня всё распродано...».

Десять лет тому назад в деревнях описываемого «Счастливого Уголка» было очень мало «богачей», то есть таких крестьян, у которых своего хлеба хватало до «нови»... да и то даже у богачей хватало своего хлеба только в урожайные годы...

В настоящее время дело находится в совершенно другом положении. В одной из деревень последние два года уже все были богачи, то есть никто хлеба не покупал, у всех хватало хлеба до нови, хватит и в нынешнем году. В этой деревне уже есть несколько таких дворов, которые нынче далеко за «новью» просидят с прошлогодним старым хлебом... могут продать часть нынешнего хлеба или раздавать его под работы. В других деревнях почти наполовину «богачей», которые просидят с своим хлебом до «нови»...

Не стало такой нужды в хлебе, как было прежде... не стало той нужды в деньгах, когда нужно платить подати, потому что явилась возможность вырученные от продажи пеньки,

льна, скота деньги, которые прежде шли на покупку хлеба, обращать для уплаты податей. В «Счастливом Уголке» подати не залегают, недоимок нет, ни о порках, ни о продаже скота за подати не слыхать, между тем как в другой части той же волости... постоянные недоимки, продажа скота и пр.».

Крестьян этой благодатной местности миновали и те «прогрессивные новшества», какие рекомендованы учёными агрономами, успевшими облагодетельствовать население иных губерний:

«В «Счастливом Уголке» крестьяне и нынче будут есть чистый ржаной хлеб, тогда как в других местах уже теперь едят хлеб с ячменем, овсом, картофелем...»

Не имея нужды в деньгах для покупки хлеба, удовлетворяя свои потребности в деньгах – подати, попу, вино, дёготь, соль – продажею пеньки, льна, лишней скотины, крестьяне «Счастливого Уголка» не нуждаются в продаже летнего труда... Раз же крестьяне не нуждаются в деньгах, чтобы продавать свою летнюю работу, и работают летом на себя, снимают за деньги или исполу покосы, арендуют землю под лён и хлеб, они быстро заправляются, богатеют, потому что не только получают деньги за проданные продукты – лён, скот, семя, – но, имея много корму, держат более скота, получают более навоза, которым и удобряют свои наделы».

В этом краю не просто повысилось благосостояние крестьян, не только люди не страдают от отсутствия хлеба, но и изменился к лучшему самый образ их жизни:

«Прежде, несмотря на то, что во всех имениях велось хозяйство и, следовательно, требовалась работа, не было отбоя от желающих продать свой летний труд и в то же время множество молодёжи шло в Москву на заработки. Молодые ребята из многих дворов жили тогда в Москве на заработках из года в год, и зиму, и лето, присылали из Москвы порядочно денег, а дворы всё-таки были пусты – ни скота, ни коней. Остающиеся дома хозяева были вечно в долгах, пьянствовали. Теперь никто в Москву надолго не ходит. «Зачем в Москву ходить, – говорят мужики, – у нас и тут теперь Москва, работай только, не ленись! Ещё больше, чем в Москве, заработаешь».

Теперь, если кто из молодёжи идет в Москву, то разве только на зиму, свет увидит, людей посмотрит, пообтесаться, приодеться, на своей воле пожить. Ходившие прежде в Москву, вернувшись домой, засели за хозяйство, вплотную взялись за землю, старики отошли на второй план, перестали пьянствовать – молодёжь не позволяет, – сделались полезными членами дворов... и дворы стали богатеть».

Как это ни удивительно, реже стал встречаться такой, казалось бы, неискоренимый порок, как пьянство. И это в условиях, когда «вследствие уменьшения кабаков от возвышения цен на патенты, сильно распространена тайная продажа водки, которая есть во всех деревнях. Конечно, и теперь крестьяне гуляют на свадьбах, в общественные праздники, гуляют здорово, пьют много, больше, может быть, чем прежде, но отошли праздники – кончилась гуляня, и пьянства нет... Пьяницы сделались степенными мужиками, многие вовсе даже перестали пить... не в свадебный или не в общественно-праздничный день гораздо чаще можно встретить пьяного попа, дьячка или урядника, чем пьяного мужика».

Значит, ключ-то к решению проблемы – не в разработке норм расстояния между местом продажи водки и школой и т. п., тем более не в истреблении виноградников, чему мы, кто постарше, были свидетелями, а в том, чтобы дать людям настоящее дело и надежду на избавление от вечной нужды уже сегодня.

Важно и то, что люди нашли более привлекательный способ проведения досуга:

«...сильно развилась между крестьянами страсть к охоте. Чуть не все молодые люди – охотники, чуть не все имеют ружья, кое-где можно увидеть и гончую собаку. В воскресенье, в праздник молодёжь отправляется на охоту за рябчиками, тетеревами, зайцами».

Но, может быть, ещё более важно то, что «заметно также увеличивается стремление к образованию, к грамотности. Когда была мода на разведение грамотности, вскоре после «Положения», и у нас была при волости школа, то в эту школу приходилось собирать ребят насильно, отцы не хотели отдавать детей в школу, считали отбывание школы повинностью... неохотно шли и дети, да и до школы ли было, когда ребята зимой ходили в «кусочки»?.. В последние же годы стремление к грамотности стало сильно развиваться. Не только отцы хотят, чтобы их дети учились, но и сами дети хотят учиться. Ребята зимою сами просят, чтобы их поучили грамоте, да не только ребята, а и взрослые молодцы: день работают, а вечером учатся грамоте. Даже школы свои у крестьян по деревням появились. Подговаривают хозяева какого-нибудь грамотея-учителя, наймут у бобылки изобку – вот и школа. Ученье начинается с декабря и продолжается до Святой. Учитель из отставных солдат, заштатных дьячков, бывших дворовых и тому подобных грамотеев, получает за каждого ученика по рублю в зиму и содержание. Относительно содержания учителя родители учеников соблюдают очередь. Во дворе, в котором находится один ученик, учитель живет, например, три дня, там же, где два ученика, – шесть дней и т. д., подобно тому, как деревенский пастух. Изба для школы нанимается родителями сообща, дрова для отопления доставляются по очереди, учебные книги, бумага, грифельные доски покупаются родителями...

А между тем эти мужицкие школы составляют предмет опасения. Как только проведает начальство, что в деревне завелась школа, так её разгоняют, гонят учителя, запрещают учить...

Для того чтобы конкурировать с американцами, нужно не пути сообщения устроить, а дать народу образование, знание, а для этого нужно только не мешать ему устраивать свои школы, учиться свободно, чему он хочет, у кого хочет. Только люди, совершенно не знающие мужика, могут опасаться каких-то злонамеренных людей, а между тем именно эти опасения и высказываются по поводу нелегальных мужицких школ.

Вроде бы всё разъяснив, Энгельгардт выражает признаки улучшения благосостояния в концентрированном виде:

«Итак, увеличение урожаев хлеба, уменьшение необходимости продавать свой летний труд, увеличение возможности работать летом на себя, уменьшение отхода на заработки, усиление стремления к хозяйству, к земле, уменьшение стремления бросать землю и идти в батраки, уменьшение пьянства, стремление к грамотности – вот что доказывает, что положение крестьян в «Счастливом Уголке» улучшилось за последние десять лет. Посмотрим же теперь, от чего зависит это улучшение». «.

Начинает он с главного – и тут же ошарашивает образованную публику:

«Первая общая причина – это увеличение урожаев хлеба на крестьянских наделах вследствие постоянного усиленного удобрения и происходящего от того улучшения, удобрения, утучнения надельной земли».

Как же так? Нам учёные доказывали, что существует «закон убывающего плодородия земли», и статистики доказывали, что плодородие крестьянских наделов год от года понижается. Да ведь известно, что почти на всей планете происходит эрозия почв, а это грозит человечеству неслыханными бедами. И вдруг безвестный помещик, опирающийся на опыт какого-то «Счастливого Уголка», доказывает обратное, можно сказать, **переворачивая мировое почвоведение вверх ногами!** Энгельгардт понимает, что его выводы противоречат всему тому, чему учат студентов в сельскохозяйственных институтах, а потому, учитывая важность вопроса, терпеливо разъясняет:

«Урожаи хлебов на крестьянских наделах возвышаются год от году. Это говорят сами крестьяне. Хлеба у крестьян стали родиться гораздо лучше не только сравнительно с тем, как родились при крепостном праве, но и сравнительно с тем, как они родились десять лет тому назад. В «Счастливом Уголке» это возвышение урожаев совершилось на моих глазах...

Произошло это, без сомнения, от улучшения пахотных земель крестьянских наделов, от усиленного удобрения, от лучшей обработки, от употребления лучших, более чистых, семян ржи... Если крестьянские хлеба в чём и уступают теперь господским, то... потому, что они разделены на узкие нивки, которые и удобряются, и обрабатываются каждым хозяином отдельно. Если бы крестьянские земли и обрабатывались, и удобрялись сообща, не нивками, а сплошь всеми хозяевами вместе, как обрабатываются помещичьи земли, с дележом уже самого продукта, то урожаи хлебову крестьян были бы не ниже, чему помещиков».

Он продолжает разъяснять то, что непонятно образованным людям, но представляется само собой разумеющимся крестьянину:

«Что урожаи на крестьянских наделах увеличиваются, так это совершенно естественно... потому что, вследствие удобрения, земля постоянно улучшается. Что она должна улучшаться, так это ясно, если вникнуть в систему крестьянского хозяйства».

В наших местах как помещики, так и крестьяне удобряют землю навозом. Необходимость удобрения так вошла в сознание каждого, что хозяин всё своё внимание обращает на то, чтобы назапасить как можно более навоза... Но в то время, как помещик, продавая хлеб и скот, сдавая с части покосы, отдавая в аренду земли под лён и хлеб, истощает свои земли, вследствие вывоза почвенных частиц (главное – фосфорнокислых солей) с хлебом, скотом, сеном – крестьянин, напротив, приобретая на стороне хлеб, сено и пр., улучшает, утучняет свою землю, ввозя почвенные частицы извне...

Крестьянину недостаточно сена с своих лугов – он... арендует покосы, если имеет на то средства, или косит у помещика с части. Все силы крестьянина употреблены на покос, во время покоса он работает до изнеможения, на покос и со сторонних заработков возвращается домой. Накошенное на чужих лугах сено крестьянин свозит к себе, кормит им коней и скот и полученным навозом удобряет свой надел...

Чем выше благосостояние крестьянина, чем менее он запродаёт свой летний труд, чем более он работает на себя летом – тем более он заготавливает сена, тем лучше удобряет свой надел.

Раз заправившись, крестьянин... снимает в помещичьих имениях землю под лён и хлеба, берет из части ляды и т. п. Выбранный лён, сжатый хлеб он опять-таки везёт к себе: лён и семя продает, хлеб потребляет сам, костру, мякину, солому употребляет в корм своему скоту и в подстилку. Тут опять-таки получается навоз, который вывозится крестьянином на его же надел...

Только агрономы-чиновники да либералы, не понимающие сути дела, могут думать, что крестьянам следует изменить трехпольную систему и заменить ее многопольною с травосеянием. Для крестьян, имеющих возможность работать лето на себя и заготавливать корм на стороне, трёхпольная система совершенно рациональна. Крестьянам же, которые так затеснены отрезками и высокими платежами, что должны лето работать в помещичьих имениях и не могут готовить в страду корм для себя, никакое травосеяние не поможет.

Совершенно другое дело в помещичьих хозяйствах... Помещики в наших местах всегда вели и теперь ведут истощающее землю хозяйство. При крепостном праве помещики и у нас производили огромное количество хлеба, который выпродавался из имений и уносил с собою массу драгоценнейших почвенных частиц, извлечённых из земли, уносил за море к немцам и англичанам, уносил в города, откуда эти частицы спускались в реки...

После «Положения» запашки в помещичьих имениях значительно – полагаю на две трети – сократились, всё еще сокращаются и будут сокращаться...

С уменьшением запашек, конечно, уменьшилось и количество хлеба, продаваемого из помещичьих хозяйств, следовательно, уменьшилось и истощение земель через вывоз хлеба. Но зато явился другой путь для истощения. Не имея возможности убирать всё сено с лугов в свою пользу, помещики вынуждены сдавать луга с части, и таким образом из помещичьих

имений вывозится часть сена... Помещичьи земли истощаются, а на счёт их удобряются крестьянские наделы». В этом «одна из основных причин, почему улучшилось благосостояние крестьян «Счастливого Уголка»... Ежегодно крестьяне из окрестных помещичьих имений везут в свои дворы сено, солому, лён, хлеб, дрова. Всё это в деревнях превращается в навоз, который вывозится на крестьянские поля... Удобряемые на счет помещичьих земель крестьянские конопляники и поля стали неузнаваемы. В будущем, там, где крестьяне заправились, наделы их превратятся в тучные огороды, на которых крестьяне будут вести интенсивное хозяйство. Эти наделы будут представлять оазисы среди пустынных помещичьих земель, которые будут экстенсивно эксплуатироваться теми же крестьянами... и положение их будет улучшаться». Но «необходимо, если не вовсе снять с крестьян платежи, то, по крайней мере, уменьшить их и разложить на долгий срок... чтобы дать крестьянам возможность заправиться».

Оказывается, закон убывающего плодородия почвы действительно существует, но носит не столько природный, сколько социальный характер, и проявляется он не везде. Он явно действует на землях помещиков, а также тех крестьян, которые замордованы непосильными податями и выкупными платежами и потому не имеют средств, чтобы отказаться от запродажи своего труда в летнее время, вынуждены обрабатывать чужую ниву, когда собственная остаётся в запустении. Иначе говоря, почва деградирует, когда крестьянин задавлен эксплуататорами.

Часто душа крестьянина разрывается между хозяйствованием на земле и сторонниками заработка. Энгельгардт не отрицает пользы для крестьянина заработка вне своего хозяйства, но считает, что они не должны быть в ущерб основной его деятельности – работы на земле.

«И в «Счастливом Уголке» на первых порах сторонние заработки играли весьма важную роль, да и теперь еще имеют значение, хотя и в меньшей степени, чем прежде. Но сторонние заработки в таком только случае способствуют улучшению положения крестьян, когда крестьянин главным образом занимается землёй, хозяйством, а сторонние заработки, не мешая хозяйству, служат только подспорьем... Это уже не дело, если крестьянин видит основу в стороннем заработке. В деревнях, расположенных около городов, железнодорожных станций, фабрик, несмотря на обилие выгодного заработка, крестьяне редко живут зажиточно, хозяйственно...»

Но не вступает ли здесь Энгельгардт в противоречие с общими тенденциями развития человечества? Вот он пишет:

«Это уже самое последнее дело, когда мужик не занимается землёй, а смотрит на сторонний заработок. Заниматься землёй трудно. Земля, хозяйство требуют заботы, постоянного внимания. Конечно, даром денег нигде не дают, и на стороннем заработке, на фабрике, в городе, тоже требуется работа, и не менее тяжёлая, но та работа, батрацкая, не требует заботы, внимания и всегда даёт определённый заработок. Хорошо ли, дурно ли отработал известное число часов, а там, что бы из работы ни вышло, получи жалованье. Человек, при таких условиях, привыкает беззаботно жить со дня на день, не думая о будущем, а вместе с тем привыкает к известной обстановке, к известному комфорту. В подгородных и подфабричных деревнях всё рассчитано на сторонний заработок, а хозяйство опускается, земля, хозяйство являются уже подспорьем к заработку, а не наоборот. Поэтому в таких деревнях, где хозяйство должно бы процветать, вследствие удобства сбыта продуктов и возможности в свободное от полевых работ время иметь заработки, мы, наоборот, видим, что масса населения бросает землю, относится к земле и хозяйству спустя рукава и живёт со дня на день. Обыкновенно в таких подгородных, подфабричных деревнях масса населения живет вовсе не зажиточно, и только несколько разбогатевших торговлю кулаков эксплуатируют своих однодеревенцев».

Но ведь обеспеченное существование, досуг, повышение уровня комфорта – это и есть цивилизация. И цель человека – пользоваться её благами. Да, рабочий на фабрике – только исполнитель, а крестьянин на своём наделе – творец, но если у рабочего с семьёй даже всего одна комната, но есть в доме водопровод, канализация, горячая вода (хотя бы в виде круглосуточно кипящего титана, как в том рабочем общежитии, построенном ещё фабрикантом Прохоровым для рабочих своей «Трёхгорной мануфактуры», где прошло моё детство) – это более высокий уровень комфорта, чем изба, где зимой не только ютится крестьянская семья, но и зимуют телёнок, поросёнок и молодняк прочей скотины?

У Энгельгардта свой взгляд на всё это:

«В «Счастливом Уголке»... заработки, доставляемые железною дорогою и лесоторговцами... подняли хозяйства крестьян, но не они одни... были причиною улучшения их положения... Гораздо большие значения, чем сторонние заработки, имеют заработки у себя, хозяйственные, когда крестьянин может снять в аренду земли, засеять лён, переработать его у себя дома зимой. Вот это – заработки, когда, сняв у помещика десятину облоги за 8, за 10 рублей, крестьянин посеет лён и продаст с десятины льна и семени на 100 рублей, а в урожайный год, да при хороших ценах, и на 150 рублей, и получит за свою работу от 90 до 140 рублей, занимаясь этим льном между делом, не упуская своего хозяйства... Конечно, тут риск. Может случиться неурожай, или червяк поест, но если даже лён уродится совсем плохо, если мужик выручит с десятины всего только 50 рублей – за 10 лет моего хозяйства у меня еще не было случая, чтобы десятина льна дала менее 60 рублей, – то и это всё-таки будет хороший заработок между делом, не упуская хозяйства, заработок, какого не даст мужику ни одно помещичье хозяйство. Но, кроме десятины льну, крестьянин может ещё обработать под хлеб десятину перелому из-под того же льна, а по перелому рожь и без навозу родится хорошо. Вот они с хлебом. Да еще соломка, мякиша скотине на корм – вот и навоз.

Хлебушком с своего надела да с арендованной земли крестьянин прокормится сам, прокормит и свинёнка, и курёнка – будет, значит, что и в варево кинуть. Продав пенёчку, ленку, семячко, он выручит достаточно денег, чтобы заплатить подати, попу, купить на праздник вина, заарендовать в будущем году покос, десятину-другую земли под лён и хлеб. Всем хорошо: подать царю уплачена, мужик живёт спокойно, ест сыто, на дворе у него копится навоз и надел всё утучняется да утучняется. И пану – чем воловодиться с хозяйством да кормить на счет мужика приказчиков – получай прямо денежки за землю и живи в своё удовольствие! Для лучшего объяснения, как это совершилось, что в «Счастливом Уголке» мужик за десять лет поправился так, что даже в нынешнем году не бедствует, я расскажу подробно о положении нескольких деревень».

И действительно, рассказывает о каждой из них. Но если всё это пересказывать хотя бы в кратком изложении, придётся переписать из его письма очень много. Надеюсь, если читателя заинтересуют подробности, он сам достанет книгу, тем более, что она есть в Интернете.

Добавлю лишь несколько небольших эпизодов, из которых можно понять, что Энгельгардт сделал для крестьян «Счастливого Уголка» не из благотворительности, а как раз своей хозяйственной деятельностью:

«Когда я приехал в деревню и завёл новое хозяйство, стал сеять лён, то помещики и крестьяне все утверждали, что я затеваю пустое. Помещики говорили, что лён истощает землю, что я испорчу льном свою землю, на что я обыкновенно отвечал: «пусть себе истощает – лён даёт чистого дохода мало-мало 50 рублей с десятины, а земли можно купить сколько хочешь по 30 рублей за десятину». Крестьяне говорили, что напрасно я завожу посеви льна, что лён в наших местах не родится, что лён – хлеб опасный: постелишь – иногда снегом занесёт – корму с него нет. Я говорил на это: «подождите, сами лён сеять станете». Оказалось, что и у нас лён родится хорошо, даёт огромный доход; оказалось, что лён нисколько не более истощает землю и вовсе её не сушит, как говорили крестьяне, разумеется, если его

сеять правильно; оказалось, что после льна рожь родится превосходно. Точно так же все были и против разных других новшеств, которые я ввёл в свое хозяйство, – посев клевера, улучшение скота, введение плужков, железных борон, употребление в постилку костры, кормление скота и овец конопляной жмакой и пр., и пр. Ввезенной нововведения не имели значения для помещичьих хозяйств, никто из помещиков ничего у меня не перенял. Но крестьяне кое-что переняли: плужков, над которыми подсмеивались, говоря, что я дедовского навоза, должно быть, хочу достать более глубокой пашиной, приходят уже иногда просить для подъема земли под лён; железные бороны завелись у многих крестьян; во всём округе развели высокорослый лён от моих семян; рожь стали очищать и начинают понимать, что, когда посеешь костерь, так костерь и народится; телят заводских, которые рождаются в то время, когда телятся коровы у крестьян, раскупают у меня нарасхват – своих режут, а моих выпаивают на племя. Об клевере и говорить нечего, каждый рад косить клевер с части». А то может быть, и до сих пор сеяли бы рожь с костерём, не сеяли бы льна и пр.

Энгельгардт признаёт: *«Крестьяне чрезвычайно косны, не вдруг принимают за новое дело, долго высматривают...»*. Ещё бы, как не быть ему косному, или, лучше сказать, осмотрительному. Это не чиновник, который придумал, например, новую систему организации здравоохранения. Вышло дело – пойдёт на повышение, не вышло – бумаги в корзину, и ищи новую систему, бумага всё стерпит. А у крестьянина ставка при применении новшества – сама жизнь: вышло дело – будет с хлебом, не вышло – урожай пропал, выживет ли семья наступившую зиму – один Бог знает. *«Но зато уж если возьмутся, то дело идёт»*.

Энгельгардт смело вводил в хозяйственный оборот, распахивал облоги, то есть земли, запущенные после отмены крепостного права. Ему нужно было доказать, что земля не стала хуже родить от того, что побыла шесть лет под травами. Ещё большее удивление вызвало другое начинание Энгельгардта – распахка пустошей. Пустошь – она и есть пустошь, пустая земля, частично поросшая мхом, трава на ней если и растёт, то такая редкая и хилая, что скот, выпущенный на пастбище, пробегает её, не задерживаясь на ней. А у Энгельгардта распаханная пустошь дала невиданный в этих местах урожай ржи:

Крестьяне ходят смотреть на поля Энгельгардта как на экскурсию в передовое хозяйство. Сравните же теперь, что давало это поле до 1871 года и что дает теперь:

«...рожь, посеянная на этом участке для испытания, была замечательно хороша, лучшая в моём поле, лучшая в округе, но всего замечательнее то, что земля в этом участке была самая пустая, не приносившая никакого дохода, таких земель у нас всюду пропасть...»

Весной 1879 года на участке был посеян лён. Лён вышел не особенно хорош, не ровен, местами был густ и высок, местами низок и редок. Однако всё-таки с участка были собраны и льняное семя, и лён.

Сопоставьте следующие цифры:

В диком состоянии участок давал 6 копён сена на 6 рублей.

Первый год за лён и льняное семя дал на 176 рублей.

Второй год под рожью дал на 360 рублей.

Всего за три года (так как один год участок был под паром) с участка получено на 536 рублей».

Ведь это же революция в земледелии и в экономике сельского хозяйства, пускай и местного масштаба. Но в уезде у крестьян этот опыт вывал большой интерес и нашёл немало последователей:

«Когда участок был под льном, то крестьяне ещё не особенно им интересовались, но в нынешнем году, когда они увидели, какой вышел хлеб, то удивлению не было конца. В самом деле, такой урожай (а это, считайте, сам-13) – ведь это целое богатство для нашего мужика, у которого не хватает хлеба для прокормления. его достаточно для прокормления

в течение года семьи из 10 душ. Мужик на своём наделе получает сам-б, в помещичьих хозяйствах урожай сам б тоже считается отличным».

С каждым годом в имении Энгельгардта повышалась доля окультуренной земли:

«Распахивая новые земли, я их присоединяю к старопахотным землям, привожу в культурное состояние, ввожу в общую систему и, засевая новые земли льном, хлебами, в то же время засеваю старые земли травами, чтобы они, оставаясь под травой, отдохнули и потом сменили новые земли, когда те, пробыв известное время под хлебами, поступят под травы».

Энгельгардт был в губернии пионером в деле применения искусственных удобрений. Делом его жизни стало изучение и применение фосфоритов, которыми он занимался с давних пор. Он сам участвовал в экспедициях по их поиску, открыл несколько их месторождений, в том числе и в Смоленской губернии, в Рославльском уезде:

«В 1885 году я сделал у себя опыты удобрения фосфоритной мукой, приготовляемой К.В. Мясоедовым из фосфоритов, найденных мною в Рославльском уезде в 1884 году... Фосфоритная мука, употребляемая мною для удобрения под рожь плохого перелома, одна, без навоза, произвела поразительное действие».

Казалось бы, нашёл помещик золотое дно, держи своё открытие в секрете, будь монополистом, загребай денежки. Но Энгельгардт был человеком иного склада. Он не только сам применял фосфоритную муку, с него началось и её использование крестьянами «Счастливого Уголка», и он сам пропагандировал это средство повышения урожайности:

Это Энгельгардт научил крестьян использовать в качестве удобрения торф.

«— Как же, возил. Польза есть.

Впоследствии... крестьянин из соседней деревни просил меня выписать для него мешок фосфоритной муки. Разумеется, я был в восторге, потому что, если мужики станут применять фосфоритную муку — дело сделано... Из следующей выписанной партии я дал крестьянам два мешка... Зелень на нивах, удобренных фосфоритом, была отменна, очень хороша».

Но, может быть, особенно важное значение для крестьян имел совет Энгельгардта покупать, при содействии банка, землю у помещиков, которые забросили свои хозяйства. *«Я всегда был убеждён, что только с переходом в крестьянские руки эти земли будут возделаны, и не видел никакой возможности, чтобы это случилось, пока земля будет в руках владельцев. Хозяину не трудно было предвидеть, какое благодеяние для страны будет, если эти земли перейдут в руки крестьян, которые приведут их в культурное состояние, — а они одни только и могут это сделать».*

Энгельгардт даже подыскивал для крестьян земли, наиболее подходящие для покупки. Но труднее всего было уговорить крестьян на такую покупку. Причём на покупку именно сообща, всей деревней. И даже приводил в пример американских фермеров с их кооперацией. Те купят сообща жатвенную машину, один день косят у одного, другой — у другого. О серпах и косах там давно забыли...

Крестьяне обыкновенно говорили, что дорого.

«— Дорого! Двадцать пять рублей за десятину — дорого! Да ведь «в вечность» купите! И дети, и внуки, и правнуки ваши будут за это поминать вас...»

Энгельгардт всемерно способствовал покупке крестьянами земли у помещиков, особенно рекомендуя именно совместное приобретение и, где возможно, совместную обработку этих угодий. Он приводил примеры кооперации как в России, так и за рубежом, показывая выгоды совместного труда. На купленных лугах траву обычно косили сообща, и лишь потом делили её по дворам по количеству кос. Это был самый простой вид кооперации, её расцвет и распространение на все виды крестьянского хозяйства приходится уже на годы после смерти Энгельгардта. Но первые её шаги он успел увидеть. Он советовал спешить с покупкой земли, потому что за пределами «Счастливого Уголка» уже начинался переток земли из рук помещиков и крестьян в руки хищников, не связанных с землёй.

Зачем скупали землю кулаки? Часть – для спекуляции. Часть – для организации ферм с наёмным трудом. А главное, в целях сдачи её в аренду на кабальных условиях. Это приводило к обогащению сельских паразитов рантье за счёт регресса хозяйства и страданий крестьянина.

И об этой надвигающейся опасности Энгельгардт предупреждал крестьян, но его слова о коллективной обработке земли падали на ещё не подготовленную почву. А когда Энгельгардт возродил в Смоленской губернии посевы льна, дающего, при правильной агротехнике, гораздо больший, чем другие культуры, доход, это сильно подняло уровень жизни крестьян, последовавших его примеру. Только в своём имении он на обработке льна создал немало для данной местности высокодоходных рабочих мест.

Я перечислил только небольшую часть того, что сделал Энгельгардт для крестьян прилегающих к его имению деревень и о чём есть скупые упоминания в его книге. Благодаря ему, крестьяне, как минимум, удвоили свой производственный потенциал и избавились от постоянно висевшей над ними угрозы голода. Будь такой результат достигнут в советское время, Энгельгардта удостоили бы звания Героя Социалистического труда, а то и дважды. А он при жизни оставался опасным государственным преступником, и лишь какая-нибудь бабка, будучи в церкви, подаст записочку с его именем (пока он был жив – «О здравии», а после его смерти – «За упокой»). Или, если неграмотная, поставит в память его копеечную свечку и произнесёт про себя, как говорила при его жизни, когда он справедливо рассчитывал плату за её труд (а переплачивая грош, добавлял: «поставь свечку в церкви»): «И тебе зачтётся!»

Деруновы разоряли крестьян того села, где они действовали, Энгельгардт помогал крестьянам освободиться из кабалы, навязанной им властью, помещиками и кулаками.

Я вам не скажу за всю Смоленщину, вся Смоленщина очень велика (она была больше нынешней Смоленской области), но для её «Счастливого Уголка» за всю историю ни один деятель не сделал столько хорошего, сколько сделал Энгельгардт.

А мы толкуем о роли личности в истории. Оказывается, всё дело-то в том, чтобы была личность, не эгоистически настроенная, а роль для неё история обязательно подберёт!

Глава 11. Гимн русскому крестьянину

В среде помещиков и либеральной интеллигенции, воспитанной на западной культуре, всё шире распространялся взгляд на крестьян как на ленивое и невежественное «быдло», существа низшего рода. Концентрированное выражение это воззрение нашло в гневной реплике генерала из стихотворения Некрасова «Железная дорога»:

*Не созидать – разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..*

А в народническом движении преобладало «народопоклонство», превознесение «мужика» как стихийного социалиста. А. Н. Энгельгардт и тут не побоялся пойти против течения, причём против и того, и другого. Либералам он ответил показом ужаса крестьянской жизни (с точки зрения беспристрастного интеллигентного горожанина) и наставлением, как бы в прозаическом ключе развернув другую строфу того же стихотворения:

*Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.*

А «народопоклонникам» (хотя и сам был народником) показал реалистическую картину крестьянского быта, отметив его как положительные, так и отрицательные стороны.

Прежде всего, он выступил против представления о крестьянине будто бы лентяе, пьянице и недобросовестном работнике:

*«..Жалуются, что наши работники ленивы, недобросовестны, дурно работают, не соблюдают условия, уходят с работы, забрав задатки. И в этом случае всё зависит от хозяина, от его отношений к рабочим... Конечно, есть и ленивые люди, есть и прилежные, но я совершенно убеждён, что ни с какими работниками нельзя сделать того, что можно сделать с нашими. Наш работник не может, как немец, равномерно работать ежедневно в течение года – он работает порывами. Это уже внутреннее его свойство, качество, сложившееся под влиянием тех условий, при которых у нас производятся полевые работы, которые, вследствие климатических условий, должны быть произведены в очень короткий срок. Понятно, что там, где зима коротка или её вовсе нет... характер работ совершенно иной, чем у нас, где часто только то и возьмёшь, что урёшь! Под влиянием этих различных условий сложился и характер нашего рабочего, который не может работать аккуратно, как немец; но при случае, когда требуется, он может сделать невероятную работу – разумеется, если хозяин сумеет возбудить в нём необходимую для этого энергию. Люди, которые говорят, что наш работник ленив, обыкновенно не вникают в эту **особенность характера** нашего работника и, видя в нём вялость, неаккуратность к работе, мысленно сравнивая его с немцем, который в наших глазах всегда добросовестен и аккуратен... Я совершенно согласен, что таких работников, какими мы **представляем себе немцев**, между русскими найти очень трудно, но зато и между немцами трудно найти таких, которые исполнили бы то, что у нас способны исполнить при случае, например, в покос, все. В России легче найти 1000 человек солдат, способных в зной, без воды, со всевозможными лишениями, пройти хивинские степи, чем одного жандарма, способного так безукоризненно честно, как немец, надзирать за порученным ему преступником».*

Действительно, немцы не все такие трудолюбивые и аккуратные, как мы их себе часто представляем. У них есть пословица: «Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle

Faulleute» («Завтра, завтра, только не сегодня – говорят все лентяи»). Особенно в 1970-е годы, до наступления на Западе неолиберальной революции в духе Тэтчер и Рейгана, и современного кризиса. Тогда немцы смогли свалить грязные и тяжёлые работы на турок, арабов и прочих гастарбайтеров. Сменявшие один другого канцлеры ФРГ призывали немцев вспомнить их добрые традиции трудолюбия и аккуратности, но они слышали от трудящихся о «праве на лень». Так что жизнь и по сей день подтверждает правоту Энгельгардта. А он продолжал:

«Опять-таки я не хочу идеализировать мужика. Конечно, если хозяин плох... то будут лениться и относиться к делу спустя рукава. Но в этом отношении я не нахожусь, чтобы мужики были хуже, чем мы, образованные люди...

Пойдите в любой департамент и посмотрите, как работают чиновники; спросите, много ли есть добросовестно исполняющих свое дело чиновников? Не знаю, как другие, но сколько я ни присматривался, всегда выходило, что большинство относится к делу безучастно, лишь бы время отбыть да жалованье получить. Да что чиновники! много ли в университете профессоров, которые добросовестно работают... и влагают в дело, за которое взялись, свою душу?

А мы хотим, чтобы работники, люди безграмотные, не получившие никакого образования, всю жизнь борющиеся с нуждой, получающие жалованье, которое едва обеспечивает насыщенный хлеб, являли собою образцы честности, трудолюбия, добросовестности!

Говорят, что батраки работают только на глазах хозяина – ушёл хозяин, и работа пошла кое-как. Не спорю, часто это так и бывает: тут всё зависит от того, какие подобраны люди, каков хозяин, какой дух господствует в артели. Однако пусть какой-нибудь директор департамента будет сквозь пальцы смотреть на то, ходят ли чиновники в должность – многие ли будут ходить? Пусть какой-нибудь редактор будет зря принимать переводы – много ли у него окажется хороших, добросовестно сделанных переводов? Пусть какой-нибудь редактор попытается без разбору задавать вперёд деньги переводчикам или писателям!

Сколько раз мне случалось в департаменте наблюдать чиновников во время службы от 2-х до 5-ти часов, когда они остаются без присмотра – что они делают? Папироски курят, в окно от скуки глазают... – слоняются из угла в угол, болтают о пустяках, словом, время проводят, службу отбывают. Но вот показался начальник – и все по местам, у всех серьезные лица; тот пишет, тот дело перелистывает. Добросовестные люди везде есть, везде есть и ленивцы. Прежде всего нужно, чтобы было настоящее, действительное дело, и потом, чтобы был и хозяин. Можно и чиновников подобрать таких, которые будут добросовестно работать; можно и переводчиков подобрать таких, которые будут доставлять добросовестно сделанные переводы, так что редактору не будет надобности и читать их; можно подобрать и батраков, которые будут добросовестно работать без присмотра.

Не знаю, как другие, но я своими батраками доволен; работают и без присмотра отлично; подойду, никто не хватается за работу, курили – продолжают курить, болтали – продолжают болтать, отдыхали – продолжают отдыхать, а за работу возьмутся – кипит работа...»

Не всегда обвинения в адрес крестьян выдвигались либералами в силу предвзятости, часто они объяснялись некомпетентностью судящих. В таких случаях Энгельгардт терпеливо объясняет непонимающим суть дела:

«...сколько ни случалось мне слышать возгласов о лениности наших рабочих, я всегда замечал, что говорящий сам не имеет понятия о работе и о той необходимости отдыха через каждые две-три минуты, какую чувствует работник. Посмотрите на производство какой-нибудь трудной работы (человек копает, косит, таскает тяжести) – и вы увидите, что наш работник, даже если он работает вольно, всегда делает работу порывисто, так сказать, через силу, и потому поминутно останавливается, чтобы перевести дух. Барин видит это и, не обращая внимания на то, как человек работает, а замечая только, что он поминутно

отдыхает, думает, что он ленится. Между тем, писать, например, ведь не трудная работа, а я не могу написать листа без того, чтобы не остановиться несколько раз и не покурить. Рассуждают о ленивости рабочих, а сами не знают меры работы или измеряют её тем количеством работы, которое человек может выполнить при исключительных условиях. Каждый знает, что лошадь может с усилием пробежать 20 верст в час, но не может пробежать 200 верст в 10 часов; точно так же и работник может в день перетаскать на тачке 1 ½ куба земли, но не может в 10 дней перетаскать 15 кубов.... Хозяину всё кажется, что мало сделали, потому что он хочет, чтобы всегда сделали тахитит работы, а меры в работе не знает. Конечно, крестьянин, работающий на себя в покос или жнитво, делает страшно много, но зато посмотрите, как он сбивается в это время – узнать человека нельзя. Зато осенью, после уборки, он отдыхает, как никогда не отдыхает батрак, от которого требуют, чтобы он всегда работал усиленно и которого считают ленивым, если он не производит тахитит работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.